

Тимофей Черепанов
Юрюзань — быстрая река

Тимофей Черепанов

Юрюзань – быстрая река

«Издательские решения»

Черепанов Т.

Юрюзань – быстрая река / Т. Черепанов — «Издательские решения»,

ISBN 978-5-44-960252-7

В книге от первого лица рассказывается двухвековая история поселений на реке Юрюзань в пределах Дуванского района Республики Башкортостан. Именно там в своё время снимался известный сериал «Вечный зов» по роману Анатолия Иванова. В XIX веке на Юрюзани появились переселенцы из Пермской, Вятской и других губерний России, полторы сотни лет в это красивейшее место стремились люди, а сейчас оно совершенно обезлюдело. О том, что произошло — эта книга.

ISBN 978-5-44-960252-7

© Черепанов Т.
© Издательские решения

Содержание

Юрюзань – быстрая река	6
Введение	7
Глава I. Предыстория	15
1.1. Поселения	15
1.2. Река-дорога	44
Глава II. Калмаш	63
2.1. Дом рождения	63
2.2. Детство босоное	72
2.3. Река	77
2.4. Судовождение	79
2.5. Рыбачество	79
Конец ознакомительного фрагмента.	84

Юрюзань – быстрая река

Тимофей Черепанов

© Тимофей Черепанов, 2019

ISBN 978-5-4496-0252-7

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

Юрюзань – быстрая река

Эта книга в жанре «устной истории» не могла появиться на свет в таком виде без помощи многих людей, поделившихся воспоминаниями и фотографиями. Автор не хотел бы обидеть остальных, но особую благодарность выражает Тамаре Халтуриной (Козионовой), Татьяне Кирилловой, Надежде Долгодворовой, Анатолию Рухтину, Наталье Прокопец (Рогожниковой), Людмиле Суменковой, Любове Ореховой, Григорию Серебренникову, Александру Микову.

Фотографии, источник которых не указан, принадлежат автору или подарены ему. Остальные либо находятся в свободном доступе (public domain), либо публикуются с согласия правообладателей.

*История – слишком серьезное дело, чтобы доверять ее историкам.
И. Маклеод*

Введение

9 мая 1971 года было воскресенье, но у студентов Бауманки выходных не бывает. Проснувшись в комнате общаги, я посмотрел в окно на деревья, распускавшие первые робкие листочки, на глухо стучащий вдоль леса поезд метро, на пустырь, именуемый по недоразумению Измайловским проспектом – пейзаж, в котором менялся лишь лес, а вдоль линии домов проходили вечно спешащие безымянные москвичи. Надо бы спуститься вниз, повернуть за угол, где уже по 6-й Парковой были гастроном и булочная, но они ещё не открылись. Почему-то вспомнилось, как тремя годами ранее я зашёл в эту булочную, взял батон хлеба и спросил у кассирши, сколько он стоит. Она не успела ответить, как стоявший за мной в очереди старикан назидательно изрёк:

– Молодой человек, в вашем возрасте пора бы уже знать, сколько стоит хлеб.

Да, пора... Откуда было этому моралисту ведать, что я не на асфальте вырос, а московский батон впервые держал в руках? Я знал, как хлеб растят, а не покупают.

Соседи ещё спали, поэтому я приколот к доске кульмана чистый лист – скоро сессия, пора было браться за курсовой проект. Успел начертить лишь рамку и угловой штамп, как в дверь постучали. Открыл, не выпуская карандаша из рук – передо мной стояла женщина-почтальон. Обычно письма и даже телеграммы она оставляла внизу, на столе у вахтёрши, а тут поднялась на скрипучем лифте аж на шестой этаж.

– Черепанов – вы?

– Да, я.

– Распишитесь.

Я расписался в формуляре, взял телеграмму и успел лишь сказать «спасибо», как женщина повернулась и бегом побежала к лифту, через плечо бросив: «Да не за что там спасибо говорить».

В телеграмме было всего два слова: «Мама умерла», и подпись сестры.

Дальнейшее было как в тумане. Что-то сказал соседям по комнате, взял плащ из «болоны» и поехал в аэропорт. Там по телеграмме купил билет до Уфы, из аэропорта – напрямую на вокзал, откуда на местном поезде, маршрут которого напоминал подкову, огибающую Южный Урал, можно было доехать до станции Сулея. Один конец этой подковы находился в Учалах – это Азия, а другой в Салавате – это Европа. Мне – в сторону гор, к Азии. Вагоны больше напоминали электричку, с сидениями, на которых нельзя было толком ни сидеть, ни лежать, а поезд был ночной. В Сулею поезд приходил на рассвете и надо было сразу бежать к «Пазику», который возил пассажиров за сотню вёрст до Дувана и далее, по Старому Сибирскому тракту. Тркт тогда представлял собой разбитый в хлам грейдер, а пассажиры брали автобус штурмом, толкаясь возле единственной открытой двери. Те, кто уже проник в салон, пытались втащить родственников или попутчиков через окна.

Автобус высадил пассажиров в Дуване возле дощатого навеса с надписью «Автостанция» и укатил по тракту дальше – в сторону Тастубы, а мне предстояло добираться ещё около сорока километров на попутном грузовике, либо же идти пешком – в деревню Бурцевка на реке Юрюзань.

Уже не помню где, то ли в Сулее, то ли в Дуване, встретился с братом Михаилом, учившимся в Уфе, и дядей Васей из Бердяуша – братом отца. Подождали на конце Дувана попутки, но её сутки ждать можно было, и пошли пешком к синевшему на западе лесу. В лесу уже цвели подснежники – ими там называют ветреницу дубравную, но было холодно, ветрено, падали хлопья снега. Где-то возле Кутюмской горы нас встретил грузовик: оказалось, его послал за нами леспромхоз. К дому подъехали с задов и по огороду прошли к дому. Возле дома тятя – так называла отчима мама, а следом за ней и мы – строгал доски для гроба. Изба была полна людей,

мама лежала на столе. Когда мы подошли, на губах у неё вдруг показалась пена и кто-то быстро смахнул её тряпочкой. Все молчали. Маме было 47 лет...

Хоронили на следующий день. Кладбище, или, как там говорят, могильцы, находится на нижнем конце деревни, на подножии горы – там сухо. Гроб несли женщины на полотенцах, мужчинам этого делать не полагалось. Остальные шли позади. Дул холодный ветер.

Говорили речи, в основном о той маме, какой она была ещё до моего рождения. Оказывается, она была секретарём комсомольской организации леспромхоза, названного по реке Юре-занским. Дядя Вася пытался вмешиваться в ритуал – он был старшим в роду, да и на фронте командовал взводом сапёров-подрывников, так что смерть для него была делом обыденным. Но в деревне были свои обычаи, на него зашикали и всё сделали по-своему. На холмик поставили пирамидку со звездой, сваренную из железных прутьев, к которой привинтили табличку с именем и датами. Отец пригласил всех на поминки.

В доме уже был накрыт стол – тот самый, на котором только что лежала мама, и ещё, видимо, принесли от соседей. Дядя Вася напился – после войны он за стол без «наркомовских» ста грамм не садился и периодически уходил в запой, тогда с трудом узнавал людей. В этот раз, пока он был ещё в сознании, начал выяснять у сестры, как умирала мама. Узнав, что у неё пошла горлом кровь, тут же, как заправский патологоанатом, поставил два диагноза: либо рак печени, либо туберкулёз лёгких. Раком мама не болела, а туберкулёз отрицала и местная врачиха, и отец. Но прав был дядя Вася...

На следующее утро пошли пешком в Калмаш, ловить попутку до Дувана. Выглянуло солнце, по-башкирски яркое и ласковое, а на душе было холодно и пусто. Дядя Вася был в невменяемом состоянии, его приходилось тащить под руки, а он бормотал что-то бессвязное – возможно, поднимал своих бойцов в атаку. Отец был жилистый, но сухощавый, а дядя Вася – коренастый, широкий в плечах и очень сильный. Про современных солдат говорил, что роту бы без ружья задушил, как цыплят тонкошеих. А тут он обвис и мы его еле тащили. Приходить в себя он начал лишь в Сулее. После войны он работал на железной дороге и уважал её даже больше, чем армию, выразив это однажды такими словами: «Железная дорога, Тимка, это... это... твою мать!». Наша мать, конечно, тут была ни при чём. Увидев рельсы, он только что целовать их не начал, взгляд обрёл осмысленность, он изрёк, что тут его каждая собака знает, мы ему уже не нужны, и побрёл вдоль путей куда-то в пространство.

От Сулеи до Бердяуша была пара остановок, ходили даже электрички из Златоуста. Мишка поехал на том же местном поезде до Уфы, а мы с сестрой толкались возле билетной кассы, напоминающей амбразуру в толстенной, полуметровой стене – вокзал был построен ещё в XIX веке. До постройки железной дороги ни Сулеи, ни Бердяуша не существовало.

Сейчас, когда с тех дней прошло без малого полвека и нет уже ни отца, ни бабушки, ни тяти, всё так же течёт в своих лесистых берегах Юрюзань, равнодушно смотрят в её воды скалы, много выдавшие за века, но безмолвные. Всё меньше остаётся на реке людей, которые там родились и жили и кто мог бы поведать потомкам о том, что это за место такое, куда полтора века назад так стремились люди, обустривая этот таёжный край, а потом вдруг схлынули, разлетевшись по миру. Что влекло их туда и что смело из этих мест за время всего лишь одного поколения, к которому волею судеб принадлежит и автор? Ведь не зря говорят, что где родился, там и пригодился, а тут многие сотни людей покинули места, равным которым по красоте мало на планете, где по сию пору в реку текут родники с самой вкусной водой, воздух чист, водится рыба, леса полны зверя, грибов и ягод, а проснувшись рано утром можно услышать, как за рекой поют рябчики. Что это, чья-то злая воля, случай или же объективная закономерность?

В России память замечательных людей скоро исчезает по причине недостатка исторических записок. Непременно должно описывать современные происшествия, чтобы могли на нас ссылаться.

Эти слова написал А. С. Пушкин – цитируется по послесловию к «Истории Пугачева» (автор – Т. Г. Цявловская), опубликованной в 7-м томе Полного собрания сочинений Пушкина в 1962 году. К слову, Пушкин посетил места событий и в его работе даже упоминается река Юрюзань, которую он именует Юрзень, в мужском роде – очевидно, записал на слух, а произношение названия реки таково, что и по сей день вопрос о правильном написании не решён. В Энциклопедическом словаре Брокгауза и Эфрона за 1904 год приводятся такие варианты написания: Юрезень, Юрюзань, Юрезинь, Юргузень, Эрезень, при этом в качестве основного выбрано Юрезань. В книге я просто вынужден буду использовать на равных два названия: Юрюзань и Юрезань, потому что нам придётся путешествовать во времени.

Топонимический словарь¹ трактует гидроним Юрюзань так:

В основе гидронима др.-тюрк, узьян (*узьень*) **«река»**, **«долина»**. Первая часть названия из башк. пор (*юр*) **«быстрый, резвый»** или из башк. диал. йур (*юр*) **«большой»**, т. е. Юрюзань – **«быстрая река»** или **«большая река»**.

Другой писатель-историк, В. О. Ключевский, в работе «Русская история. Полный курс лекций» писал:

История России есть история страны, которая колонизируется... переселение, колонизация страны была основным фактом нашей истории, с которым в близкой или отдалённой связи стояли все другие её факты.

Так случилось, что мои родители были потомками тех самых колонистов, переселившихся на северо-восток территории, которую ранее называли не иначе как Башкирией. Н. В. Ремезов в книге «Очерки из жизни дикой Башкирии. Переселенческая эпопея», изданной в 1889 году, отмечал, что «в Златоустовском уезде переселенцы селятся преимущественно по реке Юрюзани». Вот на Юрюзани, в посёлке Калмаш, я и родился, там же и жил до окончания школы в 1967 году. Когда я покидал эти места, то сосед, Петр Павлович Сафонов, сказал мне слова, оказавшиеся пророческими: «Где бы ты ни оказался, всё равно всегда будешь вспоминать эту реку». Сейчас, когда, как говорил поэт, «года к суровой прозе клонят», мысли всё чаще обращаются к тем годам и местам. Там, в деревне Бурцевка (а в истории она тоже обычно именовалась по-иному: Бурцовка – и оба эти названия тоже приходится употреблять как равнозначные), ещё стоит родительский дом, но в нём уже никто не живёт. Жуткое запустение охватило это место, куда раньше так стремились люди. И не война, не радиация выгнали их оттуда, а тогда что? Случайный казус это, или же закономерный процесс, нами ещё не осознанный? А, может, чья-то злая воля? Ведь не может быть доброй воля, сорвавшая людей с места, которое и по сей день привлекает своей красотой множество туристов, где течёт река, из которой можно пить воду, а воздух чист на сотню вёрст окрест, где цветут редкие цветы и водятся во множестве птицы. Не было бы там, как сейчас модно выражаться, «экологии», то отец, Черепанов Яков Васильевич, не прожил бы до ста одного года. В 70-х вся страна не отрывалась от экранов телевизоров, когда показывали сериал «Вечный зов», снятый на Юрюзани. И вот, как говорят ещё немногие оставшиеся в этих деревнях потомки переселенцев, «на-вот!», что весьма приблизительно в контексте речи можно интерпретировать как «да, имеет место быть такое прискорбное явление». Что же всё-таки случилось?

Конечно, у меня есть на сей счёт своё субъективное мнение. Не сомневаюсь, что какое-то мнение есть у всех участников этой своеобразной «деколонизации». Но ведь есть и учёные, для которых общественные и миграционные процессы – хлеб насущный. Поначалу я хотел написать «семейную сагу» – историю семьи для узкого круга родственников. Быстро осознал, что любая семейная история неразрывно связана с местом проживания и событиями, там происходившими. Не бывает совсем частных историй, даже если это история любви двух моло-

¹ Географические названия мира: Топонимический словарь. – М.: АСТ. Поспелов Е. М., 2001.

дых жителей Вероны. Пришлось копать... И вот тут-то обнаружилось совершенно удивительное. В бездонном интернете сейчас можно найти всё обо всём, даже не посещая библиотеки и архивы. Издан вполне фундаментальный труд «Русские Айско-Юрюзаньского междуречья»², посвящённый истории, антропологии, языку и этнографии русских, проживающих именно в Дуванском районе РБ. Есть книги, посвящённые Тастубе³ и Вознесенке⁴. История района есть на его официальном сайте, на сайте Михайловского сельсовета. Но там нет практически ни слова ни об истории поселений на Юрюзани, ни, самое главное, об истории Юрезанского леспромхоза. Он, как комета, сверкнул и ушёл в небытие. А ведь предприятие действовало на территории, где в пике численности проживало около 2000 человек, что составляло приблизительно половину всего населения нынешнего Дуванского сельсовета. Складывается впечатление, что эту зону вычеркнули не только из будущего, но и из прошлого. Лишь бывшие жители, родившиеся там и окончившие школу, иногда их дети и внуки, обмениваются воспоминаниями в соцсетях и собираются на редкие встречи в родных деревнях, превратившихся в большинстве своём в урочища.

Когда в 2012 году скончался отец, мы с братом озаботились оформлением прав на участок и дом. Оказалось, что нет никаких документов, но главное даже не это. Оказалось, что нет власти. Точнее, она есть но далеко, в Дуване, где когда-то был райцентр. А ближе власти нет. Нет школы, нет Сбербанка. Тоже не точно – его следы обнаружились в Октябрьском (Мазуре). Там маленький домик, больше похожий на баню, делили почта и сотрудница, исполнявшая функции «банкира» два раза в неделю. А у отца там хранились сбережения с советских ещё лет и за них были положены какие-то компенсации... Сотрудница по старой памяти любезно разрешила нам самим поискать учётные карточки отца. Стопки карточек, перевязанные шпагатом, лежали на полу в углу помещения под слоем пыли. Мы начали их перебирать, читая фамилии. И как будто вся тамошняя жизнь прошла перед глазами: вот учитель, вот соседи, этих мы тоже знаем, и этих... И, представляете, даже что-то нашли. Потом явились с этим в Месягутово, где офис Сбербанка ни в чём не уступает московскому: барышни в корпоративной форме вежливы и компетентны. Как будто приехали в другую страну или в другую эпоху.

Не судите, да не судимы будете. Отчасти это можно понять: для района, большая часть которого – лесостепь, Юрюзань всегда была медвежьим углом в буквальном и переносном смысле. Но доходит до вещей комичных и в тоже время откровенно непристойных. В самом центре Месягутово, как и положено, стоит стела с именами Героев Советского Союза, тем или иным образом связанных с районом. Упомянут там и Сергей Павлович Черепяхин, уроженец села Байки Караидельского района. После войны он жил в пос. Октябрьский и работал электромехаником в Юрезанском леспромхозе. Сейчас модно писать о героях войны, вешать мемориальные доски, делать презентации, ходить с портретом героя в День Победы в составе Бессмертного полка, заполнять страницы Википедии и вообще всячески прославлять. И вот читаю я о нём, и глазам своим не верю. Автор статьи в Википедии написал уклончиво: работал в Юрюзанском леспромхозе. Вроде как все знают, где такой. Но остальные, включая республиканские информагентства, повторяют друг за другом: «Работал в Юрюзанском леспромхозе в Челябинской области». Всё просто: кто-то, как говорится, «погуглил» по названию леспромхоза, и поисковик выдал ему Катав-Ивановский район Челябинской области. Ну ладно, в Уфе могут многого не знать, но жители-то района могли бы задуматься, каким образом Герой ока-

² Русские Айско-Юрюзаньского междуречья (история, антропология, культура): историко-этнографические очерки/сост., автор предисл. Е. Е. Нечвалода. – Уфа: ИП Галиуллин Д. А., 2011. – 380 с.

³ Галиева, Ф. Г. Русское село Тастуба: прошлое и настоящее /Ф. Г. Галиева, С. Ю. Серебренникова, М. В. Водолеева. СПб.: ООО «Свое издательство», 2015. 144 с.: ил.

⁴ Галиева, Ф. Г. Русское село Вознесенка Дуванского района Башкортостана: этнографические очерки / Ф. Г. Галиева; ФГБУН Институт этнологических исследований им. Р. Г. Кузеева Уфимского научного центра Российской академии наук. Уфа: ИП Галиуллин Д. А., 2013. 92 с.; ил.

зался на стеле, если он родился в соседнем районе, а после войны жил в соседней области? Вот так – был Юрезанский леспромхоз и растворился в небытии. Как-то даже оторопь берёт.

Министерство обороны РФ на основании архивных данных создало замечательный сайт <http://podvignaroda.ru> – электронный банк данных о награждённых в ВОВ. Я нашёл там сведения о награждениях отца и двух его братьев, многих земляков, кого смог вспомнить, и сослуживцев-фронтовиков. Фотокопии пожелтевших листков 75-летней давности, написанные в большинстве случаев от руки, производят неизгладимое впечатление. Естественно, есть там и С. П. Черепяхин, помимо присвоения ему звания Героя Советского Союза награждённый также медалью «За отвагу» и орденом Славы III степени (орден Ленина к Звезде Героя и юбилейный орден Отечественной войны I степени – само собой). Так вот, в этой базе пос. Октябрьский стал... местом рождения. Я отправил на сайт письмо в надежде на исправление, а то так и будет кочевать наш герой в пространстве. А ведь герой-то он не картонный, а настоящий: много ли героев-пехотинцев в звании сержанта? Как сообщила мне его племянница, он и похоронен на кладбище Октябрьского, хотя скончался в Уфе, где незадолго до смерти ему была предоставлена квартира. Но в ответ я получил от некоей корпорации ЭЛАР такое письмо: «Благодарим Вас за письмо и предоставленную информацию. Вся информация размещается в соответствии с официально предоставленными архивными оригиналами бумажных документов отдела наград ЦАМО, ЦВМА. Вносить какие-либо дополнения / корректировки данных мы не имеем права».

История с Черепяхиным всё же частная, но леспромхоз-то был крупным предприятием! Не менее крупный Урмантавский леспромхоз был образован лишь как производственный участок Юрезанского леспромхоза в 1947 году и только весной 1951 года стал самостоятельным предприятием. И вот открываю я Башкирскую энциклопедию и не верю своим глазам:

«БАШЛЕСПРОМ» лесопромышленная холдинговая компания, пр-тие по заготовке и переработке древесины. Основана в Уфе в 1952 как трест «Башлес», с 1953 комб-т, с 1975 ПО; с 1986 Баш. производств. лесопром. объединение «Б.», с 1988 терр. ПО, с 1991 лесопром. объединение, с 1994 ОАО «Лесопромышленная холдинговая компания „Б.“», в 2007 ликвидирована.

В состав «Б.» входили лесозаготовит. пр-тия: Архангельский леспромхоз, Аскинский леспромхоз, Белорецкий леспромхоз, Бурзянский леспромхоз, Инзерский леспромхоз, Карлыхановский леспромхоз, Магинский леспромхоз, Мулдакаевский леспромхоз (г. Катав-Ивановск), Сибайский леспромхоз, Талоговский леспромхоз, Урмантавский леспромхоз, Яман-Елгинский леспромхоз; Юрюзанский (п. Караяр) и Муллакаевский (оба в Караидельском р-не) лесокOMB-ты; лесоперераб. пр-тия: Амзинский лесокOMBинат, Мелеузовский лесокOMBинат, Симский лесокOMB-т (п. Бельский Кармаскалинского р-на); деревообр. пр-тия: «Башмебель», Октябрьская мебельная фабрика, Стерлитамакский мебельный комбинат, Уфимская спичечная фабрика, Уфимский фанерный комбинат, Уфимский фанерно-плитный комбинат, Уфим. эксперим. меб. ф-ка (осн. в 1987), Уфим. ремонтно-мех. з-д (1953), ГУП «Уфалессервис» (1999).

Не было такого леспромхоза – Юрезанского с центром в пос. Калмаш! Другие были, в том числе Урмантавский, а его не было. Но действительность, как пел в своё время В. С. Высоцкий, ещё ужасней. Открываю в той же Башкирской энциклопедии статью «Лесозаготовительная промышленность» и читаю: «Лесозаготовки велись в осн. в Белорецком, Гафурийском, Зилаирском, Караидельском и Нуримановском районах». Получается, что в Дуванском районе они либо вообще не велись, либо велись, но в незначительных количествах. Так и хочется спросить уважаемых авторов: «А вы на карту-то хотя бы смотрели?». Конечно, бесследно ничто не исче-

зает: на сайте Управления по делам архивов Республики Башкортостан в разделе «Предприятия и учреждения лесного хозяйства» в списке леспромхозов обнаружилась такая запись: *Юрюзаньского, Дуванский р-н Ф. 1588, 52 ед. хр., 1936—1968 гг., оп. 1*. Хотя что-то, но я не историк промышленности... В том же Национальном архиве Республики Башкортостан, ф. 122, оп. 25 (документы Башкирского обкома ВКП (б) за 1945 г.), д. 493 содержатся материалы именно Юрезанского леспромхоза.

В общем, я понял, что надеяться не на кого и надо браться за перо самому. Что-то помню сам, что-то слышал от родителей, бабушки и отчима мамы, многое можно найти в сети, но это если знать, где и что искать – как мы уже убедились, человеку постороннему ничего не стоит перенести место действия аж в соседний регион. Надеюсь также на коллективную память земляков – ещё не совсем поздно. Но скоро будет поздно совсем, как искать денежные вклады под слоем пыли в углу комнатёнки. Кстати, поди уж и нет её, комнаты этой...

Не раз в жизни я убеждался, что невозможно спорить с Пушкиным даже и в семейных вопросах – он, действительно, «наше всё». Мы привыкли изучать историю глобально (я имею в виду тех, кто её изучает, а не «проходит»). Если речь идёт, предположим, о войне, то на уровне как минимум фронтовых операций, где на карте Генштаба красными и синими стрелами показаны направления главных ударов. В экономике эту будут цифры и проценты в масштабе страны, в крайнем случае – отрасли. Всё это будет завернуто в толстую оболочку идеологии, настолько толстую, что на сам «продукт» места может уже и не остаться. Я пишу это не с чужих слов: один из моих родственников (по линии жены) работал в Институте военной истории МО СССР, принимал участие в написании многих трудов. При этом в частных семейных беседах возмущался тем, что по сути институт занимается нагромождением лжи. Я его как-то спросил, что называется, в лоб, зачем лично он это делает. Причем делает не в коллективных трудах, а и там, где он является единственным автором и вроде бы никто другой его пером не водит. Он мне ответил так же прямо: «Так надо». Кому надо? Кто завёл пружину этого дьявольского механизма, суть которой лучше всего можно передать словами ещё одного знакомого, уже не историка, а парторга то ли колхоза, то ли совхоза: «Так-то мы люди нормальные. Но вот соберёмся на партсобрание и начинаем врать. Врём, врём, а потом расходимся, как ни в чём не бывало»?

К слову, родственник этот по собственной инициативе, а не по службе, написал дельную книгу о Сусанине и о тех, кто совершил нечто подобное⁵. Ну а Сусанин, как известно, спас первого царя последней династии – Романовых. И когда наша страна вроде бы отказалась от той лжи (как позже выяснилось, лишь на короткое время), в написании которой родственник принимал участие по месту службы, потомки этой династии совершили путешествие по Волге на теплоходе с говорящим названием «Советская Россия». Он тоже был приглашён в эту компанию как автор книги и, как говорится, принял участие. В семье сохранилась даже фотография в подтверждение. Правда, потом он сетовал, что было невыразимо скучно, однако ведь и почётно: «Я и Романовы!». Там же и другие известные люди почли за честь засветиться. Не могу удержаться, чтобы не процитировать небольшой отрывок из сценария документального фильма⁶ об этом мероприятии:

*Теплоход «Советская Россия» идет по Волге.
Теплоход делает разворот для подхода к пристани.
Общий вид пристани в Костроме, автомобили ожидают гостей.
Члены семьи Романовых спускаются с борта теплохода по сходням, вид части пристани (сверху).*

⁵ Борисов, Н. В. Они повторили подвиг Сусанина. – М., 1969 (переиздана в 1987, из-во «Просвещение»).

⁶ Поездка по Волге семьи Романовых (1993). Сюжеты, сюжет №1. [Электронный ресурс] // net-film.ru. URL: <https://www.net-film.ru/film-56486/> (Дата обращения: 02.04.2018).

Представитель руководства города зачитывает Великой Княжне Марии Владимировне и Великому Князю Георгию Михайловичу текст приветственного адреса, рядом стоит Немцов Б. Е.

К чему я упомянул этот сюжет? Да к тому, что история одного лишь этого человека, но написанная правдиво и объективно, скажет о времени больше, чем все учебники истории, вместе взятые. Впрочем, и эта мысль не нова, Пауло Коэльо в книге «Дьявол и сеньорита Прим» написал: «История одного человека – это история всего человечества». Частное зависит от общего, но общее раскрывается лишь через частные истории. Что бы мы знали об истории XIX века без героев Толстого, Гоголя, Достоевского и Чехова? Идеологизированный историк напишет сегодня так, а завтра – наоборот, потому что «так надо». Поэтому история поселений на Юрюзани в этой книге будет показана именно через жизнь частных лиц, известных мне, моим родителям и другим родственникам, соседям, знакомым и просто землякам. С момента, когда власть с распадом СССР потеряла монополию на правду и на историческую память, в стране пусть и с опозданием на полвека, но всё же историками было признано право на существование метода исследования, получившего название «устная история» (Oral History)⁷. Ну а чья устная история лучше всего известна автору? Понятно, что своя собственная, поэтому и одним из главных героев, и, по выражению А. С. Пушкина – «замечательным человеком», и летописцем в одном лице волей-неволей становится ваш покорный слуга, так что не взыщите. На исповедь не претендую, но обещаю не врать.

Рис. 1. Строительство станции IV класса Сулея на 681 версте Самаро-Златоустовской железной дороги. 1885—1889 год⁸

⁷ Ростовцев Е. А. Российская наука об устной истории // Вестник Санкт-Петербургского университета. История. 2018. Т. 63. Вып. 2. С. 522—545. [Электронный ресурс]. URL: <http://vestnik.spbu.ru/html18/s02/s02v2/13.pdf> (Дата обращения: 07.12.2018)

⁸ Самаро-Златоустовская железная дорога (1885—1890). [Электронный ресурс]. URL: <https://humus.livejournal.com/4314684.html> (Дата обращения: 16.10.2018)

Рис. 2. Памятник Герою Советского Союза Черепяхину Сергею Павловичу на кладбище пос. Октябрьский Дуванского района Республики Башкортостан

Глава I. Предыстория

1.1. Поселения

Более ста лет назад, в начале прошлого века, был издан фундаментальный труд – полное географическое описание России⁹. Пятый том посвящён Уралу и Приуралью. На сайте ГПИБ это издание доступно в сканированном виде. Посмотрим на схему Южного Урала, представленную в этой книге (рис. 3). К северо-востоку от Уфы, севернее линии железной дороги, тогда называвшейся Самаро-Златоустовской, в практически широтном направлении протянулся один из западных хребтов Уральских гор – Кара-Тау. Этот хребет является южной границей огромной территории, которая на карте обозначена как Уфимское плоскогорье. Современное название – Уфимское плато. На западе эта территория заходит за реку Уфа, с востока ограничена Айско-Юрюзанской лесостепью, именуемой также Айско-Сылвинской депрессией (Предуральским прогибом), на севере заходит на территории Пермского края и Свердловской области. Протяжённость плато в меридиональном направлении около 265 км. Не буду переписывать общеизвестное, отмечу лишь, что это плато представляет собой бывшее дно Пермского моря, поднявшееся в результате тектонических процессов, и сложено осадочными породами с преобладанием известняка. Средняя высота над уровнем моря – около 400 метров, максимальные превышают 500. Вся эта территория покрыта лесом.

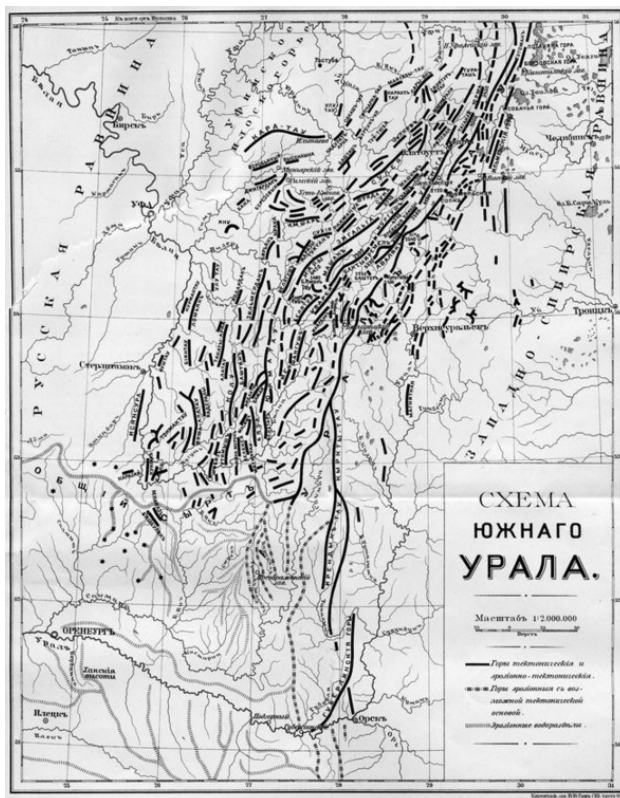

Рис. 3. Схема Южного Урала

⁹ Россия. Полное географическое описание нашего отечества: Настольная и дорожная книга для русских людей: [В 19-ти т.]. – СПб., 1899—1914.

Если взглянуть на карту (рис. 3), то видно, что река Юрюзань прорезает практически центр этого плато. Примечательно, что единственным населённым пунктом, нанесённым на эту карту в зоне плато, является село Тастуба. Фактически это село стоит как раз на восточной границе территории: с запада – сплошные леса, с востока – лесостепь. Выбор Тастубы в качестве своеобразного ориентира не случаен – это одно из старейших русских поселений на северо-востоке Башкирии. Переселенцев туда привлекло исключительно выгодное расположение на границе леса и степи, что позволяло использовать лесные ресурсы и в то же время успешно заниматься сельским хозяйством. К тому же село расположено на Старом Сибирском тракте, именуемом также Екатерининским. Двигаясь из европейской России в Сибирь, путешественник выходил из лесов Уфимского плато как раз в район Тастубы, построенной на месте ранее существовавшей ямской (почтовой) станции. С постройкой в конце XIX века железной дороги, ставшей потом частью Транссиба, значение этого тракта упало, хотя дорога эта существует и поныне под номером Р-317 как магистраль Бирск – Сатка.

Колонизация Южного Урала русскими (я не вкладываю в это понятие какого-либо иного смысла, кроме констатации самого факта переселения) осуществлялась не в направлении с запада на восток, как это можно предположить исходя из современной географии, а в направлении с севера на юг. Территория нынешнего Пермского края была заселена гораздо раньше. В результате переселения из Кунгурского уезда Пермской губернии во второй половине XVIII века на территории Айско-Юрюзанского междуречья, где расположены нынешние Дуванский и Белокатайский районы РБ, были образованы чисто русские поселения.

Пожалуй, наиболее старым и ценным в этом отношении источником, проливающим свет на появление русских поселений на северо-востоке Башкирии, является сборник историко-этнографических статей действительного члена Уфимского статистического комитета В. С. Касимовского¹⁰ – судя по содержанию, уроженца этих мест. Так, в работе «Этнографический очерк села Дувана, Уфимской губернии, Златоустовского уезда» (согласно действовавшему на момент написания статьи в 1868 г. административно-территориальному делению – прим. автора) В. Касимовский пишет:

История заселения Дувана следующая: Слишком 100 лет тому назад жители некоторых селений Кунгурского уезда Пермской губернии стали приезжать в башкирскую Дуван-Мечетлинскую волость и кортомить (т. е. брать в аренду) новые, удобные для хлебопашества земли. Эти крестьяне кунгурияки имели свой временный притон в маленькой мордовской деревушке, имеющей домов 20, находящейся при реке Малой Кошелевке и называемой, по имени башкирской волости, Дуваном. Земля пахотная – вновь была столь плодородная, что пришельцы задумали построить, с согласия башкир, свои дома.

Очевидно, что мордовцы не были коренными жителями этой местности (как, впрочем, и башкиры, о чём прямо говорится в пятом томе Полного географического описания России, однако они несколько опередили великороссов, которых Касимовский именует кунгурияками, выделяя даже в некий самостоятельный субэтнос. Если в Дуване согласно данным последующих переписей населения мордовцев не осталось (Касимовский пишет, что по окончании срочных договоров землепользования с башкирами они переселились в Оренбургский уезд и Самарскую губернию), то по сей день расположенное на территории Дуванского района село Михайловка населено преимущественно мордовцами народности (племени) эрзя, сохранившими даже в значительной степени элементы национально-культурной идентичности. Историк-краевед Р. Г. Игнатьев, описывая археологические исследования на территории нынеш-

¹⁰ Касимовский, В. С. Очерки о Дуване (1868 г., 1877 г.) [Электронный ресурс]. URL: <http://duvan.narod.ru/materials/Kas.html> (Дата обращения: 30.11.2018).

него Дуванского района в статье «Чудские городища в Златоустовском уезде»¹¹ пишет: «Одно из городищ находится в стороне от Уфимского тракта, по направлению от д. Улькундов на село Дуван; в 4 в. отсюда близ верстового столба направо идёт просёлочная дорога, называемая Мордовскою к речке Кошелевке, находящейся от Уфимского тракта в 3½ в. на В. от поворота с тракта».

Согласно сведениям Касимовского, первые русские поселились в районе Дувана где-то в середине XVIII века, однако землёй они пользовались лишь на основании договоров с башкирами, заключённых в устной форме. Учитывая несколько упрощённое понимание башкирами права (в Полном географическом описании России они характеризуются в этом отношении как «сущие дети»), нетрудно представить, сколь непрочными были эти соглашения. Мой отец, Яков Васильевич Черепанов, родившийся в селе Емаши Белокатайского района в 1910 году и являвшийся, судя по всему, прямым потомком кунгуряков (первым поселенцем, как написано на сайте района, был некий Иван Черепанов), рассказывал о непростых отношениях переселенцев с башкирами, у которых они купили право на землю. Несмотря на полное юридическое оформление сделки в соответствии с действовавшими законами, продавец не придавал ей большого значения. Семейство башкир могло в полном составе заявиться к покупателю, поселиться у него во дворе или поблизости и потребовать содержания на правах хозяев земли. Нет нужды говорить, что такое было даже обычаем в тех случаях, когда переселенцы пользовались землёй на основании устного разрешения власти, о таком пишет, например, Н. С. Чухарев – речь об его книге будет ниже. Впрочем, нечто подобное я наблюдал и в наши дни у самых кондовых великороссов в Ярославской области по отношению к москвичам, купившим там дома под дачи.

Царское правительство поддерживало переселенческое движение, в XIX веке приобретшее большой размах. Так, согласно Полному географическому описанию России прирост населения Уфимской губернии (выделившейся в 1865 году из Оренбургской) за период 1851—1910 гг. составил 302%. По-видимому, первоначально поселенцы, как следует из описания Касимовского, жили подобно мордовцам «на птичьих правах», однако в конце XVIII века были заключены письменные договоры с башкирами и земля перешла в полное владение кунгуряков. К этому же периоду относятся официальные даты образования поселений. В книге Ф. Г. Галиевой сказано: «Тастуба основана в период массового русского крестьянского переселения. Почти одновременно появились сёла Дуван (1788 г.), Лемазы (1788), Метели (1793 г.), Месягутово (1798 г.), Сикийз (Тепловка, 1798 г.), Сарты (1798 г.), Озеро (1798 г.). Несколько позднее – с. Ярославка (Никольское по названию каменной церкви в честь Николая Чудотворца, 1802 г.), с. Кошелевка (1807 г.), с. Митрофановка (1879 г.), с. Рухтино (Искаково, 1898 г.), д. Чертан (1905 г., выселок с. Дуван) и другие, всего около 40 русских селений». Также к концу XVIII века были образованы поселения на удалении от тракта, на территории нынешнего Белокатайского района, в частности, Емаши (Ямашка), Ногуши и др.

Переселение крестьян носило организованный характер. Строились специальные переселенческие пункты, где были созданы вполне комфортные по тем временам условия для временного размещения поселенцев. Я помещу некоторые из сохранившихся фотографий¹² тех лет – потом можно будет сравнить их с фотографиями уже другой переселенческой эпопеи, когда в 30-е годы прошлого века на Урал и в Сибирь были сосланы миллионы репрессированных, основную массу которых составляли те же крестьяне. Впрочем, не исключая, что эти фотографии отражают лишь парадную сторону, что в советские годы вообще стало правилом,

¹¹ Игнатьев, Р. Г. Собрание сочинений (уфимский и оренбургский период) / Ответ. ред. В. А. Лабузов; Сост. М. И. Роднов. Т. II: 1866—1868 годы. Уфа [Электронный ресурс], 2011. 290 с. URL: <http://mrodnov.ru/fir/5/public/Ruf.%20T-II.pdf>. (Дата обращения: 16.10.2018).

¹² Челябинский переселенческий пункт, фотографии. [Электронный ресурс]. URL: <https://humus.livejournal.com/5212361.html>. (Дата обращения: 16.10.2018).

потому что есть и другие свидетельства. Так, в дневнике¹³ В. Н. Муравьева, учащегося Тверского реального училища, который с группой однокашников и двумя руководителями участвовал в железнодорожной экскурсии на Урал в 1910 году, написано следующее:

В Уфе на вокзале ожидая поезда, видели персов, а также переселенцев, мать и троих детей, почти голых; у них не было ни копейки, мы им немного собрали. Неподалеку от вокзала находится микроскопическое здание домик «Столовая для переселенцев». Самих же переселенцев возят в вагонах IV класса, в невозможной тесноте и грязи.

Тем не менее, фотографиям я доверяю больше, чем субъективным впечатлениям реалистов.

Рис. 4. Челябинский переселенческий пункт, общий вид

Рис. 5. Челябинский переселенческий пункт, семьи переселенцев

Рис. 6. Челябинский переселенческий пункт, столовая

¹³ Экскурсия на Урал тверских реалистов, 1910 год. [Электронный ресурс]. URL: <https://humus.livejournal.com/3099862.html> (Дата обращения: 16.10.2018).

Рис. 7. Челябинский переселенческий пункт, баня и прачечная

Рис. 8. Челябинский переселенческий пункт, помещение для сушки белья

Но мы должны вернуться к Юрюзани. Встречающиеся в некоторых публикациях утверждения, что русские поселения на Юрюзани возникли лишь в конце XIX столетия, по всей очевидности следует считать недостоверными. С одной стороны, переселение со степи в лесной район можно хотя бы отчасти объяснить чисто психологическими причинами. Так, в пятом томе Полного географического описания России на с. 142 в этой связи отмечается «по преимуществу заимочный, починочный, так сказать, новгородский способ заселения свободных земель русскими... Расселение заимками, состоящими из 1—2 дворов, не было условием, благоприятным общинной форме». О том же, в сущности, пишет и Касимовский (указ. сочинение):

– Русское широкое раздолье сильно высказывается в стремлениях кунгурияка. Он желает жить привольно, поселиться на хуторе, в лесу, около реки, засеять как можно больше хлеба, завести пчелами, построить мельницу и жить богато – припеваючи. Ему мало и этого привольного житья: он желает ехать – и уезжает за Урал (Уральские горы) на казачьи степи, на Амур. Это-то желание приволья окрыляется всегда вольным духом, никогда не стесняемым никаким крепостничеством.

С другой стороны, в обычаях великороссов вообще было селиться по берегам рек, служивших к тому же в условиях полного бездорожья торговыми путями, и это наложило глубокий отпечаток на весь образ жизни. Дуван в этом отношении являет собой одно из явных исключений, с водой в нём всегда было плохо и плохо по сей день. Не могу забыть отвратительный тухло-болотный привкус чая или компота, подаваемого в дуванской столовой, располагавшейся напротив парка, где сейчас колледж, в то время как вкус юрюзанской воды для меня по сей день является эталоном.

Судя по тому, что пишет Касимовский, заимки, или, как их именует автор, хутора, возникли на Юрюзани практически в то же время, что и поселения на границе леса и степи

(Тастуба и Дуван). Возможно, лишь на два-три десятка лет, то есть на одно поколение, позже, но никак не в конце XIX века. Упоминается некое уголовное преступление, случившееся в доме жителя одного из юрюзанских хуторов весной 1857 года, причём житель этот считался богачом. Понятно, что богатство в одночасье не наживается. Описывая экономический быт переселенцев, Касимовский пишет: «Желание жить привольно породило общую кунгурякам страсть к хуторной жизни, к поселению по речкам и в лесах. Здесь на приволье, кроме хлебопашества, крестьяне занимаются пчеловодством. Хуторники юрюзанские водят по 100—150 ульев пчел, вешают в лесу борти, в которые прививаются рои. Мед тамошний белый и вкусный, по отсутствию гречи пчела берет с полевых цветов». Описывается также лов рыбы в Юрюзани и совершенно понятно, что для хуторян это также являлось одним из основных занятий, не прекратившимся и по сей день. Как гласит русская поговорка, «жить у воды, да не напиться?» – то же самое можно сказать и в отношении рыбной ловли.

Отсутствие точных данных о времени образования поселений вовсе не означает, что эти места были необитаемы. Я не историк, а инженер, поэтому мне крайне странно читать, например, такое:

Д. Усть-Кошелевка называлась Ежовка. Возникла после Генерального межевания земель. В 1816 г. здесь было 72, в 1834 г. – 101 человек, в 1859 г. – 52 двора с 140 жителями – выходцами из с. Кошелевка. В 1870 г. в выселке Ежовка было 47 дворов и 395 человек. 328 человек при 52 дворах было учтено в 1920 г. С. Сафоновка возникло как поселок на рубеже XIX – XX вв. Земля была взята в аренду у башир д. Апишаново. Впервые учтено в 1898 г. как имеющее население в 30 человек. Через 3 года в 16 дворе было 118 человек. В конце XIX в. в Сафоновке были мельница, 2 молотилки и 13 веялок. В 1905 г. зафиксированы церковь и церковно-приходская школа. Была бакалейная лавка... Как видно из материалов, подавляющее большинство русских населенных пунктов возникло в 70-90-х гг. XIX в. и во второй половине 20-х – начале 30-х гг. XX в¹⁴.

Ежовка и Сафоновка – самые крупные населённые пункты, существовавшие на Юрюзани до революции, причём в XX век они вошли уже не как выселок и деревня, а как сёла, поскольку имели церкви. Сёла за десяток лет не образуются, тем более что не в конце, а в самом начале XIX века в Ежовке было уже около двух десятков дворов. В Сафоновке, которая «возникла на рубеже XIX—XX века», вдруг в то же самое время возникли мельница, две молотилки и 13 веялок, а спустя лишь 5 лет после «рубежа» – церковь, школа и бакалейная лавка. К тому же фраза «возникла после Генерального межевания земель» лишена какого-либо смысла, поскольку это не дата, а исторический период, охватывающий 1765—1836 гг. Слово «после» в неявной форме сдвигает дату к концу этого периода, в то время как к этому моменту число жителей в Ежовке уже перевалило за сотню. Поэтому попытаемся решить эту задачу хотя бы приблизительно, критически используя различные доступные источники. Это данные переписей населения (как известно, Первая Всероссийская перепись была проведена в 1897 году, в этой работе участвовал даже А. П. Чехов), карты местности, уже упомянутые планы дач Генерального и специального межевания. Но один из главных источников – это память живых людей и их записи о своих предках. Не следует воспринимать эти слова иронически: Пушкин, как известно, придавал большое значение преданию как источнику исторических знаний. Некоторые люди живут долго (мой отец, например, перешагнул через век и в одно время в квартире были зарегистрированы он, родившийся в 1910 году, и его правнук, родившийся в 2010-м. Это даже вызвало подозрение в жилконторе, что тут какая-то ошибка). У меня

¹⁴ Асфандияров, А. З. История сел и деревень Башкортостана и сопредельных территорий. – Уфа: Китап, 2009. – 744 с.

есть фотография, сделанная в начале 70-х в Пушкинских горах. На ней изображена моя жена и некий дед, ожидавший автобуса в Михайловское и не отказавшийся поговорить. В разговоре он часто упоминал какого-то Гришку. Оказалось, что Гришка – это сын Александра Сергеевича, последний владелец имения в Михайловском. Где мы, а где Александр Сергеевич? Всего лишь через двух человек мы дотянулись до эпохи, которую можно было бы охарактеризовать на манер немецких глаголов как «давно прошедшее время».

Начнём с карт. Как написал¹⁵ один умный человек, «в Лувре на старинной карте мира Казань есть, а на месте здешней столицы, увь – густой урман»¹⁶. Самой старой точно датированной картой, на которой обнаружилась релевантная информация, оказалась карта востока Европейской части России, составленная под руководством известного военного топографа, офицера Генерального штаба Ивана Афанасьевича (в украинском написании – Опанасовича) Стрельбицкого. Она составлялась в течение нескольких лет, но нужный нам участок датируется 1872 годом. На рис. 9 – выкопировка с этой карты. На ней мы видим деревни, о которых больше никаких других сведений нет: Воробьёва, Куташева, Фокина и Емнашева (на месте будущего пос. Мазур, он же Октябрьский). Возможно, эти деревни потом получили другие названия. Так, в учётных данных переписи населения 1920 года¹⁷ фигурирует деревня Антуфьевка, а на сайте Михайловской администрации¹⁸ в скобках указано прежнее название – Фоминовка. Учитывая, что названия деревень на карте Стрельбицкого указывались явно «на слух», вполне возможно, что Антуфьевка (Фоминовка) и д. Фокина на карте – это один и тот же населённый пункт. Но главное, это присутствие на Юрюзани (почти на всех картах и в документах до конца XX века река называется Юрезань) деревень Сарапуловка (на карте – Сарапалува), Усть-Кошелёвка (Ежовка, на карте – Устькошелева), Елабуга (Алабугина) и Бурцевка (на карте Бурцова). Причём Бурцевка изображена состоящей из двух частей, соединённых линией, и одна из этих частей расположена на месте Сафоновки. Таким образом, вышеперечисленные деревни образовались не позже 1872 года.

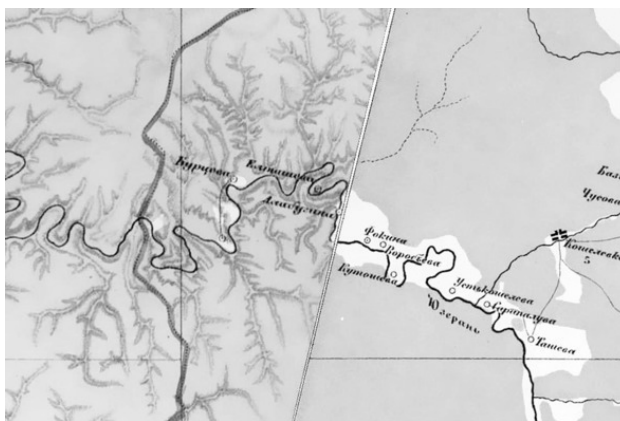

Рис. 9. Карта Стрельбицкого 1872 г.

Ещё один документ, сведения в котором относятся к 1870 году – это «Списки населённых мест Российской империи»¹⁹. В нём упоминается в Третьем стане по Сибирскому почто-

¹⁵ Мурзагулов, Р. Бабай всяя Руси или особенности уездной демократии. [Электронное издание]. URL: https://ridero.ru/books/babaj_vseyarusi/. (Дата обращения: 16.10.2018).

¹⁶ Под столицей подразумевается город Уфа. Урман – лес (башк.). (Примеч. автора).

¹⁷ Роднов, М. И. Население Уфимской губернии по переписи 1920 года: этнический состав (Бирский, Златоустовский и другие уезды). – Москва: ИЭА РАН, 2014. – 178 с.

¹⁸ Сельское поселение Михайловский сельсовет муниципального района Дуванский район Республики Башкортостан. [Официальный сайт] URL: <http://michailovsky.spduvan.ru/istoricheskaya-spravka/> (Дата обращения: 16.10.2018).

¹⁹ Списки населённых мест Российской империи, составленные и издаваемые Центральным статистическим комитетом

вому тракту из г. Уфы, по левую сторону тракта, только Ежовка (написано выселок Ежевка при рч. Юрезани) – 47 дворов, 187 лиц м. п. и 208 лиц ж. п.. Есть маслобойный завод, 2 водяных мельницы, пчеловодство. Иные поселения на территории нынешнего Дуванского района по Юрюзани не упоминаются, однако сомнений в их существовании быть не может, поскольку они нанесены на карту. Возможно, переписчики просто не добрались до этих глухих мест.

Следующий документ, который специалисты считают важнейшим при определении дат основания населённых пунктов – это планы дач Генерального и специального межевания. Реестр (в оригинале – «алфавит») участков (дач) по Златоустовскому уезду Уфимской губернии хранится в РГАДА (Российский государственный архив древних актов) и доступен в сканированном виде даже в интернете²⁰.

В документе приведены сведения по следующим населённым пунктам на Юрюзани в границах нынешнего Дуванского района РБ:

Усть-Кошелевка деревня

Сарапуловка выселок

Черемисская Елань

Луга Саламатова

Петухов хутор

Елабужский хутор

Потапов хутор

Сафонова хутор

Смольникова выселки

Трапезников хутор

В качестве примера приведу лист 19, где содержатся сведения по Сафоновке и Смольниковке (рис. 10). Как видим, в документе указаны три даты: дата межевания (1832 г.), дата утверждения результатов (1871 г.) и год поступления их в архив (1881). Земли поступили из дач башкир Мурзаларской волости в пользование государственных крестьян (в общинное пользование жителей деревни). Записи по всем вышеперечисленным населённым пунктам идентичны. О чём они говорят? Я полагаю, не надо быть историком, чтобы понять очевидное: все указанные в плане деревни, хутора и выселки уже существовали на дату межевания (1832 год). О каком конце XIX века в таком случае речь? Ясно, что все эти населённые пункты образовались до 1832 года. Установить более точную дату, к сожалению, не удалось. В базе данных объединения «Мемориал» есть сведения о репрессированном в 1933 Соловьеве Федоре Григорьевиче, родившемся в д. Елабуга в 1971 году.

[illegible]

Министерства внутренних дел. XLV, Уфимская губерния, список населённых мест по сведениям 1870 года. – Санкт-Петербург, 1877 г.

²⁰ РГАДА [Электронный ресурс]. URL: http://rgada.info/opisi/1354-opis_550/

Рис. 10. Лист реестра к плану дач генерального межевания по Златоустовскому уезду

Большим подспорьем в установлении истории русских поселений на Юрюзани явилась книга Николая Степановича Чухарева, сканы которой мне любезно предоставила Надежда Долгодворова – сестра Анатолия Рухтина, местного поэта, давно интересующегося историей поселений на Юрюзани и собравшего много материала по теме, в частности, по истории Юре-занского леспромхоза. О судьбе семьи Рухтиных речь ещё пойдёт позже, когда нам придётся коснуться не самого радостного периода в истории страны – сталинских репрессий. Николай Степанович родился в 1931 году в Трапезниковке, работал управляющим 9-го отделения Дуванского совхоза, а с начала 80-х годов и до выхода на пенсию – председателем Калмашского сельсовета. Книга носит грамматически немного неправильное название: «Деревни и её люди», но она не была издана – это, в сущности, рукопись, отпечатанная в типографии г. Братска тиражом 99 экземпляров. Автор является даже моим дальним родственником, хотя и не кровным – он племянник уже упомянутого выше отчима мамы Павла Васильевича Чухарева, также родившегося в Трапезниковке.

Учитывая то обстоятельство, что книга Н. С. Чухарева представляет собой рукопись и широкому кругу лиц недоступна, но в то же время в ней содержится уникальный материал, автор посчитал уместным цитирование этих воспоминаний в объёмах, которые в случае обычной публикации, когда книга в обязательном порядке попадает в ведущие библиотеки страны, воспринимались бы как избыточные.

Н. С. Чухарев попытался скрупулёзно восстановить историю образования Трапезниковки. Очевидно, по преданию, вряд ли ему были доступны другие источники, во всяком случае он ни на один из них не ссылается. Трапезниковка располагалась на самой границе двух уездов Уфимской губернии: Златоустовского, к которому относилась, и Бирского (в «наше» время это уже была граница Дуванского и Нуримановского районов Башкирской АССР, с 2005 года – Дуванского и Караидельского). Эта граница нанесена на карту Стрельбицкого красной линией. Н. С. Чухарев пишет, что в начале XIX века, в 1808—1812 годах, на Юрюзани в месте пересечения её с границей уездов Российский банк построил казённый дом, кордон с надворными постройками. Жили в нём служилые люди. Позже такой же кордон был построен на левом берегу Юрюзани уже на территории Бирского уезда. В чём именно заключалась эта служба, Н. С. Чухарев не сообщает. Можно предположить, что люди эти занимались лесоустройством: прорубали просеки (границы) в лесах, возможно, занимались также дорожными работами. Лесоустроительные работы в Российской империи проводились ещё со времён Петра I. Либо же ловили беглых людей – мы слишком мало знаем об устройстве Российской империи, для нас история начиналась с 1917 года или со времени образования РСДРП.

Примерно в тридцати верстах севернее Юрюзани в направлении запад—восток проходил почтовый так называемый Малый Сибирский тракт, именуемый также Екатерининским (Большой Сибирский тракт шёл севернее, через Кунгур) – об этой дороге уже шла речь выше, там она названа Старым Сибирским трактом, есть и такой вариант. Она существует и поныне как автодорога Р-317, её даже реконструируют, то есть по сути дела участок от Караиделя до Тастубы строят заново и по плану должны закончить в 2019 году. Возможно, сдадут и ранее. Место, где тракт пересекал реку Уфа (Уфимку), называлось Шафеевским перевозом (сейчас он в черте села Караидель). От этой переправы в направлении на юг через леса и горы шла кратчайшая дорога к заводам, расположенным южнее хребта Каратау: Аша-Балашовскому, Миньяру и Симу. Так это или нет, сейчас уже вряд ли возможно выяснить, но это объясняет строительство кордона именно в этом месте, где дорога и граница уездов пересекались с рекой.

Двумя верстами выше по течению Юрюзани находится другое примечательное место, которое часто вспоминают старожилы: Семиостровное. Остров Семиостровный есть и на современных картах местности – мы их ещё увидим. На карте-двухкилометровке Гене-

рального штаба (данные 1985 года) на Юрюзани между островом Семиостровным и Трапезниковкой (в 1985 году это уже урочище) показаны ещё два острова: Большие и Малые Мечети, расположенные возле скалы Мечеть, а ниже Трапезниковки, как раз на границе уездов – остров Мишкинский. Этот остров назван так по имени монаха, жившего на кордоне. Основное же поселение монахов располагалось в Семиостровном. Что это были за монахи, неизвестно, однако ни церкви, ни хотя бы часовни они не построили и это позволяет предположить, что это были, скорее, раскольники, забравшиеся в лесную глушь от преследования властей. Тем не менее этим монахам принадлежали пригодные для пахоты земли – ровные участки на излучинах реки площадью по 30—40 десятин. С годами эти монахи вымерли, а поселение сгорело в 1882 году от удара молнии. В конце позапрошлого века в Семиостровном стояла большая (до 100 пчелосемей) пасека Логина Савельевича Трапезникова, но и её постигла та же судьба сгореть от удара молнии в 1910 году. Место это оказалось меченым: в 1936—1939 годах колхоз «Победитель» построил в Семиостровном большие помещения для скота, и они сгорели по той же причине уже в 1947-м.

Н. С. Чухарев также пишет, что первым жителем деревни был Савелий Трапезников. Фамилия Трапезников встречается среди первых переселенцев-кунгуряков на территории нынешнего Дуванского района. В упомянутой выше книге А. З. Асфандиярова говорится, что некий сотник Евтихей Трапезников был участником заключения договора от 6 сентября 1798 г., по которому жители сел Сикийз, Озеро, Сарты и Месягутово получили землю от башкир-вотчинников. Позже Трапезниковы основали неподалёку от села Лемазы Тастубинской волости деревню, названную по обычаю Трапезниковкой. Хотя А. З. Асфандияров и пишет, что в 1870 году этой деревни ещё не существовало, это не согласуется с тем, что написал Н. С. Чухарев: по его сведениям именно к родственникам, уже жившим в Трапезниковке, пришёл сначала Савелий. Лишней земли у них не было, но родственники дали совет пойти в Златоуст к уездному начальнику и просить у него разрешения поселиться на свободных землях, которыми распоряжалась уездная управа. Что Савелий и сделал, получив разрешение поселиться на землях, оставшихся от монахов Семиостровного. К тому же там стоял опустевший к тому времени кордон, пригодный для жилья, а в качестве условия при заселении Савелию было положено числиться сторожевым казённым человеком. Возможно, так всё и было, однако либо деревня Трапезниковка (возле Лемазов) была образована ранее 1870 года, либо же встреча Савелия с родственниками происходила в другом месте, поскольку эта дата противоречит сведениям о втором жителе на кордоне – Стахее Чухареве.

По данным Н. С. Чухарева, который являлся прямым потомком первопоселенца Стахей (праправнуком, то есть четвёртым поколением, хотя сам он, очевидно ошибочно, говорит о шестом), Стахей пришёл на хутор, который башкиры к тому времени уже окрестили Савкиным (от имени Савелий), спустя 6 лет после Савелия Трапезникова. Николай Степанович восстановил полную родословную рода Чухаревых вплоть до Стахей – она есть в его книге. Ветвь родства по нисходящей выглядит так: Стахей – Григорий – Василий – Степан – Николай. В семье Василия Григорьевича и его жены Секлетины Семёновны было 10 детей: Анна, Александр, Афанасий, Степанида, Анисья, Алексей, Пелагея, Павел, Никанор (в книге – Никонор) и Степан. Павел, как я уже говорил, был отчимом моей мамы, он родился в 1906 году. У меня есть фотографии его и его сестры Пелагеи (бабы Поли), которая потом, как и Павел Васильевич, жила в Бурцовке, Никанор жил в Трапезниковке до середины прошлого века, когда переехал в Дуван. А теперь, давайте, посчитаем. Принято, что смена поколений происходит в среднем через четверть века, то есть через 25 лет. Между Стахеем и Павлом Васильевичем – три поколения, это 75 лет. Отнимаем их от 1906 года, получаем 1831 год. Напомню, что межевание производилось в 1832-м. Если Савелий Трапезников поселился на кордоне на 6 лет ранее Стахей Чухарева, то получаем ориентировочную дату образования Трапезниковки – 1825 год, отмеченный в истории государства Российского восстанием декабристов.

Но это никак не конец XIX века, а его начало. И именно эта дата согласуется с официальными сведениями.

Пишет Николай Степанович и о своих предках, о необычайной силе сына Стахея Степана, способном унести на плече восьмипудовый (120—130 кг) тормозной лот с барки. Правда, в книге А. Ф. Мукомолова «На южноуральских заводах»²¹ по поводу этих лотов цитируется из исторического описания Усть-Катавского завода следующее: «Там же делаются при сём заводе якоря небольшого весу, каковы к барошному ходу потребны и не более как от 6 до 7 пуд весом, однакож не для продажи, а единственно только к удовольствию коломенок, отпускаемых с железом». Исходя из этого описания, вес лота лишь немного превышал 100 кг, так что сведения о силе Степана уже не выглядят преувеличением. В хозяйстве никак не будет лишней наковальня, а когда её нет, то любая массивная железяка. В моём детстве, например, эту роль играл каток от тракторной гусеницы. На нём или на чём-то подобном старший брат «единственно только к удовольствию своему» расплющил молотком отцовские медали, с которыми тот пришёл с фронта. Одна была белая, серебряная – «За боевые заслуги», а ещё две жёлтые: «За победу над Германией» и «За взятие Берлина». Я тогда был ещё мал, но не исключаю, что молоток тоже держать уже мог. Расколотил брат, а досталось за это мне. Мир несправедлив. Потом, когда строили дом в Бурцевке, уже мне пришлось на этом катке рубить из проволоки килограммы гвоздей для забора, купить такой дефицит не получилось. Николай Степанович пишет, что сейчас этот лот лежит на каменке чьей-то бани в Сафоновке. Может, и лежит, а может, и нет уже той бани... Ещё он пишет о непростых отношениях с башкирами, которые жили ниже по реке и по-прежнему считали себя хозяевами всей земли. Земская власть ведь только устно разрешила жить на кордоне, а бумаг никаких на сей счёт не было, несмотря на межевание. Споры эти продолжались до самой революции, которая всех примирила простым до гениальности способом. Пообещав передать землю крестьянам, большевики и передали её... государству. Но и об этом – позже.

Окинем теперь поселения на Юрюзани более широким взглядом. Вот что пишет Н. С. Чухарев:

Каждый вновь приезжий на Юрюзань вынужден строить и жить там, где была свободная ровная площадка у реки в 15—20 десятин земли, чаще всего в лесу. Некоторые деревни или хутора возникали по причине увеличения семей. Отец женил сына или выдавал дочь замуж, земли лишней у отца нет, новая семья селилась недалеко от родителей. Срубали лес для строительства дома, выкорчёвывали пни, расчищали площадку под усадьбу, огород и дальше под посев зерновых. Сначала небольшой участок, с годами расширяя у кого насколько хватало силы, способности, желания. А в основном площадь участка была столько велика, сколько позволяла местность, как обычно прижатая к реке крутыми горами.

Замечу, что описание вполне подходит под житие небезызвестной семьи раскольников Лыковых, описанное Василием Песковым в книге «Таёжный тупик». Так же озаглавил один из своих рассказов, опубликованных в районной газете «Дуванский вестник» (ранее – «Ленинское знамя», а ещё раньше, в годы моего детства – «Колхозник») Анатолий Рухтин. С начала 30-х годов прошлого века, когда волостное деление было заменено районами и сельсоветами, территория вновь образованного вместо волости Дуванского района вдоль Юрюзани была разделена на два сельских совета: Ежовский, от Сарапуловки до Елабуги, что в трёх километрах выше впадения в Юрюзань ручья Большой Кутюм, и Сафоновский (позже – Калмашский), от Кутюма (Потаповки) до Трапезниковки. Поселения Ежовского сельсовета Н. С. Чухарев

²¹ Мукомолов, А. Ф. На южноуральских заводах / Рос. акад. наук. Ин-т Рос. истории. – Москва: Территория. Кн. 1. – 2001.

описывает так (орфография и стиль автора сохранены, местами исправлены лишь явные опiski):

Выше Ежовки по Юрюзани, в двух километрах от высокой отвесной скалы Сабакай, на берегу стояла деревня Сарапуловка 10—12 дворов, как хутор, отпочковалась от села Ежовка.

Село Ежовка, один конец которой стоял на берегу реки, сама деревня располагалась вдоль речки Кошелевки. Наибольшее количество домов: 1949 год – 54, 1999 – 3 дома.

Ниже на левом берегу стояла деревня Худяковка. Худяковское поле 30 гектар прижато к реке. Высокая гора Тарта отрезала поле и деревню, выхода и выезда нет, только через реку.

На правом берегу чуть ниже была такая же деревенька Саламатовка. Поле гористое вдоль лугу 50 га.

После образования колхозов в 1930-е годы эти деревни вошли в колхоз «Красный партизан», контора или правление колхоза в Ежовке. Деревни Худяковка и Саламатовка, так же как и Сарапуловка, отпочковались от Ежовки по 8—10 домов.

Ниже по реке в пяти километрах от Худяковки деревня Петуховка. Особенность этой деревни заключалась в том, что здесь была мельница. ... Мельница строилась колхозом «16 годовщина Октября».

Автор приводит подробное описание мельницы. Я не стану его цитировать, отмечу лишь, что мельница была водяная и использовался перепад высот между родниковым озерком метрах в 8—10 от берега реки и уровнем воды в Юрюзани. Ключей по берегам и в самом русле Юрюзани великое множество, зимой они легко обнаруживаются по не замерзающим даже в самый сильный мороз полиньям. Этому способствует пористый характер пород, слагающих Уфимское плато, приводящий к образованию карстовых явлений. Да и озёрки подобные тоже не редкость. Одно такое диаметром около 10 метров находится вблизи русла Юрюзани примерно в километре ниже Бурцевки, в устье лога Юлай (Юлайко). Вода в нём, в отличие от прозрачной речной, имеет насыщенный голубовато-зелёный цвет и озеро кажется поэтому бездонным. Подобный цвет воды обычно имеют озёра в пещерах. Далее Н. С. Чухарев пишет:

Три километра ниже по реке стоял целый куст деревень. В начале века или 1900 годы образовалось селение в три дома – Староверовка. Затем сюда поехали ещё люди, особенно во время первой, так называемой империалистической войны 1913—15 годы с Германией²². На левом берегу заселилась деревня Карповка. На правом берегу через закопь²³ от Староверовки – Собакина. Напротив, по левому берегу, после революции 1917 года, а также в 1922 году, когда отгремела гражданская война, образовался рабочий лесозаготовительный посёлок Башала²⁴.

²² Тут у автора явная ошибка в датах – Россия участвовала в Первой мировой войне (до революции её именовали Отечественной или Великой) в период 1914—1918 гг., до заключения Брестского мира. И волна переселения также была обусловлена, полагаю, не войной, а земельной реформой, которую связывают с именем премьер-министра П. А. Столыпина. Реформа эта началась в 1906 году и имела отношение не к Первой мировой, а к Русско-японской войне и последовавшим за ней революционным событиям 1905 года, характерной чертой которых была волна крестьянских волнений (прим. автора).

²³ Закопь – местное слово, обозначающее выемку в склоне горы, по которой проходит дорога. В былые времена закопи строились (копались, отсюда и название) вручную, в том числе пробивались в скалах – другой возможности строительства дорог вдоль реки не было. Позже, когда в середине прошлого века появилась техника, закопи расширялись с помощью экскаваторов и бульдозеров, а скалы взрывались.

²⁴ Посёлок Башала располагался в устье одноимённого лога, который можно увидеть и на современных картах.

Два километра ниже Башалы Гуцинское поселье или хутор Гуцинский. На правом берегу ниже – Барское поместье или деревня Барлуг. Хутора были образованы от Барского поместья. Позднее в послевоенные годы (1945) население переехало из этих деревень в Елабугу, что стояла в трёх километрах от посёлка Кутюм. Ближе к проезжей дороге на Дуван из Калмаша и других деревень, стоящих ниже по Юрюзани.

Начиная от Елабуги, вверх по реке, все 8 деревень до Петуховки после коллективизации вошли в колхоз «16 годовщина Октября». Контора колхоза в деревне Староверовка. Так же как и все деревни колхоза «Красный партизан» относились к Ежовскому сельскому совету.

3-го марта 1961 года организовался Дуванский совхоз, все 14 деревень по Юрюзани от Сарапуловки до Елабуги вошли в состав совхоза как 8-е отделение. Управляющим отделения работал Кайсаров Михаил Фёдорович.

В 70-е годы вся страна смотрела телесериал «Вечный зов», снятый режиссёрами Усковым и Краснопольским по роману Анатолия Иванова. Самые первые кадры фильма, где двое солдат возвращаются с Русско-японской войны и идут по деревенской улице, сняты именно на Юрюзани, а деревня Михайловка – та самая Елабуга, практически без декораций. Актёры в период съёмок жили в Калмаше, там тоже снимались некоторые эпизоды, однако в Калмаше уже было электричество и пришлось спиливать опоры и снимать провода. Хотя действие романа происходит где-то в Сибири, пейзаж на Юрюзани с лесистыми горами, быстрой рекой и скалами по берегам подошёл как нельзя лучше.

Деревни Елабуги не стало вскоре после съёмок. К моменту написания этой книги из деревень бывшего Ежовского сельсовета не осталось ни одной. Динамика «умирания» видна из таблицы, составленной по данным переписей населения и размещённой на сайте Михайловского сельского поселения. Цифры в колонках – это число жителей, учтённых в определённый год.

№ п/п	Наименование деревень	1917	1940	1960	1980	2010
1.	д. Антуфьевка (Фоминовка)	46	18	—	—	—
2.	п. Барочный луг	119	94	41	—	—
3.	п. Башала	—	82	—	—	—
4.	п. Гущинский	24	17	—	—	—
5.	д. Ежовка	462	301	210	62	9
6.	д. Лабуга (Алабугин, Абдрахмановка)	57	10	65	—	—
7.	д. Картёвка	7	100	42	11	—
8.	д. Кайсаровка	61	46	37	—	—
9.	д. Кошелёвка (Старая Кошелёвка)	327	309	205	26	3
10.	д. Петуховка	168	68	44	—	—
11.	д. Сарапуловка	87	135	99	—	—
12.	д. Сабакينو (Черемисская Елань)	201	116	29	—	—
13.	д. Саламатовка (Саламатов луг)	16	20	—	—	—
14.	д. Филиповка	—	85	—	—	—
15.	д. Староверовка	16	60	—	—	—
16.	д. Худяковка	43	83	—	—	—
17.	д. Чусовка	18	18	—	—	—
18.	д. Ширяевка	33	37	11	—	—

Деревни Кошелёвка (Старая Кошелёвка), Кайсаровка и Ширяевка стояли не на Юрюзани, а на её правом притоке Кошелёвке. Где находились Картёвка и Чусовка, выяснить не удалось, но все остальные населённые пункты стояли непосредственно на Юрюзани. О том, почему они исчезли, речь позже, а сейчас отправимся ниже по реке, на территорию бывших Сафоновского и Калмашского сельсоветов. Опять процитирую Н. С. Чухарева:

В том месте, где стоит деревня Потаповка, от Юрюзани в сторону Дувана километров на 25 тянется лог Большой Кутюм. По логу течёт ручей-речка, когда-то очень рыбная, с чистой холодной водой. В этой родниковой воде водились хариусы и форель. Теперь же эта рыба почти вся выловилась.

О том, отчего исчезла рыба из рек, тоже поговорим позже, а пока лишь не могу не отметить отрадный факт: примерно в 10 км от Потаповки, в том месте, где когда-то стояла мельница, а в 50-е годы леспромхоз построил посёлок Клемьянка, просуществовавший всего-то менее трёх десятков лет, как и расположенный двумя километрами ближе к Дувану посёлок Первомайский, потомок местных жителей Павел Водолеев в 2014 году расчистил территорию, заполнил (восстановил) пруд и разводит там форель, хариуса и карпа. Построил гостевой дом и баню, где принимает отдыхающих. Новые времена – новые потребности... Однако вернёмся к воспоминаниям Чухарева:

Лет 150 назад, примерно в середине 1800 годов²⁵ на устье этой реки Кутюм, недалеко от реки Юрюзань был поставлен один дом Кордон. Затем было поставлено три барака. В этих бараках в то время содержали осужденных – заключённых, или, как их тогда называли, арестантов, они пробивали закопи – дороги вдоль русла реки для проезда на лошадях в Дуван, а также прорубали и расчищали грани в лесных массивах.

1855—60 годы по лесам Дуванской волости западной окраины была прорублена просека-грань, разделяющая Златоустовский уезд с Бирским уездом Уфимской губернии.

До той поры, пока не было возле реки закопей, не было и проезжей дороги, ездили на Екатерининский край от Юрюзани через Сухой Калмаш на село Каирово около 40 вёрст.

В Дуван ездили большие всего зимой, когда замёрзнет лёд, а если летом по малой воде вброд или возле самой воды по каменистому берегу. Весной, осенью какого-либо пути, кроме как пешим ходом, не было. Так, в 1878 году в город Златоуст на призывной пункт и дальше на службу в солдаты из деревни Трапезниковки Чухарев Матвей Степанович и Чухарев Иван Григорьевич ходили пешком.

В начале XX века, когда было волостное деление территории и населённых пунктов, от деревни Потаповка, вверх Елабуга и выше до Сарапуловки, Ежовки считались Сикиязской волости. Вниз по реке – Дуванской волости²⁶.

Деревня Потаповка при организации заготовки древесины леспромхозами и преобладающее население стало рабочие, леспромхоз стали называть посёлок Кутюм.

Два километра ниже – современный²⁷ посёлок леспромхоза Октябрьский, в конце посёлка раньше была деревня Волковка. На самом берегу реки имела мельница²⁸, хозяин которой был Спиридон Волков.

Чуть ниже стояла деревня 9 домов – Малый Кутюм.

На левом берегу, чуть ниже, деревня Греховка, земельный участок – поле 62 гектара. После организации колхозов поле было за колхозом «Парижская коммуна».

Деревня Калмаш, позднее, при организации Юрюзанского леспромхоза²⁹ – посёлок Калмаш. После войны в 1947 году началась интенсивная заготовка древесины, в Калмаше организовалась дирекция Юрюзанского (Юрезанского – см. сноску) леспромхоза.

²⁵ Хутор Потапов упоминается в Плане генерального межевания, которое проводилось в 1832 году, так что возраст Потаповки явно старше (прим. автора).

²⁶ Здесь автор явно ошибся. Во-первых, Сикияз слишком далеко от этих мест. Во-вторых, принадлежность населённых пунктов зафиксирована в Списке населённых мест Уфимской губернии за 1896 год – цитаты ниже. Поселения относились к двум волостям: Мурзаларской и Дуванской. Мурзалар – прежнее название села Мечетлино в Салаватском районе, а также название одного из племён башкир-айлинцев. (Примеч. автора).

²⁷ На книге стоит дата 1956—2006 год.

²⁸ Руины этой мельницы я ещё застал, хорошо помню мельничное колесо. Она стояла в конце протоки, отделяющей небольшой островок.

²⁹ Леспромхоз назывался Юрезанским, а река в устном русском языке называлась Юрезань, так же пишется и на многих старых картах.

Затем сюда же из Бурцовки³⁰ переселили школу-семилетку, преобразовав её в десятилетку³¹. А из Сафоновки – Сафоновский сельский совет, его стали называть Калмаишским.

В эти же 1947—50 годы на месте деревни Кисетовки³² ниже Калмаша на два километра организовался Комсомольский лесопункт, который просуществовал около 30 лет. Стояла Калмаишская участковая больница³³ – стационар на 20 койко-мест. Лесхоз или Калмаишское лесничество³⁴.

Ниже по Юрюзани, чем ближе к окраине Дуванского района, тем плотнее было население. Деревни по берегу реки строились почти вплотную одна к другой, особенно в послереволюционный период и до начала организации колхозов. Точнее 1920—30 годы.

Бурцовка, Малая Бурцовка, Сафоновка, Малая Сафоновка, посёлок Басав, Бурся, Смольниковка, Валеяз, Семиостровное, где когда-то жили монахи в 1800—1870 годы, затем пасека Трапезникова Логина. Дальше ферма колхоза «Победитель», Чухаревский хутор и крайняя деревня Дуванского района – Трапезниковка³⁵.

Бурцовка, Бурцовка Малая за рекой. Первые жители приехали сюда в 1862 году после отмены крепостного права. Большая Бурцовка пополнилась в начале XX века после Столыпинской земельной реформы или в 1906—10 годах. Сюда приехали семьи Чернышovy, Гладких, а ещё позднее, во время Первой мировой войны 1914 года появились семьи Цивилёвых. Деревня увеличивалась и растянулась по берегу на целую версту, да ещё и на другом берегу стали строить. В 1928 году в Бурцовке была открыта начальная школа.

В Бурцовке я жил с 1960-го по 1967 год, до окончания школы, поэтому история этой деревни мне должна быть особенно интересна. К сожалению, к сказанному Н. С. Чухаревым добавить особо нечего, если не считать личных впечатлений. Связь образования деревни с отменой крепостного права считать исторически достоверной нет оснований – соблазн увязать частные события с широко известными общими появляется у многих. Отмена крепостного права предоставила крестьянам личную свободу (проще говоря, их уже нельзя было покупать и продавать, как скот), однако они остались «временнообязанными» помещику, а вопрос выкупа земельного надела, получения паспорта и т. п., что было безусловно необходимым для переселения, решался уже не помещиком, но «миром» – так называлась в то время сельская община. Ликвидация этой зависимости и составляла основную цель Столыпинской реформы, до которой было ещё почти полвека. К тому же переселялись не бывшие крепостные, а свободные (государственные) крестьяне, о чём прямо сказано в Плане Генерального межевания по Златоустовскому уезду, о том же пишет Касимовский в отношении кунгураков. В то же

³⁰ Название Бурцевка также закрепилось сравнительно недавно, как и название реки Юрюзань.

³¹ Это произошло далеко не сразу, первый выпуск десятого класса состоялся лишь в 1961 году.

³² Кисетовку при этом, естественно, никто не ликвидировал. Там стояли у реки 2 или 3 дома, улицы посёлка Комсомольский строились выше по пологому склону, а на свободном пространстве вдоль реки был организован нижний склад леспромхоза, где разделявали вывозимые из леса хлысты и складировали сортименты (брёвна стандартных размеров) в штабеля. Название посёлка Комсомольский было официально-советским, однако население это название в разговоре не употребляло, называя и посёлок тоже Кисетовкой. В почтовых адресах оба названия фигурировали на равных – почтальоны тоже были местные.

³³ Больница была переведена из Калмаша не ранее 1955 года, мой младший брат Андрей родился в 1954 году ещё в Калмаше. Мне тогда было уже почти 5 лет и я помню, как мама показывала нам новорожденного через окно.

³⁴ Лесничество всегда именовалось Бурцовским (Примеч. автора).

³⁵ Автор не упомянул ещё пос. Автоколонна, стоявший в устье лога Сухой Калмаш на расстоянии немного менее километра выше Бурцовки, там же располагалась совхозная ферма, в которой держали поголовье бычков – совхоз занимался их откормом.

время момент образования деревни, указанный автором, можно считать приблизительно верным. Деревня Бурцова, указанная на карте Стрельбицкого 1871 года, это и есть Бурцовка (ныне Бурцевка), однако она отсутствует в Плате генерального межевания, утверждённом в том же 1871 году. Из этого можно заключить, что деревня была образована между 1832 (в этом году проводилось собственно межевание) и 1871 годом – явно ранее последнего, в противном случае её бы не нанесли на карту.

Сказанное подтверждается также свидетельством Тамары Халтуриной (Козионовой), родившейся в Бурцевке. Она пишет, что по семейной легенде её прадеда, Александра Ивановича Бурцева, родившегося как раз в 1871 году, привезли верховые в пестере³⁶. Были это основатели деревни или она уже существовала, предание не говорит, поэтому 1871 год можно считать самой поздней датой образования деревни, но с большой степенью вероятности она образовалась ранее. Вряд ли крестьяне поехали бы верхами в дикое место с годовалым ребёнком с целью основать деревню.

Что касается первой «столицы» этого куста деревень – Сафоновки, то Н. С. Чухарев относит дату её основания к 1820 году, почему-то опять увязывая это с «некоторым ослаблением крепостного права после войны с Наполеоном». Он утверждает, что деревню основали братья Сафон и Егор, пришедшие из Вятской губернии. Другие потомки поселенцев говорят о трёх братьях. Кстати, деревню Греховку также основали вятские крестьяне. Даже я помню, что их этим поддразнивали, почему-то вятские считались в некотором роде недотёпами, вроде пошехонцев: «Вятские – люди хватские, на стогах озимь сеют». На деле-то никаких оснований к такому отношению не было, вятчи были самыми умелыми плотниками и вообще людьми рукастыми. Возможно, в этом поддразнивании скрывалась как раз скрытая зависть. Впрочем, делалось это довольно добродушно.

³⁶ Пестерь – короб с лямками для ношения за спиной, сплетённый из лыка, бересты или шпона, широко применявшийся вместо рюкзака. Он был лёгким и в то же время жёстким, что удобно, например, при сборе ягод или грибов. Маленьких детей тоже, порой, сажали в этот пестерь, чтобы не нести на руках. В некоторых областях его называли также горбовиком. Я и сейчас таким пользуюсь при сборе клюквы, брусники и других ягод, только изготовлен он уже из алюминиевого сплава. Объём – 30 литров, клюквы или брусники помещается 18 кг, а вынести больше с болота уже проблематично. На рис. 11 представлена фотография 1899 года, на которой изображён косарь с пестерем за спиной.

Рис. 11. Портрет косаря. Фото М. А. Круковского, 1899 год³⁷

В Полном географическом описании России дана такая характеристика:

Вообще население Приуралья не лишено светлого, ясного ума, обладает меткостью слов и тихим, шутивым юмором. Не лишённое известной хитрости, оно сметливо, переимчиво и в известном деле не лишено виртуозности, ко всякому труду умеет приспособиться, благодаря чему и идёт охотно в отхожие промыслы. Недаром в Сибири самыми лучшими и зажиточными колонизаторами считаются вятичи.

В 60-х, когда в леспромхозе появилась бригада шабашников-армян, строивших дома с невероятной для местных плотников скоростью, их также поддразнивали, но они всё же были чужаками, чего никак нельзя сказать о выходцах из Вятской и других губерний.

Опережающее развитие Сафоновки объяснялось не только её ранним основанием, но и очень выгодным расположением. Река там делает очень крутую излучину, отворачивая практически в противоположном направлении от отвесной скалы, именуемой «стенкой», вследствие чего на другом берегу образуется большая относительно ровная поверхность в форме языка. На обоих берегах реки есть родники – на том, что бьёт на левом берегу, была построена мельница, а в послевоенные годы в 1947—48 годах вместо мельницы построили мини-электростанцию, дававшую свет в вечернее время. Забегая вперёд скажу, что такого же качества «местное» электроснабжение появилось в Бурцовке только в 1963 году, когда в середине деревни поставили тракторный движок с генератором, а вдоль деревни протянули про-

³⁷ Кунсткамера/Коллекции онлайн/Экспонаты/Круковский М. А./Карелы [Электронный ресурс] URL: <http://collection.kunstkamera.ru/entity/OBJECT/72738?page=2&person=3539690ðnos=3499444&index=167> (Дата обращения: 16.10.2018)

вода на деревянных опорах. Делалось это, конечно, без соблюдения каких-либо норм, на глазок, но всё же это была уже не керосиновая лампа, и в нашем доме, в частности, спустя некоторое время появилась стиральная машина. Жили мы на конце деревни, напряжение в тонких проводах падало и машина эта запускалась не всегда, но всё же это явилось большим подспорьем.

В Сафоновке 14 января 1894 года был освящён храм, этот день – Новый год по старому стилю – считался в Сафоновке и окрестных деревнях престольным праздником. Деревянная церковь сгорела в крещенские морозы 23 января 1920 года, когда сторож и церковный староста Александр Григорьевич Сафонов чрезмерно натопил печи. В пожаре сгорели и все документы, а в церкви тогда оформлялись браки (венчания) и рождение (крещение) детей.

Васильевский храм в Сафоновке относился к единоверческой церкви, то есть был старообрядческим³⁸ (в источнике по ссылке Сафоновка именуется село Софонова). В списке священников церковей Златоустовского уезда указано, что в 2014 году в Сафоновке служил Иван Кулушев. Единоверцами называли старообрядцев поповского толка, признававших главенство иерархов РПЦ. Богослужение они совершали по дониконовским книгам и обрядам, однако епископа своего не имели и подчинялись епископу православной церкви, то есть были как бы полураскольниками. Последней в нашем роду истинно верующей была моя прабабушка по линии мамы, и, думаю, она также относилась к старообрядцам, потому что молилась по какой-то уж очень древней книге, написанной старославянским языком и шрифтом. Как я ни старался, дорвавших украдкой до этого толстого тома, ни прочитать, ни, тем более, понять что-либо не удавалось.

Очень подробные сведения приводятся в уже упомянутом выше Списке населённых мест Уфимской губернии за 1896 год³⁹. Там, кстати, впервые упоминается Калмаш – как посёлок Серебренниковых (Сырой Калмаш) при речке Сыром Калмаше. К сожалению, современные авторы почему-то пишут, что посёлок образовался не ранее 1925 года. Эти данные всегда вызывали у меня сомнение, прежде всего из-за наличия в центре нескольких старых, явно дореволюционной постройки, домов.

Сейчас уже мало кто знает, что до революции уезды делились в административном отношении на волости, а в полицейском – на станы. Отсюда и обычное в дореволюционной литературе понятие «становой пристав». Станов в уезде было меньше, чем волостей, поэтому две эти системы деления не совпадали. В 1896 году к 3-му стану Златоустовского уезда и к Мурзаларской волости «при реке Юрюзани» (уже не Юрезани) на территории нынешнего Дуванского района относились лишь два населённых пункта: посёлки Худяковский и Гущинский. В первом было 6 дворов, 23 жителя мужского пола и 15 – женского. Во втором 4 двора и число жителей разного пола 13 и 11 соответственно. В дальнейшем, поскольку эти сведения имеются в источнике, я буду указывать мужчин и женщин в скобках: (м) и (ж). Все остальные поселения относились к 4-му стану и к двум волостям. Где я специально не упоминаю, в списке в качестве местоположения указано «по реке Юрюзани». По Мурзаларской волости числились:

– Лесная пристань Лаптева и К^о. 5 дворов, жителей 7 (м) и 8 (ж). Где она располагалась на Юрюзани, в точности не известно, но это не Калмаш – он поименован отдельно.

– Усадьба Конопасевича. 1 двор, жителей 6 (м) и 3 (ж). Помечено, что там располагалась смолокурня.

– Хутор Карпова – 1 двор, жителей 1 (м) и 2 (ж).

– Посёлок Берёзовская Елань (Ребровский луг) – 7 дворов, жителей 21 (м) и 22 (ж).

³⁸ Уфимский губернский статистический комитет. Адрес-календарь Уфимской губернии на 1914 год, Уфа [Электронный ресурс]. URL: https://нэб.рф/catalog/000200_000018_RU_NLR_DIGIT_75792/ (Дата обращения: 16.10.2018)

³⁹ Полный список населённых мест Уфимской губернии. Издание Уфимского губернского статистического комитета. – Уфа, типография Губернского Правления [Электронный ресурс], 1896 г. URL: <http://istmat.info/node/53871> (Дата обращения: 16.10.2018).

- Посёлок Барочный луг – 19 дворов, жителей 45 (м) и 56 (ж).
- Посёлок Баруткиных при речке Кошелёвке – 2 двора, жителей 10 (м) и 6 (ж). Этот посёлок более нигде не упоминается.
- Посёлок Серебренниковых (Сырой Калмаш) при речке Сыром Калмаше – 2 двора, жителей 10 мужского пола и столько же женского.
- Посёлок Греховский при реке Юрюзани и ключе – 6 дворов, жителей 25 (м) и 26 (ж). Имеется одна смолокурня.
- Посёлок Волковский при реке Юрюзани и ключе – 3 двора, жителей 7 (м) и 5 (ж). Водяная мукомольная мельница.
- Посёлок Малый Кутюм при речке Малом Кутюме. 2 двора, жителей 2 (м) и 5 (ж).
- По Дуванской волости :
 - Деревня Усть-Кошелёвка (Ежовка) – дворов 35, жителей 99 (м) и 112 (ж). Имеются хлебозап. магазин⁴⁰, торговая лавка и две кузницы.
 - Деревня Усть-Кошелёвка (Сарапуловка) – дворов 14, жителей 49 (м) и 42 (ж). Одно смоляное заведение, две кузницы.
 - Деревня Усть-Кошелёвка (Фоминовка) – дворов 5, жителей 13 (м) и 16 (ж). Одно смоляное заведение.
 - Посёлок Трапезниковский (Савин) – дворов 7, жителей 33 (м) и 43 (ж), три кузницы.
 - Посёлок Смольниковка – 4 двора, жителей 17 (м) и 20 (ж). Имеются мельница, смоляное заведение и одна кузница.
 - Сельцо Софоновка (Юрышовка) – 14 дворов, жителей 44 (м) и 53 (ж). Имеются вновь строящаяся церковь и кузница.
 - Деревня Бурцовка – 13 дворов, жителей 42 (м) и 47 (ж). Имеются маслобойное заведение и кузница.
 - Выселок Потапов (Чеченино) – 2 двора, жителей 4 (м) и 8 (ж). Два маслобойных заведения.
 - Посёлок Елабугин (Абдрахманова) – 6 дворов, жителей 18 (м) и 19 (ж).
 - Посёлок Черемисская Елань (Собакина) – 12 дворов, жителей 40 (м) и 44 (ж). Две кузницы.
 - Выселок Черемисская Елань (Староверовка) – 6 дворов, жителей 25 (м) и 27 (ж). Два смоляных заведения.
 - Посёлок Петуховка (Кутышовка) – 4 двора, жителей 15 (м) и 17 (ж). Имеются мельница и смоляное заведение.
 - Посёлок Саламатов луг – 2 двора, жителей 5 (м) и 11 (ж).

⁴⁰ Хлебозапасные магазины – склады хлеба, устраиваемые правительством или местными общественными учреждениями на случай голода или дороговизны, для ссуды или продажи по дешевой цене хлеба для продовольствия и посева. – Энциклопедич. словарь Брокгауза и Эфрона. После революции большевики в ходе продразвёрсток выгребли весь хлеб и тем самым способствовали вымиранию крестьянства в голодные годы (примеч. автора).

Рис. 12. Запасный хлебный магазин. Фото М. А. Круковского, начало XX века⁴¹

Данные переписи населения 1926 года⁴² мало отличаются от данных за 1920 год. Никаких «переломов» за эти годы, слава богу, не случилось, чего нельзя сказать о последующих. Разве что с административным делением поиграли: Дуванская волость стала относиться к Месягутовскому кантону образованной к тому времени Башкирской АССР. Помимо Бурцевки (уже не Бурцовки) упоминается также хутор Бурцева, в 1925 году в нём было 3 хозяйства. Предположительно речь идёт о деревне, которая потом называлась Бурся и располагалась на левом берегу реки ниже Сафоновки. Впервые упоминается пос. Валияз (позже – Валеяз) в составе 6 хозяйств (7 в 1925 году). Пос. Малый Кутюм исчез, последний дом зафиксирован в нём в 1925 году. Трапезниковка на Юрюзани обозначена как пос. Трапезниковский (46 вёрст до Дувана, где находился ВИК – Волостной исполком), помимо него существовала также деревня Трапезниковка возле Лемазов в составе 26 дворов (33 в 1925 г.). Самое примечательное, что будущий Калмаш упомянут дважды: как пос. Сырой Калмаш (11 дворов в 1925 году) и как пос. Серебренниковский в составе уже 14 дворов (8 в 1925). На то, что речь идёт об одном и том же населённом пункте, указывают расстояние до Дувана (40 вёрст) и сведения 1896 года.

В заключение приведу данные переписи населения 1920 года по Дуванской волости (ЦИА РБ. Ф. Р-473. Оп. 1. Д. 870—871)⁴³, а также некоторые карты и фотографии местности.

⁴¹ Музей антропологии и этнографии им. Петра Великого (кунсткамера). Онлайн-коллекции [Электронный ресурс]. URL: <http://collection.kunstkamera.ru/entity/OBJECT/73457?person=3539690&index=335>. (Дата обращения: 16.10.2018).

⁴² Населенные пункты Башкортостана. Ч. III. Башреспублика, 1926. – Уфа: Китап, 2002. – 400 с.

⁴³ Роднов, М. И. Население Уфимской губернии по переписи 1920 года: этнический состав (Бирский, Златоустовский и другие уезды). – Москва: ИЭА РАН, 2014. – 178 с.

Селение	Национальность	Число хозяйств	Число жителей
1. Алеяс	русские	6	33
2. Антуфьевка	русские	10	46
3. Барочный Луг	русские	18	101
4. Берёзовая Елань	русские	6	49
5. Бурцовка	русские	31	173
6. Волковский посёлок	русские	2	18
7. Греховка	русские	12	82
8. Гущинский посёлок	русские	3	23
9. Дуван	русские	1029	5127
	украинцы	11	57
	белорусы	8	41
	поляки	3	10
	мишари	2	8
	немцы	1	2
10. Елабужский посёлок	русские	9	57
11. Ежовка	русские	58	310
	украинцы	6	23
	белорусы	1	6
12. Кайсаровка	русские	13	54
13. Кошелёвка	русские	54	304
	украинцы	9	41
14. Кутрасовка	русские	46	241
15. Лемазы	русские	100	525
	украинцы	3	23
	белорусы	2	15
	башкиры	1	2
16. Петуховка	русские	8	57
17. Потаповка	русские	4	25
18. Саламатовский посёлок	русские	3	20
19. Сарапуловка	русские	27	139
20. Сафоновка	русские	26	169
21. Серебренниковка	русские	9	52
	мусульмане	5	29
22. Смольниковка	русские	9	50
23. Староверовка	русские	16	109
24. Трапезниковка	русские	15	97
25. Худяковка	русские	5	32
26. Черемитская Елань	русские	14	91
27. Чертан	русские	185	615
	Украинцы	1	3
	белорусы	1	2
28. Чусовка	русские	5	24
29. Ширяевка	русские	4	32
Всего в волости		1781	9217
Национальный состав волости: русские — 8955 (97,2%), украинцы — 147, белорусы — 64, мусульмане — 29, поляки — 10, мишари — 8, немцы — 2, башкиры — 2 чел.			

На картах показаны далеко не все населённые пункты, однако они всё же дают представление об их расположении.

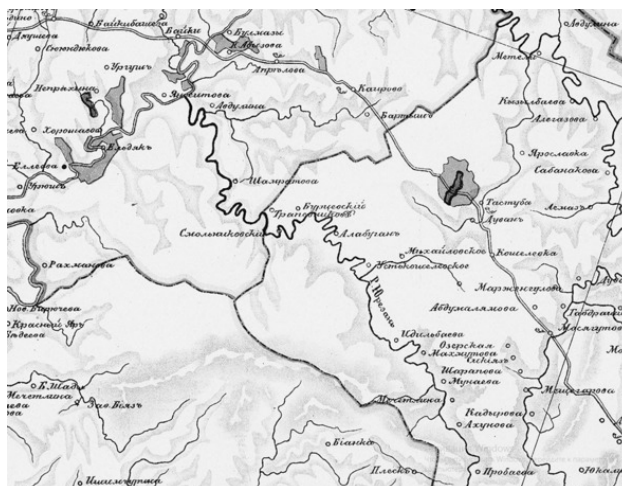

Рис. 13. Юрюзань на карте губерний и областей, прилегающих к Транссибирской железной дороге, 1893 г.⁴⁴

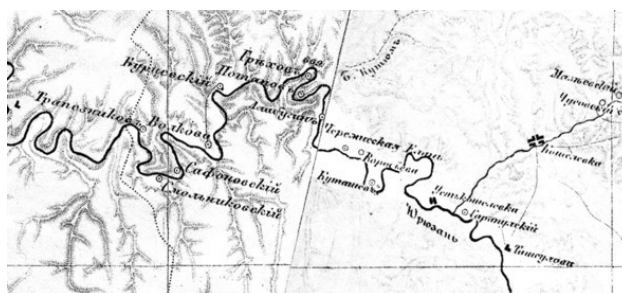

Рис. 14. Карта Стрельбицкого 1919 – 1921 гг, Восток⁴⁵

О двух картах, показанных на рис. 15 и 16, хотелось бы сказать особо. Рис. 15 – это выкопировка с немецкой карты 1941 года⁴⁶. Уж не знаю, насколько серьёзно немцы собирались дойти до Урала, однако нельзя не отметить высокое качество изготовления этой карты. Она единственная, на которой показаны почти все населённые пункты; правда, зачастую с искажённым написанием, однако знающему язык догадаться нетрудно. На карту нанесены также лесные тропы и предприятия – как правило, крошечные. В правом верхнем углу показаны канифольный завод – Geigenharzfabrik и предприятие по производству извести – Kalk-Bgw. Вблизи Дувана на опушке леса находилась лесопилка – Sägemühle. Показаны также печи для выгонки дёгтя из берёзовой коры – Teegerofen. Но самое интересное находится в левом нижнем углу участка карты: Baraske (барак). Это не что иное, как спецпосёлки или лагеря, о которых речь пойдёт ниже. Их сознательно строили вдали от реки, где жило местное население, среди дикого леса. Один из этих посёлков наверняка является лагерем Кульвараш (встреча-

⁴⁴ Карта губерний и областей Российской империи вдоль Сибирской железной дороги, 1893 г. [Электронное издание]. URL: http://www.etomesto.ru/map-atlas_1893/ (Дата обращения: 16.10.2018)

⁴⁵ Карта Стрельбицкого 1919 – 1921 гг, Восток // Это Место [Электронное издание]. URL: http://www.etomesto.ru/map-karta-strelbickogo_ussr/ (Дата обращения: 16.10.2018)

⁴⁶ Немецкая военная карта времён Великой Отечественной войны. Территория Урала [Электронное издание]. URL: http://www.etomesto.ru/map-atlas_osteuropa_ural/ (Дата обращения: 16.10.2018)

ется и другое написание – Кульваряш), о котором мало кто из местных жителей слышал, а вот немцы, оказывается, знали. Я так точно узнал о нём лишь несколько лет назад, когда начал интересоваться историей своей малой родины.

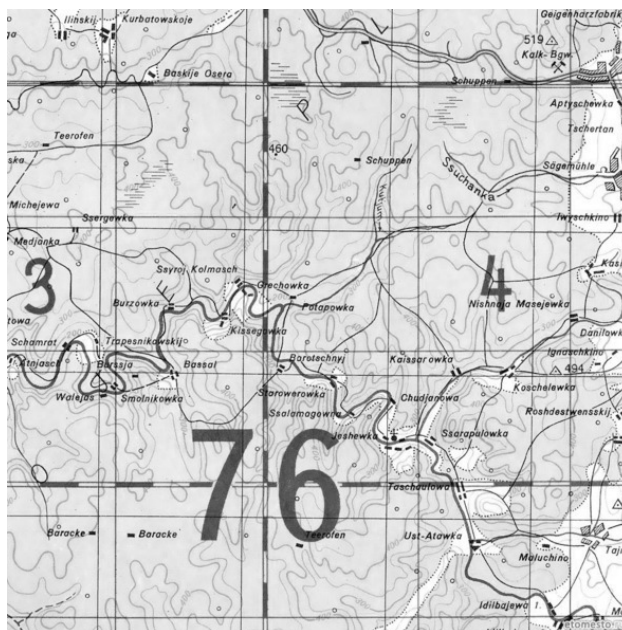

Рис. 15. Немецкая карта 1941 года

Вторая карта изготовлена американцами в 1950 году⁴⁷. Она не так подробна, как немецкая, но и на ней нанесены заводы по производству дёгтя и всё те же бараки. От нас эта информация была засекречена...

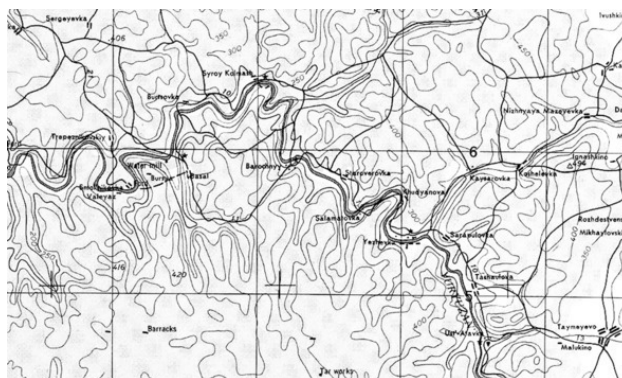

Рис. 16. Карта, изготовленная в США в 1950 году

На рис. 17 и 18 – карта-километровка Генштаба по состоянию на 1984 год. Это самые подробные карты, имеющиеся в открытом доступе⁴⁸ и рассекреченные лишь в 1990 году. Деревни на Юрюзани показаны уже как урочища, за исключением Ежовки и Греховки, доживающих последние годы, Потаповки, Октябрьского, Калмаша, Комсомольского, Бурцевки и Сафоновки.

⁴⁷ Американская топографическая карта СССР. Поволжье, Прикамье и Урал. [Электронное издание]. URL: http://www.etomesto.ru/map-atlas_n501_ural/ (Дата обращения: 16.10.2018)

⁴⁸ Башкирия и Урал в масштабе 1:100000 [Электронное издание]. URL: <http://bashmap.narod.ru/> (Дата обращения: 16.10.2018)

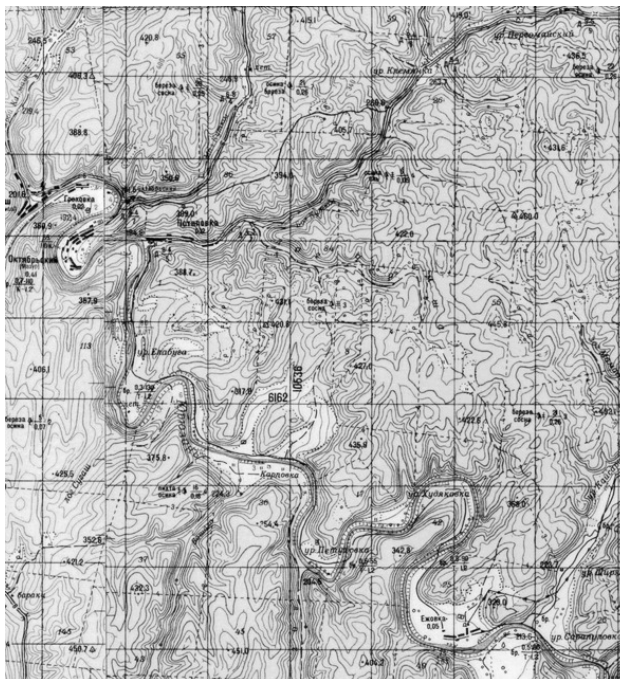

Рис. 17. Участок Юрюзани от д. Сарапуловки до пос. Октябрьский на карте Генштаба по состоянию на 1984 год. В логу Большой Кутюм показаны урочища (бывшие посёлки) Клемянка и Первомайский

Формат книги не позволяет разместить фрагменты карты в соответствующем масштабе, поэтому лучше смотреть их в интернете по ссылке, тем более что там они цветные. На рис. 19 – карта автодорог Башкирской АССР примерно этих же лет. Также как урочища нанесены на эти карты бывшие посёлки Клемянка и Первомайский, построенные в логу Большой Кутюм в середине прошлого века и просуществовавшие не более 30 лет.

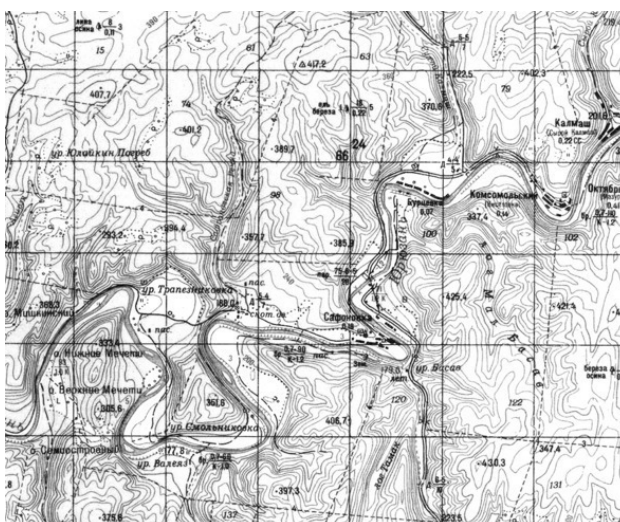

Рис. 18. Участок Юрюзани от пос. Октябрьский до границы с Караидельским районом БАССР на карте Генштаба по состоянию на 1984 год

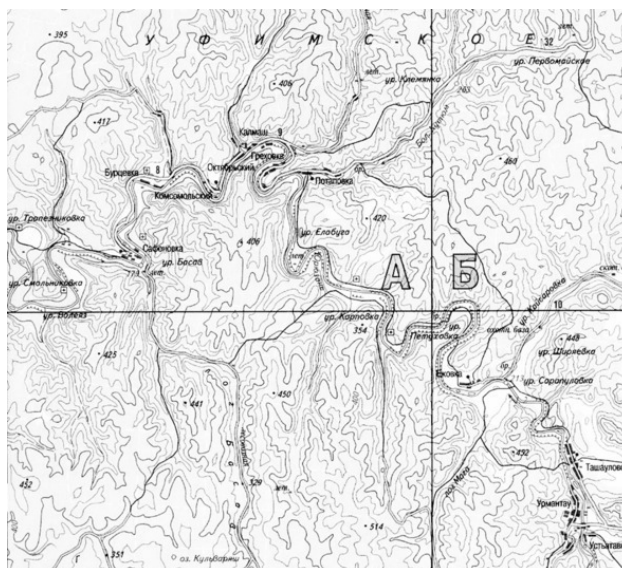

Рис. 19. Юрюзань на карте автодорог Башкирской АССР (примерно 1980 год)⁴⁹

Калмаш на имеющихся картах появился впервые лишь в 1941 году (на рис. 15 он обозначен как Ssyroj Kolmasch). Посмотрим на посёлок с высоты птичьего полёта – технический прогресс даёт нам такую возможность. Вообще-то подобные снимки делаются сейчас с помощью дронов, но дрона у меня нет, зато есть космические снимки Гугла (рис. 20). Сейчас, когда я уже много где побывал и много чего видел, могу предполагать, что почти каждый, увидев эту фотографию, воскликнет: «Что за райский уголок!». Пасторальная деревушка, притулившаяся на берегу чистой реки в окружении покрытых лесом пологих гор.

Рис. 20. Калмаш с высоты птичьего полёта, фото Google Earth Pro, 2007 г.

Особыми глазами смотрит на фото каждый, кто там жил, тем более – родился и вырос. Река здесь течёт с востока на запад, на снимке – справа налево. Видно устье ручья, давшего название посёлку: Сырой Калмаш. Сырой, потому что течёт круглый год, а это является для Уфимского плато нетипичным. Мягкая порода пронизана карстом и вода уходит в неё, как в губку, выходя к реке под землёй в виде ключей. Ключи хорошо видны зимой в виде полыней, не замерзающих в самые лютые морозы. Одна из таких тянется как раз вдоль левого берега реки в нижней части снимка. Ручей течёт по длинному одноимённому логу, уходящему

⁴⁹ Подробная карта дорог, Дуванский район РБ [Электронный ресурс]. URL: http://bashkiria-map.ru/map851858_1_0.htm (Дата обращения: 16.10.2018)

вглубь лесов на много километров. Русские, поселившиеся на Юрюзани, переняли от башкир практически всю топонимику, кроме того, что получило названия уже при них, вроде логов Большая и Малая Речки, горы Плешатка и Горушка, Страшной ложок и т. п. Но названия основных объектов достались по наследству, возможно, даже ещё от предшественников башкир. Второй, более короткий лог, уходящий на фото вверх и направо, носит название Юдин. Он сухой, и только весной при таянии снегов из него вытекает бурный поток, сливающийся вниз к ручью прямо по дороге, хорошо видной на снимке. Почва в верхней части дороги вся размыва этой талой водой, остались лишь крупные камни.

Проведу дерзкую аналогию. Давным-давно люди пришли в другие леса, где в большую реку впадала маленькая, и построили там город. Как раз слева от устья меньшей реки был холм, покрытый сосновым лесом, на этом холме построили крепость. Холм этот так и называли – Боровицким, реки именовались Неглинной и Москвою, так и город называли – Москва. Калмашу повезло меньше, однако посмотрите на снимок. Дорога, идущая по течению реки, упирается в крутой левый берег ручья, поворачивает направо и широким полукольцом огибает почти ровную площадку, спускаясь к ручью уже по пологому руслу Юдина лога. Вот на подобных местах за редкими исключениями и основывали славяне города и монастыри.

Однако в Калмаше крепость была не нужна, обороняться никто не собирался, и монастырь строить – тоже. Место это облюбовал ещё до революции лесопромышленник или купец Лаптев. На снимке видны несколько больших зданий у подножия горы между логами – это корпуса школы, теперь уже бывшей, в 2012 году она была закрыта. В одном из корпусов, выше других поднимавшемся по Юдину логу, был спортзал. На этом месте ранее стояла изба управляющего Лаптева. Он носил фамилию Юдин, по ней и лог был назван. Напротив, ближе к Юрюзани, стоял дом Петра Прокопьевича Серебренникова. Лес тогда заготавливали в основном зимой, а весной, когда вскрывалась река, увязывали в плоты и сплавляли к устью Юрюзани, откуда также в плотях, но большего размера, он шёл по рекам Уфе, Белой и Каме в Волгу и далее. До постройки железных дорог, а с этим Россия запоздала, реки служили основными транспортными путями. Вот Серебренниковы и работали теми лоцманами, которые сплавляли плоты – об этом мне сообщил один из потомков. Старожилы помимо Петра Прокопьевича упоминают также его братьев Михаила и Тимофея, позже все Серебренниковы стали рабочими леспромхоза. Заготовленный лес укладывали в штабеля на левом берегу реки напротив устья лога Малый Кутюм, выше Греховки, там же и плоты вязали. Логично предположить, что именно там и располагалась Лесная пристань Лаптева и К^о, упомянутая в списке населённых мест за 1896 год. А на площадке над обрывом, где позже была построена больница, а ещё позже – новый клуб, стояло несколько домиков, в которых жили башкиры. Это и были те самые мусульмане, упомянутые в данных переписи 1920 года. Как видим, Калмаш с самого основания был «интернациональным» поселением, в отличие от моноэтничных более старых деревень. Такими же стали позже и все другие посёлки, построенные леспромхозом.

Рис. 21. Деревня Трапезниковка в 1972 году, когда её покинули последние жители

Рис. 22. Избушка сплавщиков на берегу Юрюзани в районе урочища Семиостровное, 1972 год

Рис. 23. Сплав леса по Юрюзани. Справа – скала Мечеть, 1972 год

Рис. 24. На Юрюзани в районе урочища Семиостровное, 1972 год

Рис. 25. Деревня Сафоновка в 1972 году. На противоположном берегу – пос. Басав в устье лога Большой Басав

Рис. 26. Деревня Бурцевка, вид с севера. 60-е годы

Рис. 27. Посёлок Автоколонна в 1972 году, вид со стороны дер. Бурцевка. Слева – совхозная ферма

Рис. 28. Старый Сибирский почтовый тракт, ныне автодорога Р—317, фото 2013 года

1.2. Река-дорога

До начала строительства железных дорог в России основными транспортными артериями являлись реки. Однако же этим далеко не исчерпывалось их влияние на образ жизни, о чём в своё время замечательно сказал В. О. Ключевский:

Река является даже своего рода воспитательницей чувства порядка и общественного духа в народе, она и сама любит порядок и закономерность. Русская река приучила своих прибрежных обитателей к общежитию и общительности. Река воспитывала дух предприимчивости, привычку к совместному, артельному действию, заставляла размышлять и изловчаться, сближала разбросанные части населения, приучала чувствовать себя членом общества, общаться с чужими людьми, наблюдать их нравы и интересы, меняться товаром и опытом, знать обхождение. Так разнообразна была историческая служба русской реки⁵⁰.

В 1758 году два симбирских купца, оба Иваны – Твердышев и Мясников, основали на Юрюзани и её левом притоке Катаве железоделательные заводы: Юрюзань-Ивановский и Катав-Ивановский⁵¹. Спустя несколько лет были основаны также Симский и Усть-Катавский, а также небольшой завод на правом притоке Юрюзани Минке. Строительство заводов именно на реках в то время обуславливалось объективной необходимостью. С одной стороны, река, на которой ставилась плотина и образовывался пруд, давала механическую энергию, необходимую для приведения в движение молотов, воздуходувных и других механизмов. С другой – река служила дорогой для вывоза продукции к местам потребления. Подобных горных заводов, как пишет Алексей Иванов⁵², на Урале было построено около 250, что дало основание характеризовать их как уникальный культурный феномен, получивший название «горнозаводская цивилизация». Селение строилось вокруг завода и пруда. Вот что пишет А. Иванов по поводу таких селений: «Горные заводы стояли в распадках – прудам удобнее лежать меж холмов, поэтому оба берега пруда и речки были крутые, улочки шли террасами. Жить здесь было неудобно, однако завод строили не там, где удобно жить, а там, где удобно работать. ... И посёлок, загнанный на косогоры, жертвовал заводу радостью жизни». Ну прямо как про Калмаш написано, разве что пруда в Калмаше никогда не было, однако отличие промышленного посёлка от крестьянских деревень на Юрюзани обрисовано точно.

⁵⁰ Ключевский, В. О. Сочинения: В 9 тт. – М.: Мысль, 1987. Т. 1. 430 с.

⁵¹ Сурин, Л. Н. Возле гор и рек уральских: Очерки истории г. Катав-Ивановска и Катав-Ивановского района: [в 2 кн.]. – Челябинск: Юж.-Урал. кн. изд-во, 2005. – 448 с.

⁵² Иванов, А. Горнозаводская цивилизация. – М.: АСТ, 2014. – 283 с.

В 1768—1774 гг., в течение шести лет, берлинский учёный П. С. Паллас, принятый на службу в Петербургскую Академию наук, провел выдающиеся исследования европейской части России, Урала и Сибири. На протяжении всего путешествия ученый вел подробный путевой журнал. Огромный фактический материал, собранный Палласом, лег в основу его главного труда – «Путешествие по разным местам Российского государства», который оставался настольной книгой многих поколений ученых. Посетил Паллас и заводы Твердышевых (помимо Ивана Твердышева в управлении заводами участвовал также его брат Яков) – Мясникова. При посещении Юрюзань-Ивановского завода 22 мая 1770 года им была сделана следующая запись:

Здесь и в Усть-Катаве строят плоскодонные суда, коломенками называемые, на коих уральское железо отвозят по Юрюзане в реку Уфу, по ней в Белую и наконец в Каму и Волгу. В обеих сих местах не более нагружают на каждое судно как шесть тысяч пуд, и с оным грузом идёт оно в воде на один аршин глубиною. При всём том суда сии кроме весенней большой воды в другое время по сей быстротекущей и мелкой реке идти было бы не в состоянии, если бы не вспомоществовало им отворение слюзов на запасных прудах здесь, в Катав-Ивановском и Усть-Катавском заводах находящихся. Приплыв, как уже сказано, в Картавляул⁵³ нагружают сии суда Симским железом полным восьмитысячным грузом, с которым идут оне в воде на пять четвертей, и как река там нарочито велика, то суда везде имеют хороший ход; однако случается, что по причине быстроты и многих камней не всегда щастливо пройти удаётся, и нередко несколько из оных разбивает, как и в сём годе случилось. Однакож по причине мелкости реки в таком случае кроме времени и трудов ничего не теряют.

Искусственный подъём воды в реке путём синхронного спуска заводских прудов – гениальное изобретение, позволяющее сплавлять по сравнительно мелководной реке громадные суда, хотя и с небольшой осадкой (пять четвертей – это около 90 см). В результате такого спуска по реке катился довольно протяжённый водяной вал и надо было успеть провести поднятый им караван, пока запас воды в прудах не иссяк. Для обеспечения синхронности спуска воды и старта барок в те годы, когда ещё не изобрели ни радио, ни телеграфа, вниз по реке скакал вестовой, предупреждая о начале сплава. Разбросанные по реке сообщества действовали согласованно – как тут не вспомнить слова Ключевского! Мне попалось на глаза свидетельство знакомого блогера, нашего земляка, ныне живущего в Болгарии, который в сентябре 2009 года сплавлялся с болгарскими друзьями на катамаране по Юрюзани и они попали под такой сброс воды. Приведу цитату⁵⁴, исправив некоторые опiski и название деревни Качкари на правильное Кочкари:

Сплав был несложный – всего 60 км по верховьям, но в первую ночь мы попали под сброс воды с Усть-Катавской плотины и утром чуть не потеряли лодки.

Срочно загрузившись, прошли на волне сброса со страшной скоростью за один час до Кочкари (обычно проходим этот маршрут часа за 4). Наблюдали, что бывает при сбросе воды – приятного мало. Во-первых, весь мусор с берегов несется параллельно и перпендикулярно курсу. Во-вторых,

⁵³ Ныне – село Малояз, центр Салаватского района РБ.

⁵⁴ Журнал Александра Клемента [Электронный ресурс] URL: <https://av-klement.livejournal.com/1202876.html#comments> (Дата обращения: 16.10.2018).

приходится уворачиваться от берегов, особенно лихо на сбросах у скал, чтобы наш 500-киллограммовый «бриг» не разнесло по камушкам.

Конструкция этих судов – барок (коломенка – это лишь одно из названий, причём даваемое разным судам) описана многими авторами, среди которых можно назвать помимо уже упомянутых А. Ф. Мукомолова, Л. Н. Сурина и Алексея Иванова («Message: Чусовая» и «Золото бунта») также уральского историка и краеведа Нину Акифьеву⁵⁵, довольно много информации в интернет-блогах. Одни авторы ограничиваются сухим техническим описанием конструкции этих незатейливых одноразовых посудин, не имеющих двигателя и поэтому в сплаве ведущих себя подобно плоту или барже, другие же предпочитают «художественный» стиль. Больше всего по душе мне пришлось описание, данное замечательным, но, к сожалению, сейчас малоизвестным («не проходят» в школе) писателем Д. Н. Маминым-Сибиряком в рассказе «Бойцы». Трудно удержаться, чтобы не привести довольно объёмную цитату из этого произведения (далеко не последнюю в этой книге). Речь идёт о сплаве барок по Чусовой, но эта река, если можно так выразиться, родная сестра Юрюзани, и конструкция барок была одинаковой.

Сначала скажем, как устроена чусовская барка, чтобы впоследствии было вполне ясно, какие препятствия она преодолевает во время сплава, какие опасности ей грозят и какие задачи решаются на каждом шагу при ее плавании.

Начать с того, что барка в глазах бурлаков и особенно сплавщика – живое существо, которое имеет, кроме достоинств и недостатков, присущих всему живому, еще свои капризы, прихоти и шалости. Поэтому у бурлаков не принято говорить: «барка плывет» или «барка разбилась», а всегда говорят – «барка бежит», «барка убилась», «бежал на барке». По своей форме барка походит на громадную, восемнадцать сажень длины и четыре сажени ширины, деревянную черепаху, у которой с носа и кормы, как деревянные руки, свешиваются громадные весла-бревна. Эти весла называются потесями или поносными. Постройка такой барки носит самый первобытный характер. Где-нибудь на берегу, на ровном месте, вымачивают на деревянных козлах и клетках платформу, на которую и настилают из двухвершковых досок днище барки; она обрезывается в форме длинной котлеты, причем боковые закругления получают названия плеч: два носовых плеча и два кормовых. В носовых плечах барка строится шире кормовых вершка на четыре, чтобы центр тяжести был ближе к носу, от чего зависит быстрота хода и его ровность.

– Ежели плечи сделать ровные на носу, как и на корме, – объяснял Савоська, – барка не станет разводить струю и будет вертеться на ходу.

Собственно, здесь применяется всем известный факт, что бревно по реке всегда плывет комлем вперед; полозья у саней расставляются в головке шире, тоже в видах легкости хода.

На совсем готовое днище в поперечном направлении настилают кокоры, то есть бревна с оставленным у комля корнем: кокора имеет форму ноги или деревянного глаголя. Из этих глаголей образуются ребра барки, к которым и «пришиваются» борта. Когда кокоры положены и борта еще не пришиты, днище походит на громадную челюсть, усаженную по бокам острыми кривыми зубами. В носу и в корме укрепляется по короткому бревну – это пыжи; сверху на борты накладывается три поперечных скрепления,

⁵⁵ Акифьева, Н. В. Железные караваны на Чусовой // Банк культурной информации. Екатеринбург, 2013.

озды, затем барка покрывается горбатой, на два ската, палубой – это конь. В носовой и кормовой части барки настилаются палубы для бурлаков, которые будут работать у поносных. Около пыжей укрепляются в днище два крепких березовых столба – это огнива, на которые наматывается снасть; пыжей и огнив – два, так что в случае необходимости барка может идти вперед и кормой. Средняя часть барки, где отливают набирающуюся в барку воду, называется льялом.

На каждую барку идет около трехсот бревен, так что она вместе с работой стоит рублей пятьсот. Главное достоинство барки – быстрота хода, что зависит от сухости леса, от правильности постройки и от нагрузки. Опытный сплавщик в несколько минут изучает свою барку во всех подробностях и на глазмер скажет, где пущено лишних полвершка. Чтобы спустить барку в воду, собирается большие сотни народа. От платформы, на которой стоит барка, проводятся к воде склизни, то есть бревна, намазанные смолой или салом; по этим склизням барка и спускается в воду, причем от крика и ругательств стоит стоном стон. Спишка барок не идет за настоящую работу, как, например, нагрузка, хотя от бесполовой суеты можно подумать, что творится и бог весть какая работа. Самый трагический момент такой спишки наступает тогда, когда барку где-нибудь «заест», то есть встретится какое-нибудь препятствие для дальнейшего движения. При помощи толстых канатов (снасть) и чегеней (обыкновенные колья) барка при веселой «Дубинушке», наконец, всплывает на воду и переходит уже в ведение водолива, на прямой обязанности которого находится следить за исправностью судна все время каравана. Сплавщик обязан только сплавить барку в целости, а все остальное – дело водолива. Так что на барке настоящим хозяином является водолив, а сплавщик только командует бурлаками.

Описание барок, сплавляемых именно по Юрюзани, есть в книге Леонида Сурина, где он пишет:

В 1859 году «Оренбургские губернские ведомости» напечатали статью о сплаве железа с заводов княгини Белосельской-Белозерской⁵⁶. В статье были приведены размеры барок. Длина колебалась от 15 до 19 сажень (34—43 метра в переводе на современные меры). Ширина – до трех сажень (около семи метров), высота – до трех аршин (более двух метров). До 10 тысяч пудов железа вмещала каждая барка, а это 160 тонн. Ввиду того, что барки часто разбивало в опасных местах, стали вводить усовершенствования. Таким усовершенствованием стали два чугунных многопудовых лота по бортам кормовой части барки. Лотом, спущенным на дно, можно было при нужде затормозить. Плавание стало более безопасным, и это позволило увеличить размеры судна. Большие барки стали строить уже длиною 25 сажень (57 метров) шириною до 6 сажень (более 12 метров) и высотой до трех метров в переводе на современные метрические меры. До 25 тысяч пудов железа (400 тонн) грузили на такую барку, и, глядя на нынешние наши обмелевшие реки, с трудом можно представить себе, что по Юрюзани ниже Усть-Катава могли сплавляться флотилии до полусотни подобных барок одновременно.

⁵⁶ Внучка Ивана Мясникова, к которой по наследству перешло владение заводами на Юрюзани и Катаве (прим. автора)

Экипаж барки составлял не менее 40 человек, для управления огромным веслом (на Юрюзани их называли на башкирский манер бабайками) требовалось не менее 10 бурлаков-матросов. Именовать их как бурлаками, так и матросами, впрочем, не вполне корректно. Часть из них, профессиональный костяк, составляли рабочие пристани, остальные набирались из крестьян самых разных народностей, населявших в то время Урал: башкир, татар, пермяков, зырян, вогулов (манси) и др. Как пишет Мамин-Сибиряк, заводские рабочие презрительно называли крестьян «пиканниками»⁵⁷. В рассказе «Бойцы» есть такая сценка:

На бурлаков-крестьян было тяжело и смешно смотреть: возьмет он и тюк не так, как следует, и несет его, точно десятипудовую ношу, а бросит в барку – опять неладно. Водолив ругается, сплавщик заставляет переложить тюк на другое место.

– Едва поднял, – утирая пот рукавом грязной рубахи, говорит какой-то молодой здоровенный бурлак.

– Ах ты, пиканное брюхо! – передразнивает кто-то.

Тут же суетились башкиры и пермяки. Эти уж совсем надрывались над работой.

Сейчас, когда по Юрюзани сплавляются лишь катамараны и байдарки туристов, трудно представить себе картину прохождения этого каравана-флотилии. Пусть эти цитаты добавят впечатлений туристам, как они добавили мне, на этой реке выросшему, но не имевшему понятия о таких исторических фактах, хотя я и не отношу к себе слова А. С. Пушкина о том, что мы ленивы и нелюбопытны. А вот сплав плотов по Юрюзани я ещё застал. Эта картина не была настолько эпической, как сплав барок, но много общего в них всё же было. Сплав есть сплав – надо знать и чувствовать реку, это она несёт на себе многотонную конструкцию, а не мощный двигатель, надо помнить все изгибы, перекаты и протоки, камни и мели в воде, скалы по берегам, о которые разбилась не одна барка и которые унесли не одну сотню человеческих жизней, понимать динамику движения воды в русле и её воздействия на плывущее по воле божьей тело. Да много чего надо знать, что и не снилось Архимеду, зато было известно простому мужику. Опять не удержусь и приведу ещё одну цитату, на сей раз из книги уже нашего современника Алексея Иванова «Message: Чусовая».

...Эти жёлтые фотографии на толстой бумаге, эти одинаковые бородатые мужики, торопливость их жестов, их робость перед объективом, как перед барином, уже непонятная нам скученность людей при работе... Как-то даже неловко: чем тут гордиться? В нашей жизни всегда не хватает эффектности, броскости, позы. И барки эти тоже – ну гробы гробами...

Да. Сразу надо оговориться: о красоте речи не идёт. Точнее, не идёт речи о красивости. Барка хоть и корабль, тем не менее не принадлежит к числу трёх самых красивых вещей на свете: то есть она не горящий огонь, не танцующая эсеница и не чайный клипер под всеми парусами. Барка грузна, кондова, тяжела, топорна, как трактор, как асфальтовый каток. Она создана для того, чтобы возить неподъёмные пушки, чугунные ядра, полосы железа, медные слитки. Барка не яхта, и скорость – её злейший враг.

⁵⁷ Пикан – уральское название съедобного растения – дудника лесного (*Angelica silvestris*). Его часто ошибочно называют (в том числе и в цитированных в этой книге источниках) дягилем лекарственным (*Archangelica officinalis*) или борщевиком сибирским (*Heracleum sibiricum*). Молодые стебли пикана в отварном виде широко употреблялись в пищу в голодные годы, а по привычке – и в сытые, особенно в пост. Мама в моём детстве обязательно готовила их весной, однако впечатления это незамысловатое блюдо на меня не произвело: трава и трава, хотя и мясистая, без соли вообще есть невозможно. Но мы-то уже не голодали... Пиканниками иронически называли вообще всех кунгурияков, о чем говорится в книге Касимовского. Молодые пиканы охотно поедаются медведями.

Но караваны несутся по стремнине Чусовой быстрее всяких регат – неудержимо и страшно, словно горный обвал. И барки делают всё, чтобы идти медленнее. Их упрямые тупые рыла взрывают волну, тормозя ход, и, словно челюсть боксёра, выдерживают прямой удар о бревенчатые рамы вокруг скал. Барки гребут против течения всеми потесами, как рыбы, что поднимаются на нерест сквозь рёв порога. Барки цепляются за дно Чусовой лотами, как покатиившийся с крутого склона альпинист отчаянно зарубается альпеништоком в скорлупу ледяного фирна.

Барке не до красоты. Барка должна спастись от гибели под беспощадным камнем-бойцом, должна не рассыпаться на доски от удара донного валуна под дых. Ей некогда тешить своей лебединой статью барышень на прибрежных бульварах. Каждый миг рискуя своей деревянной жизнью, она несёт железо для брони империи. Только в этом и заключается её предназначение. Никто не восхищается изяществом линий современного подводного атомного крейсера. Но никто не сможет отказать этому кораблю в каком-то почти мистическом, нечеловеческом величии. Мессидж его не изысканность обводов, а ядерная мощь державы. И красота барки не в гармонии черт, а в том незримом жертвенном огне, который, пронесённый сквозь переборы Чусовой, вырвется на врага пламенем из пушечных жерл.

Сколько бы юбилеев морского флота мы ни праздновали, надо признать: Россия в первую очередь была и остаётся речной страной. Для гигантских, никак не освоенных просторов России реки были главными дорогами, границами и ориентирами.

К сожалению, соглашаясь с автором в главном, думаю, что упор надо сделать всё-таки на слово «была». Более века назад Мамин-Сибиряк это прочувствовал острее.

Ну и приведу несколько тех самых «жёлтых фотографий на толстой бумаге», которые дают представление о том, как выглядели эти суда, более похожие на огромные утюги, вынесшие на своих спинах чугунно-железную тяжесть и тут же, в пункте прибытия, продаваемые на слом – вернуть их назад было невозможно. К слову, далеко не все из этих фотографий «жёлтые» – пионер русской цветной фотографии Сергей Михайлович Прокудин-Горский успел запечатлеть барки в цвете, и теперь эти уникальные фото России начала прошлого века находятся в публичном доступе. Сколько замечательных людей покинуло тогда родину и составило гордость и славу уже иных стран: авиаконструктор Сикорский – создатель вертолёт, Звонков, по праву считающийся изобретателем телевидения... Да, наконец, певец Шаляпин! Мне посчастливилось в Берлине посетить фотовыставку «Мир в цвете до Первой мировой войны», и ключевое место там занимали работы Прокудина-Горского. Будет ли когда-нибудь подобная выставка в России? К сожалению, из чисто издательских соображений мне пришлось перевести все фотографии в чёрно-белые, а два изображения вообще взяты из общедоступных интернет-ресурсов, куда были скопированы с бумажных отпечатков – владелец оригинала, если он вообще существует, мне не известен.

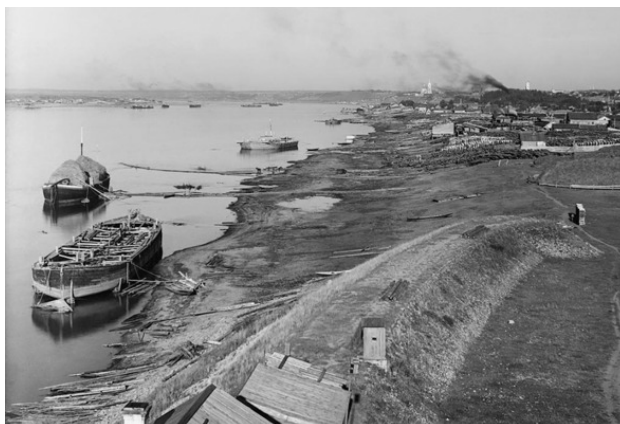

Рис. 29. Вид на город Пермь с железнодорожного моста через Каму⁵⁸. Фото С. М. Прокудина-Горского, в оригинале – цветное, 1912 г. Возле берега стоят барки после разгрузки

Рис. 30. Спуск барок на Чусовой. Фото В. Л. Метенкова, 1893 г.⁵⁹. Поражает многолюдье и пёстрый национальный состав рабочих, видный по одежде

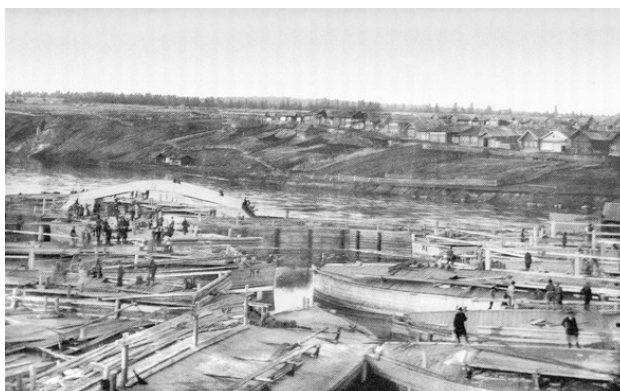

Рис. 31. Староуткинская пристань. Автор фото Н. Т. Филатов, 1901 г.⁶⁰

По свидетельству А. Ф. Мукомолова, первый караван барок отправился по Юрюзани в апреле 1763 года. Он вёз 70 тыс. пудов железа, из которых потонула примерно десятая часть – 7,5 тыс. пудов. Железо ушло в Симбирск, Саратов, Ярославль, Москву, Константинополь. Сле-

⁵⁸ Открытый исследовательский проект «Наследие С. М. Прокудина-Горского» [Электронный ресурс] URL: <http://prokudin-gorskiy.ru/image.php?ID=1074> (Дата обращения: 16.10.2018)

⁵⁹ URL: <https://bit.ly/2Rllvc5>

⁶⁰ URL: <https://bit.ly/2ScmCQT>

дующий караван, 1764 года, вёз уже 100 тыс. пудов, но ему повезло меньше: утонула половина груза. Железо, конечно, не пропадало в реке, о чём свидетельствовал и Паллас, так что не стоит искать его сейчас в Юрюзани. Его поднимали из воды летом, в межень, и в итоге оно доходило до пункта назначения. А география поставок была широкая: в том году 35 тыс. пудов ушло в Санкт-Петербург, а 34 тыс. – за границу, как тогда выражались – «в заморский отпуск». Но по реке сплавляли не только железо. Барки нагружали, например, зерном, и тут уж потеря была безвозвратной.

В Списке населённых мест Российской империи за 1870 год есть также гидрографический обзор Уфимской губернии. В отношении Юрюзани там сказано:

Юрезань быстрее Чусовой; скорость течения местами до 27 вёрст в час, самая слабая, в плёсах, от 3 до 4 вёрст, средняя же в межень от 10 до 12 вёрст. Течение ея весьма извилисто, ширина и глубина незначительны, русло засорено карчами и подводными камнями и богато островами; от Усть-Катавского завода до устья на протяжении 295 вёрст насчитывают 23 опасных камня и 43 острова; всё это значительно задерживает развитие судоходства, которое здесь так необходимо для сбыта произведений горных заводов, расположенных как по самой р. Юрезаню (Юрезанский), так и по его притокам Катаву (Катав-Ивановский и Усть-Катавский), Илеку (Николаевский) и Минке (Минский). По р. Юрезаню расположено 21 селение с 13620 душ об. пола, из коих в Златоустовском уезде 15 селений и 9325 жителей, в Уфимском 5 селений и 3909 жителей, в Бирском 1 селение и 386 жителей.

Что касается названия реки, то там есть такая сноска: «Название это весьма разнообразится в правописании; пишут: Юрезень, Юрюзань, Юрезань, Юргузен».

По Юрюзани было в 1870 году сплавлено железа 313653 пуда на 279636 рублей, стали 19245 пудов на 308504 рубля. Если считать среднюю нагрузку на барку в 10000 пудов, то получается, что караван состоял из 33-х барок-коломенок.

Технология сплава совершенствовалась, на чём я останавливаться не буду, но конец ему положило строительство Самаро-Златоустовской железной дороги. Последний караван, насчитывавший 21 барку, усть-катавцы провожали по Юрюзани весной 1891 года. Однако использование реки в качестве транспортной артерии на этом не прекратилось. Металлургическая промышленность концентрировалась в определённых местах и железные дороги строились с учётом их местоположения, а хлебные и лесные районы оставались в стороне. В монографии⁶¹ известного историка М. И. Роднова, посвященной исследованию хлебного рынка Уфимской губернии, Дуванский район характеризуется автором как внутренний по отношению к торговым путям и, следовательно, «гужевой». Судя по всему, автор под Дуванским районом понимает здесь весь северо-восток Башкирии. Он и сейчас такой же, только гужевой транспорт после ВОВ заменён автомобильным. Трудности с реализацией сельхозпродукции приводили при избытке её производства к обеднению населения вследствие затоваривания. Автор, в частности, пишет:

В 1893 г. податный инспектор выделил Ярославку, Дуван, Емаши как пункты, «в коих скопляются более значительные торговые запасы хлеба». Внутри района заготовку вели крестьяне – владельцы мукомольных мельниц, например Василий Степанович Водолеев (Тастуба), Артемий Васильевич Трапезников (Лемазы), Данило Клыков (Ногуши), Фёдор Фёдорович Поначев (Емаши), или отдельные фирмы. Корреспондент Мефодий Конопасевич

⁶¹ Роднов, М. И. Пространство хлебного рынка (Уфимская губерния в конце XIX – начале XX вв.). Уфа, 2012. 225 с.

сообщал в газету летом 1897 г., что в Златоустовском уезде, «бывшего житницей для горных заводов», население беднеет из-за примитивной агротехники, отсутствия образования и баснословно низких цен на хлеб (рожь продавалась по 12 коп. за пуд, овёс – по 10 коп., пшеница – по коп.). «У народонаселения, очутившегося в ежовых рукавицах акционерной компании „преемник Губкина Кузнецов“ и купца Груздёва, нет ни денег, нет ни хлеба» – отмечал автор.

Из западной части Дуванского района хлеб поступал на пристани р. Уфы, сплавался по Аю и Юрюзани, из большей части Златоустовского уезда он доставлялся грузом на СЗЖД и горные заводы.

В качестве пристаней автор упоминает Метели на реке Ай и Усть-Кошелёвку на Юрюзани. В 1870 году товаров с Усть-Кошелёвской пристани было отправлено на 31 250 руб. Очевидно, что речь идёт о хлебе, а для перевозки такого количества исходя из текущих цен требовалось до 10 коломенок. По мнению автора, наличие на рубеже XIX—XX вв. обширных лесных массивов обеспечивало высокий уровень воды, пригодный для сплава баржей не только в верховьях Уфимки, но и в нижнем течении небольших притоков (Ая, Юрюзани и др.).

Лес не только обеспечивал высокий уровень воды в реках, но и сам являлся товаром и сырьём для строительства судов. Уже после прекращения сплава железа за период 1892—1896 гг. на Юрюзани было изготовлено 10 белян⁶², коломенок и подчалков⁶³. Изготовление и сплав барок и других судов продолжались и в начале XX века, прекратившись, вероятно, где-то на исходе первого десятилетия. Во всяком случае, сведений о сплаве барок по Юрюзани и Аю за 1912 год нет, хотя река Уфа в этом году активно использовалась для вывоза хлеба и других грузов. Реки мелели...

Что касалось леса, то его заготовки были рассеяны по всей таёжной зоне. Если бы кому-либо пришлось в голову вывозить лес исключительно железнодорожным путём, то рельсы пришлось бы тянуть следом за вальщиками по огромной территории. Там, где вблизи не было рек, так и поступали, строя где-то примитивные временные дороги, вроде декавиловских⁶⁴ или просто бревенчатых, которые потом заменялись узкоколейными железными дорогами (УЖД). Так в прошлом веке была построена на территории Уфимского плато самая большая в Европе Яман-Елгинская сеть⁶⁵ УЖД, имевшая выходы к Юрюзани выше и ниже территории Дуванского района: в Урмантау и Атняше. О ней ещё пойдёт речь в этой книге, но на рубеже XX—XXI веков она была разобрана, а если выражаться точнее, то в большей степени расхищена и пошла на металлолом. Завершился этот процесс в 2010 году.

В энциклопедическом словаре Брокгауза и Эфрона в статье «Юрезань» написано, что в 1901 году по реке сплавлено было 1 судно и 38 плотов весом в 2010 тысяч пудов, стоимостью в 132 тыс. рублей.

В наследство от тех лет нам остался уникальный документ: карта-лоция Юрюзани от Юрюзанского завода до впадения её в Уфу. Копия этой карты вложена в первый том А. Ф. Мукомолова «На южноуральских заводах». К сожалению, нет никаких сведений относи-

⁶² Беляна – уникальное в своём роде большое несамоходное речное судно длиной до 100 метров, в котором древесина являлась одновременно и грузом, и элементами конструкции. Подчалок – несамоходное судно, баржа.

⁶³ Роднов, М. И. Хлебный рынок Уфимской губернии в конце XIX – начале XX века: Научное издание / М. И. Роднов, А. Н. Дегтярев. – Уфа: Уфимская государственная академия экономики и сервиса, 2008. – 258 с.

⁶⁴ Система, разработанная французским инженером Полем Декавилем. Представляла собой готовые звенья-решётки из металлических рельсов и шпал, которые легко соединялись друг с другом на манер детских игрушечных железных дорог. Широко использовалась в Европе при строительстве военно-полевых дорог в период Первой мировой войны, в горнорудной и лесной промышленности и даже в сельском хозяйстве. Использовалась также в соседнем с Юрезанским Магинском лес-промхозе (прим. автора)

⁶⁵ Болашенко, С. Д. Яман-Елгинская узкоколейная железная дорога [Электронный ресурс] URL: <http://infojd.ru/14/yamanyselga.html> (Дата обращения 16.10.2018)

тельно года издания этой схемы, однако судя по нанесённым на неё поселениям, это предположительно середина XIX века. В Списке населённых мест Российской империи за 1870 есть ссылка на лоцию Юрюзани, напечатанную в №19 Уфимских губернских ведомостей за 1867 г. Возможно, это и есть та самая, которую привёл А. Ф. Мукомолов. Карту я скопировал в РГБ (бывшая Ленинская библиотека) и для помещения в книгу был вынужден перевести в чёрно-белый режим. В книге она большого формата, как 4 сложенных листа А4. Фотографии размещены по течению реки от заводов к устью (рис. 32—38).

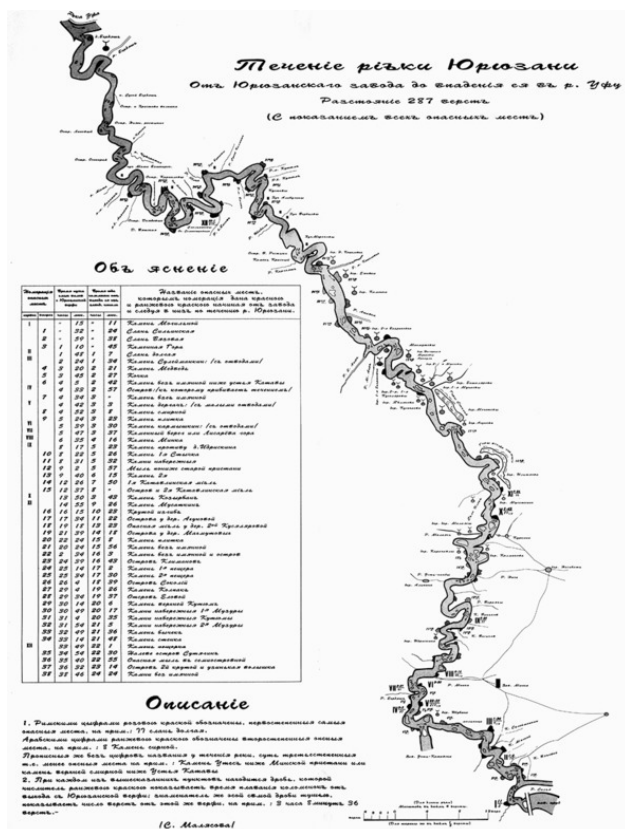

Рис. 32. Карта-лоция реки Юрюзань

Объяснение

Лист № 1
р. Юрюзань

Номера опасных мест		Виды опасности		Виды опасности		Название опасных мест, которым координата дана красной и ракета красной линией отъезда и следуя в низ по течению р. Юрюзани.
вертикаль	горизонт	кавал	желез.	кавал	желез.	
I		"	15	"	11	Камень Мочильной
	1	"	32	"	24	Слань Сильвинская
	2	"	59	"	38	Слань Вязовая
II	3	1	10	"	45	Каменная Гора
III		1	48	1	7	Слань долаз
	4	3	20	2	21	Камень Сулейманкин: /с/ отводами/
	5	3	45	2	27	Камень Медведь
IV	6	4	5	2	42	Кочка
	7	4	33	2	57	Камень без илзной ниже устья Катавы
V		4	42	3	3	Остров: /с/ которому прибивает течение /
	8	4	52	3	8	Камень без илзной
	9	5	24	3	23	Камень держав: /с/ малыми отводами/
VI		5	39	3	30	Камень кармыкин: /с/ отводами/
VII		5	47	3	37	Каменный берег или Асарова гора
VIII		6	35	4	16	Камень Миска
IX		8	17	5	23	Камень противу д. Идрисина
	10	8	22	5	26	Камень 1-я Стелка
	11	8	31	5	32	Камни на берегу
	12	9	2	5	37	Мыль ниже старой пристани
	13	9	40	6	15	Камень 2-я
	14	12	26	7	50	1-я Катавинская мыль
X		15	12	37	8	Остров и 2-я Катавинская мыль
	16	13	50	3	43	Камень Козыбань
XI		14	55	9	26	Камень Мураткина
	17	16	15	10	23	Крутой изгиб
	18	17	34	11	22	Острова у дер. Агуновой
	19	19	13	13	23	Опасная мыль у дер. 2-я Кузнецовой
	20	21	39	14	18	Острова у дер. Малюты
	21	22	24	15	8	Камень на мыли
	22	20	24	15	56	Камень без илзной
	23	2	34	16	3	Камень без илзной и остров
	24	24	39	16	43	Острова Климанова
	25	25	14	17	2	Камень 1-я нещера
	26	25	34	17	30	Камень 2-я нещера
	27	26	4	18	39	Острова Соколий
	28	29	4	19	26	Камень Колмак
	29	29	34	19	37	Острова Еловой
	30	30	14	20	6	Камень верхней Кутюль
	31	30	49	20	17	Камни на берегу 1-я Музур
	32	31	4	20	35	Камни на берегу Кутюль
	33	31	54	21	5	Камни на берегу 2-я Музур
	34	32	49	21	36	Камень выск
	35	33	14	21	48	Камень стелка
XII		33	49	22	1	Камень нещера
	36	34	54	22	30	Пале остров Сутягина
	37	35	40	22	55	Опасная мыль вь семистровной
	38	36	32	23	14	Острова 2-я крутой и узинская волышка
	39	38	46	24	24	Камни без илзной

Рис. 33. Перечень опасных мест на реке Юрюзани

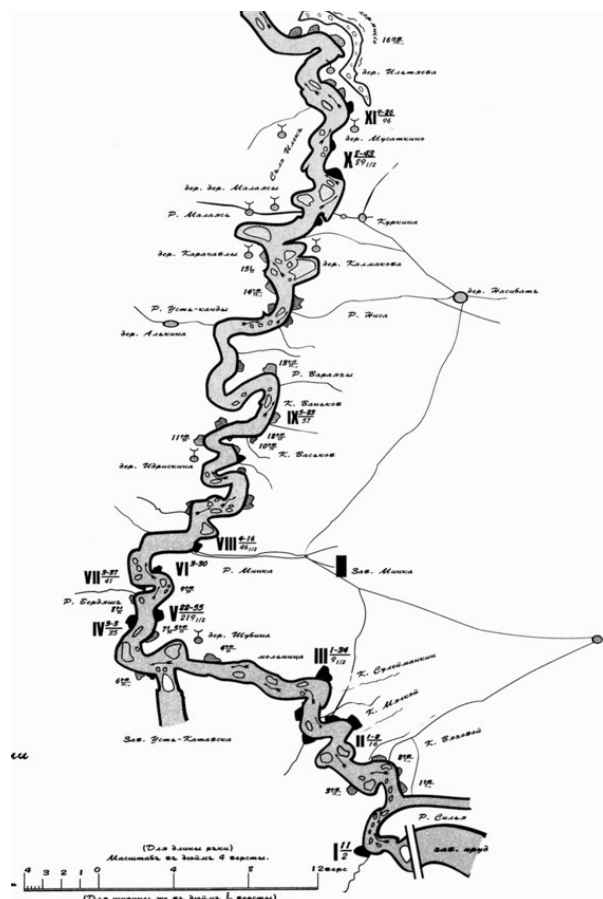

Рис. 34. Участок реки от Юрюзанского завода до Янгантау

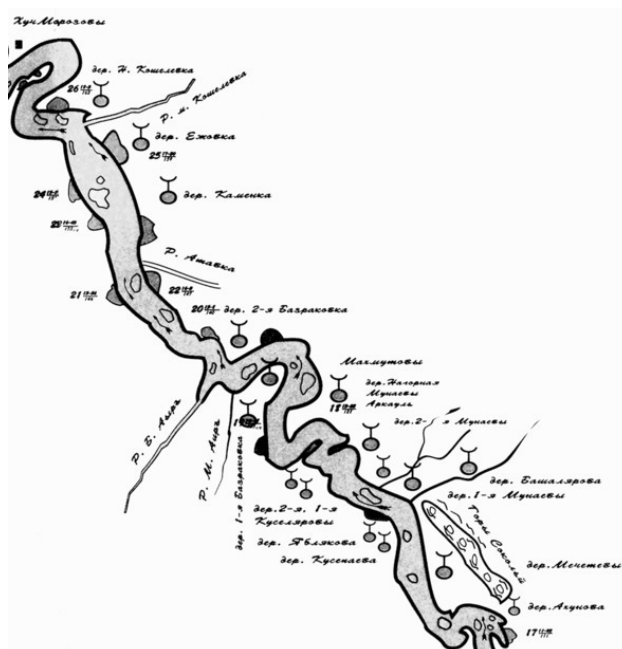

Рис. 35. Лоция Юрюзани на участке от Янгантау до Кошелёвки

Рис. 36. Лощия Юрюзани на участке от Кошелёвки до Трапезниковки (хутор Савельевы на карте)

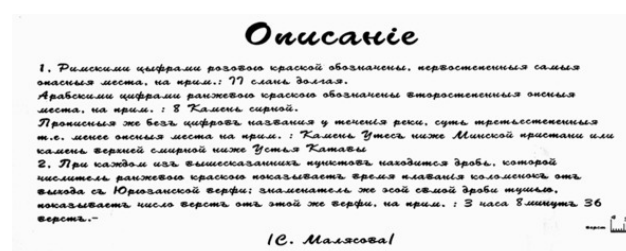

Рис. 37. Описание к карте-лоции реки Юрюзань

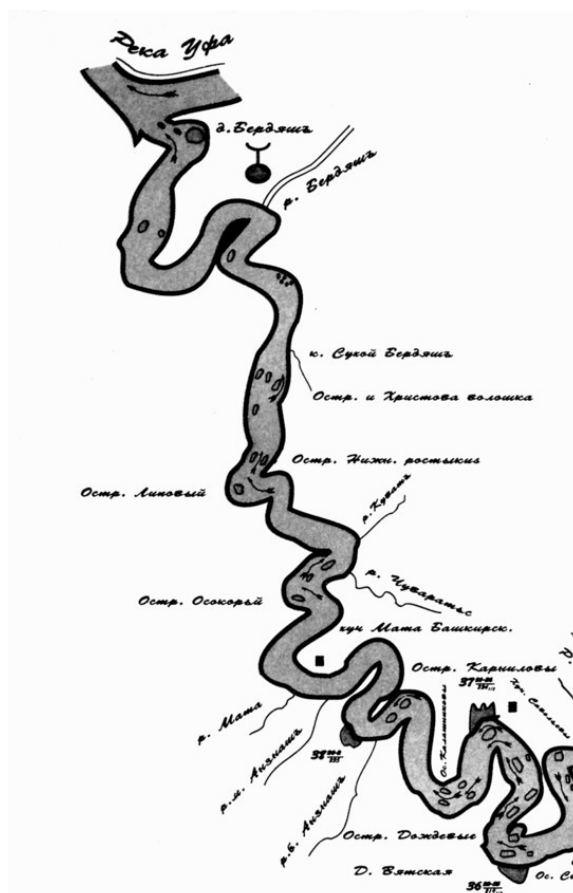

Рис. 38. Лоция Юрюзани на участке от Трапезниковки до устья

Масштаб карты – 4 версты в одном дюйме, однако для русла реки масштаб увеличен в 8 раз – 1/2 версты в дюйме. На схеме река в таком масштабе напоминает огромного удава. Изучение карты даёт много информации, однако же не всегда понятной, поскольку источников того времени крайне мало. Очень интересно сравнить тогдашние названия с современными. Деревни Малаясы – нынешний Малояз, и т. д. Очень интересно названы горы Янгантау: «Горы всегда горящие». На карте показан хутор Бурцова (нынешняя Бурцевка), однако отсутствует Сафоновка. Бурцевка старше Сафоновки? В таком случае она образовалась ранее 1832 года... Хутор Савельевы (уже известный нам хутор Савин или Савкин) – будущая Трапезниковка. Ручей Юлка ниже Бурцевки – лог Юлай (Юлайко). Нет никаких сведений о деревне Вятская ниже острова Семиостровные (на современных картах – о. Семиостровный). Возможно, это бывшее монашеское поселение в Семиостровном. Также можно предположить, что речь идёт всё-таки о Сафоновке, по преданию основанной выходцами из Вятской губернии, а составитель карты неверно указал её местоположение – неточностей именно в изображении прилегающей к реке территории на схеме много, что вполне объяснимо: составителей интересовала в первую очередь река и опасные места на ней. Так, неверно показан лог Малый Басав, отсутствует ручей Сырой Калмаш – заметный ориентир на реке. Лог (на схеме все лога обозначены как ручьи) Башала назван Шабала – явная описка, переставлены буквы.

Что меня особенно заинтересовало, так это упоминание двух мест под названием «Камни набережные Музуры» – одно на месте нынешнего посёлка Октябрьский (народное название – Мазур, хотя и Музур в разговорной речи тоже звучал), второе – в районе пос. Комсомольский, построенного на месте дер. Кисетовка и сохранившего это название в устной речи. Получается, что топоним Мазур – исторический, хотя значение его и неизвестно. Это же надо было до такой степени ненавидеть собственную историю (или вообще ненавидеть всё на свете), чтобы на старое звучное слово Мазур (Музур) шлёпнуть совершенно выхолощенные и набившие оскомину Октябрьский и Комсомольский!

Небезынтересно было бы узнать, в какой степени эта карта помогала лоцманам проводить караваны по живой реке в условиях, когда ситуация могла измениться в любой момент. Конечно, камни, скалы и острова не перемещались в пространстве, однако в русле могла появиться отсутствовавшая в прошлую навигацию карча, а за ней – мель. Потерпевшая аварию огромная барка могла внезапно перекрыть фарватер, да мало ли что ещё могло случиться. Никто ведь не учился водить караваны по лоции – начинали в учениках у опытных караванных, зачастую сыновья у отцов. Лучше всего этот вопрос проясняет следующий диалог из рассказа Мамина-Сибиряка, списанный явно с натуры:

– Отчего сплавщики не заведут себе карты Чусовой, чтобы удобнее было запомнить течение, мели, таши и повороты? – спрашивал я у Савоськи.
– У нас один приказчик эк-ту тоже поплыл было с картой, – отвечал Савоська, – да в остожье⁶⁶ и заплыл...

История с караванами имеет ещё один важный аспект. Как уже было сказано, на каждой барке находилось не менее сорока бурлаков, да ещё в составе каравана были так называемы «косные» лодки с гребцами, задачей которых было оказывать помощь при крушении барок: спасать тонущих, помогать экипажам барок, севших на мель и т. п. – своеобразные летучки. Если представить себе караван в полсотни судов, то простой подсчёт показывает, что в сплаве участвовало более тысячи человек. Барки, как тоже говорилось, были одноразовыми, назад они не возвращались, в отличие от бурлаков. Для возврата нужна была дорога или хотя бы пешая тропа вдоль реки. Вот прокладкой этих троп и закопей и занимались, судя по всему, упомина-

⁶⁶ Остожьем называется загородка из жердей вокруг стога сена. (Прим. Д. Н. Мамина-Сибиряка). В книге его можно увидеть на рис. 55

емые Н. С. Чухаревым казённые люди. Заводы на Юрюзани были частными, однако задачи-то решали государственные. И к этой лоцманской тропе в книге мы ещё не раз вернёмся.

Итак, последний караван барок прошёл по Юрюзани в 1891 году. Но мы знаем, что к тому времени река уже была заселена, и не только крестьянами. Скорее, наоборот: сельское хозяйство являлось по сути подсобным, продукция использовалась для внутреннего потребления, а товарную продукцию давал лес. В какой-то мере этот образ жизни был подобен заводскому. Понятие рабочего, прочно вошедшее в нашу жизнь вместе с навязанным марксизмом-ленинизмом, в котором демагогии было больше, чем сути, мало соответствует реальным отношениям в царской России. У меня был один из сослуживцев, полковник в отставке, ранее преподававший в военной академии, участник ВОВ – несмотря на разницу в возрасте мы с ним дружили. И он очень гордился тем, что является сыном путиловского рабочего и может подтвердить это документально. Я просил показать этот документ, однажды он его принёс. Это была потёртая справка размером с почтовую открытку, в которой было написано, что такой-то является *крестьянином* такого-то уезда, приписанным к Путиловскому заводу. В сословной стране такого сословия как рабочий попросту не существовало, рабочие числились крестьянами даже в Санкт-Петербурге. Да и доходы у них были гораздо выше, чем у «освобождённых» большевиками пролетариев. Конечно, рабочий завода Путилова или Рябушинского слабо отличался от европейского пролетария, реально не имевшего собственности и жившего на зарплату. Но на Урале было не так. Практически все рабочие, будь они крепостными крестьянами или государственными, но приписанными к заводу, либо же вообще свободными и работающими, как тогда говорили, «в заводе», имели земельные участки, держали скот и домашнюю птицу. Это освобождало предпринимателя от необходимости заботиться о пропитании своих рабочих. Понятно, что совмещать работу на заводе и занятие сельским хозяйством было невозможно, но исторически сложился такой порядок, что рабочие не имели отпусков в нашем понимании, однако им предоставлялось время для занятий сельским хозяйством трижды в год: весной для обработки земли, летом для сенокоса и осенью для уборки урожая, конкретные сроки определялись по погоде. Завод на это время прекращал работу. Общая продолжительность таких отпусков, по свидетельству А. Ф. Мукомолова, составляла до 2—2,5 месяцев. Чтобы ни говорили и ни писали о тяжкой доле эксплуатируемого российского пролетариата, это не идёт ни в какое сравнение с тем, что сделала с ним и с крестьянством новая «народная» власть.

Коли уж зашла об этом речь, вспомнился ещё один эпизод из моей инженерно-научной деятельности после окончания МВТУ им. Баумана. По какому-то делу я оказался в кабинете главного инженера Лыткаринского завода оптического стекла, который допускал меня «к телу» как молодого сотрудника вузовской кафедры и вообще был человеком, как сейчас бы сказали, либеральным. При этом, естественно, глубоко советским. Так получилось, что в тот момент он решал вопрос об отправке персонала на уборку урожая, как тогда говорили – в колхоз (обычно речь шла о картошке). Я, попавший из Калмаша в ведущий ВУЗ страны, выразил сомнение в целесообразности отправки на поля квалифицированного персонала оборонного предприятия (посылали, как известно, и «доцентов с кандидатами»). Он мне и привёл в пример уральские заводы Демидовых и других. И всё бы ничего, если бы эта картошка потом не гнивала на овощных базах, с которыми в бытность научным сотрудником я тоже имел счастье познакомиться во всех подробностях.

Но вернёмся на Юрюзань. Население на Юрюзани активно, опять-таки выражаясь советским стилем, «эксплуатировало» лес: занималось пчеловодством, в том числе бортничеством, получая роскошный мёд (о чём писал Касимовский в «Очерках о Дуване»), охотилось, делало изделия из дерева и лыка для себя и на продажу, собирало грибы и ягоды и т. п. – сейчас даже придуман такой термин: лесное благо. Я всю взрослую жизнь прожил в Москве, но от менталитета «лесного человека» отрешиться так и не смог (впрочем, и не пытался) и по сей день в лес вхожу, как в храм. Да и мёд предпочитаю башкирский...

Конечно, главный товарный продукт леса – это сам лес, древесина. Леса Уфимского плато были во всех отношениях ценными, о чём речь ещё пойдёт ниже. Как выяснилось, на территории Дуванского района до революции заготовкой и продажей леса занимался не только купец Лаптев в Калмаше. Н. С. Чухарев пишет ещё о двух предпринимателях: сотоварищах (думаю, скорее компаньонах) Соломоне (у Чухарева – Саламон) Ароновиче Минце и Александре Шубникове. Минц базировался в Башале, а лес заготавливали и сплавляли жители окрестных деревень между Потаповкой и Ежовкой. Шубников же имел дом в центре Бурцевки, где жил в зимнее время, весной же сплавлялся вместе с лесом до следующего сезона. Понятно, что лес надо было продать, на это требовалось время. Постоянно в доме жила прислуга, а летом приезжали «дачники» – дочь с мужем. По свидетельству Чухарева, они называли себя иностранными именами Жанетта и Леопольд и вели себя как настоящие бары. Возможно, дом Шубникова и сейчас ещё стоит в Бурцевке. Здание, в котором находилась начальная школа, было довольно старым, а ведь кому-то этот дом до революции принадлежал? Либо же это было большое здание, в котором позже располагались клуб и библиотека. Чухарев пишет, что когда в Бурцевке в 1931 году был образован колхоз «Парижская коммуна», правление разместилось в том самом доме Шубникова...

Берег реки между Бурцевкой и устьем лога Сухой Калмаш, где после войны образовался небольшой посёлок Автоколонна, назывался пристанью. Как мы уже знаем, пристанями именовали места, где строились и загружались барки – к пристани они не причаливали, а лишь от неё отплывали. То же было и с плотами, они также плыли лишь в одном направлении: вниз по реке. Судя по всему, именно на этом месте складировали лес и вязали плоты, а других удобных мест поблизости и не было. Потом уже леспромхоз устроил здесь же нижний склад, где круглый год кипела работа. Об этом тоже позже.

Минц и Шубников скупали у крестьян исключительно наиболее ценный хвойный лес: брёвна длиной 10 или 15 аршин. Здесь опять позволю себе привести цитату из книги (рукописи) Н. С. Чухарева полностью:

В начале своей деятельности Шубников скупал привезённые брёвна у крестьян за золотые рубли, что способствовало в развитии хозяйства, особенно у безземельных крестьян.

Трудолюбивые мужики за зимний сезон зарабатывали до шести золотых рублей. За три рубля можно было купить корову, за четыре золотых рубля хорошую лошадь.

Вот читаю и пытаюсь понять отношение автора. Две коровы за сезон. В 60-х годах прошлого века корова стоила около 300 рублей, сейчас цена сильно зависит от региона и породы, но пропорции не сильно изменились относительно зарплат и цен, колеблются в пределах 40—100 тыс. рублей. Возьмём минимум, получается почти 100 тыс. за сезон. Кто сейчас из крестьян получает столько? Да и нет их теперь на Юрюзани, крестьян-то. Насчёт безземельности у меня тоже большие сомнения – земля принадлежала общине. Но главное всё же сказано: предпринимательская деятельность способствовала развитию хозяйств, причём именно бедных. Где бы эти крестьяне вообще могли заработать такие деньги, не будь таких шубниковых? Получается, хороший предприниматель? Но тут нам в глаза бросается «паразитический» образ жизни отпрысков... Нет, всё таки буржуй, эксплуататор – иных оценок мы не слышали. К тому же в итоге склоняется и автор, да и Минц платил своим мужикам больше, потому что те оказались посмелее и пригрозили Соломону спрятать его под лёд, коли платить будет мало. А вот в Бурцевке Шубников, оказывается, большинству недоплачивал и при этом опирался на «кулацкий актив», которому платил больше, а тот уже находил свои методы воздействия на голодранцев (марксисты называли такую политику оппортунизмом). В качестве лидера этого актива Чухарев прямо указывает на Александра Ивановича Бурцева. Не могу отделаться от соблазна пред-

положить, что тут есть что-то личное, хотя вероятнее всё же «классовое» воспитание. Впрочем, не мне судить. Все жившие в Бурцевке во второй половине прошлого века наверняка «отоваривались» в сельповском магазине, расположенном в нижнем конце деревни – это и есть бывший дом Бурцевых. А где же сам Александр Иванович? Его судьбу и судьбу всей семьи поведала мне его ныне здравствующая правнучка, Тамара Халтурина (Козионова). Раскулачили Александра Ивановича, выгнали из дома и всей семьёй отправили в Сибирь, в Анжеро-Судженск, где из шести детей в живых остался лишь один. Об этом тоже пойдёт речь, но опять-таки позже.

В 1926 году, очевидно, в связи с окончанием НЭПа, Шубников появился в Бурцевке в последний раз, уплыл с плотами и больше его никто не видел. По слухам, уехал за границу. А чего ему было дожидаться от новой власти? Его бы не сослали, у буржуев другая судьба была, покороче. На прощание он подпортил свою репутацию «невинной» аферой, расплатившись за лес не золотом, а бумажными рублями по курсу 2:1. Крестьяне даже обрадовались, поскольку слова «инфляция» ещё и слухом не слыхивали. Даже золотые монеты, которые потратить не успели, на бумажки те обменяли: выгода! Жулик... Но когда я вижу, что тво-рят сегодня не купчишки, а современные «владельцы фабрик, газет, пароходов», Шубников кажется уже мелким шалунишкой.

На реке Уфа, куда впадает Юрюзань, были свои предприниматели. Историю тех мест исследует журналист и писатель В. С. Гоман. В книге «Лес и люди» он пишет, что наиболее заметный след оставили купец второй гильдии Манаев и владелец стекольного завода Арацков. Андрей Степанович Манаев был крупным лесопромышленником, торговал также и хлебом, для чего, как указано в книге М. И. Роднова и А. Н. Дегтярёва, владел пятью сравнительно некрупными деревянными баржами. Он торговал даже с заграницей, куда и детей своих отпра-вил учиться, но сам по воспоминаниям современников жил скромно, был на короткой ноге с рабочими и не чурался физического труда. Книга «Лес и люди», как и книга Н. С. Чухарева, тоже публиковалась лишь в самиздате, однако её легко найти в интернете, например, на сайте⁶⁷ Магинского сельского поселения РБ. Книга посвящена истории Магинского леспромхоза, граничившего с Юрезанским, содержит массу сведений и в этом плане представляет большой интерес для земляков. Вот, как пишет В. С. Гоман, на базе «манаевского наследия» и был образован вначале Магинский механизированный лесопункт, преобразованный позже в лес-промхоз.

Стекольный завод Арацкого был, естественно, тоже экспроприрован. Действительно, что может быть более естественным, чем экспроприация? Было ваше – стало наше. Чисто демо-кратически, большинством голосов. От фамилии Арацкого было образовано название лесни-чества, только его несколько переиначили на башкирский лад, назвав Аратским. Со времён проживания в Бурцевке я помню о существовании в верховьях логов Сухой и Сырой Кал-маш, на так называемом сырте⁶⁸, Аратской грани. Согласно легенде грань эта была просекой, по которой некий помещик Арат собирался построить прямую дорогу от Магинска к степи, в район Тастубы и Дувана. Собирался, да не успел... Легенда, как выясняется, имела реальную основу, только это был не помещик Арат, а промышленник Арацков. Стекольный завод, кстати, показан на немецкой карте 1941 года, он располагался на дороге Караидель – Тастуба между деревнями Абызово и Апрелово, сейчас бывший заводской посёлок, несколько раз менявший название (Светлый, Караидельский) носит название деревня Сосновый Бор. Апрелова уже не существует.

Вернёмся на Юрюзань – мы всегда будем к ней возвращаться. Я не нашёл точной даты, когда ради удешевления процесса транспортировки заготовленной древесины перестали вязать плоты и перешли к молевому сплаву. На Юрюзани это произошло в середине 50-х годов про-

⁶⁷ URL: http://maginsk.ucoz.ru/publ/kniga_1_glava_1/1-1-0-5?oprd=1 (Дата обращения 16.10.2018).

⁶⁸ Под сыртом в той местности понимали территорию водораздела.

шлого века. Возможно, были к тому и объективные причины, потому что по мере вырубки лесов река начала мелеть и транспортировка плотов по ней затруднялась. Да и объёмы рубки возросли настолько, что связать и сплавить такое количество плотов по большой воде, как это делали с барками, уже никто бы не успел. Плоты на берегу ведь не вяжут, их потом в воду не столкнёшь, как судно. А провести плот в межень, по малой воде, было уже невозможно.

Конструкция плотов была простой. Брёвна уже в воде связывали между собой в один слой, образуя квадрат. У нас их называли кошевыми. Для связки использовали тоже природный материал: тонкие ветви берёзы или черёмухи, которые на местном диалекте называли вицами. Впрочем, так же их именует и словарь Даля, хотя как-то учительница на уроке русского языка в Калмашской школе посчитала это ошибкой. Кошевы связывали между собой уже верёвками из лыка, так называемыми «лычными», их ещё натирали гудроном, чтобы не так размокали. Количество кошев в плоту было различным, но обычно около десяти, так что плот имел длину в полсотни и более метров. Благодаря такой конструкции плот мог изгибаться, повторяя русло реки. На носу и корме плота были устроены такие же бабайки, как и на барках, разве что размером поменьше, да и бригада плотогонов была небольшой. Всё же масса плота была не такой, как барки с железом, и поворачивать приходилось лишь первую кошеву, а на крутых поворотах и при швартовке – первую и последнюю. Тем не менее труд лоцмана – плотогона – был таким же тяжёлым и опасным, провести плот без потерь до устья реки, где была устроена запань, было искусством. Плот мог удариться о береговую скалу и рассыпаться, мог сесть на мель или на подводный камень, в таком случае снять его было большой проблемой. Во время войны плотами управляли и женщины – Н. С. Чухарев пишет о некоей Анне Степановне из Сафоновки, которая готовила и сплавляла за весенне-летний сезон до 15—18 плотов. А ведь после каждой ходки надо было ещё пешком вернуться за 60 километров обратно по лесной «лоцманской» тропе, в одних местах идя по каменистой бечеве, в других же поднимаясь и спускаясь через десяток гор.

На плоту устраивался нехитрый быт. Стоял шалаш и, что нас, детей, удивляло, горел костёр и над ним висел котелок с кашей или похлёбкой либо чайник. Но самое интересное, что с плотами, как правило, сплавлялись торговцы. Торговали обычно всякой мелочью: нитками, иголками, веретенами, даже лаптями. Сейчас я уже не вспомню этот ассортимент и не помню, чтобы родители что-то там покупали, потому что леспромхоз, как тогда говорили, снабжался значительно лучше, чем деревни. В деревнях этим занималась потребительская кооперация, именуемая в просторечье сельпо, а леспромхоз был промышленным предприятием и снабжением ведал ОРС – отдел рабочего снабжения.

Дом в Калмаше стоял на самом берегу, в нижней части посёлка, где уже заканчивался пережат и начинался спокойный плёс. Плоты обычно там и причаливали. Для этого в берег были вкопаны столбики. Плот был виден издали, когда он приближался, плотогоны начинали грести вёслами – бабайками, подтягивая плот к берегу. Когда он оказывался на уровне столбиков, кто-то спрыгивал с плота, таща за собой толстый канат. Канат быстро обматывали вокруг столба и постепенно стравливали, тормозя плот. Когда плот окончательно прибывался к берегу, канат крепили.

Сплав леса в плотях по Юрюзани прекратился одномоментно, потому что сочетать его с молевым сплавом невозможно. Молевой – от слова «моль», которое в словаре Даля трактуется в том числе как россыпь. Победило самое дешёвое решение, а о том, что оно самое варварское, в те годы мало кто задумывался. Отрезвление начало приходить уже в 70-е годы, молевой сплав начали ограничивать, хотя весьма выборочно. На Чусовой он, например, прекратился по разным данным в 1972—1974 году, хотя Постановлением Совмина РСФСР от 25.09.1987 №384 «О прекращении молевого сплава леса на реках и других водоемах РСФСР» было предписано осуществить это лишь в 1989 году.

На Юрюзани же прекращение лесосплава фактически означало прекращение лесозаготовок и лишь в 1987 году Распоряжением Совета Министров Башкирской АССР от 21.01.1987 №19р было отмечено, что с 1966 года прекращён молевой сплав по 22 рекам, которые очищены от топляка и сданы по актам органам Госводнадзора, и тут же объединению «Башлеспром» было поручено оформить разрешение на специальное водопользование для проведения молевого сплава древесины по рекам Южный Узян, Белая, Тюй, Юрюзань, Уфа. Прекращение молевого сплава по Юрюзани было запланировано лишь на 1991 год – последней из всех башкирских рек, а вывод реки из эксплуатации (слово-то какое!) – на 1992. Какой-либо альтернативы предложено не было, в распоряжении просто написано: «Вывозку древесины осуществлять в зону Павловского водохранилища». О том, как это осуществлялось, и к чему в итоге привело, тоже позже.

Глава II. Калмаш

*История, собственно, не существует,
существуют лишь биографии.
Ралф Эмерсон*

2.1. Дом рождения

Запись в паспорте – это серьёзно. И не только в паспорте: в водительском удостоверении, в анкетах (сколько их пришлось заполнить в отделах режима, скромно именуемых Первыми), в судах... Пожизненная печать: даже имя и фамилию можно сменить, место рождения нельзя. 7 ноября 1949 года я появился на свет в больнице того самого посёлка Калмаш. «День седьмого ноября, красный день календаря» – в страшном свете не могло присниться, что этот день уже на моём веку станет обычным будним днём, а праздновать мы будем неизвестно что на 3 дня раньше и народ иронически обзовёт этот день Днём Сусанина. Мама говорила, что весь персонал, как говорится, «отмечал», и роды принимала санитарка. У мамы это были третьи роды... Первый брат, Володька, был сводным и жил в Бурцевке у бабушки, а родной старший брат Михаил был ровно на два года без одного дня старше, но зарегистрирован он был ещё в Сафоновском, а не в Калмашском сельсовете. Калмаш был, как сейчас говорят, на подъёме, а про то, что Сафоновка угасала, никто кроме жителей не задумывался ни тогда, ни сейчас. Впрочем, как и о грядущей судьбе Калмаша, как выяснилось. Но в детстве это не имеет никакого значения, иначе зачем оно, детство?

Согласно официальным сведениям, сейчас в селе две улицы: Береговая и Центральная. Вот что у нас умеют делать, так это упорядочивать, переименовывать и реорганизовывать: из колонны по два в шеренгу по четыре и наоборот. Если посмотреть на фото на рис. 20, то никак две улицы не получаются: дома тянутся двумя улицами вдоль реки и вдоль обоих логов. Да и кому они нужны, эти названия, когда почтальон и так всех знает? Раньше так на письмах и телеграммах и писали: фамилию и пометку, что почтальону он известен, если приёмщица телеграммы заартачится. Улицу вдоль реки называли Нижней, а ту, что повыше на горе, естественно, Верхней. Ту же, что уходила в лог вдоль ручья – Киселёвкой, потому что первыми там поселились Киселёвы, а несколько домов в устье Юдина лога никак не назывались, поскольку это никому было не нужно.

Первый в моей жизни дом изображён на рис. 39. Фото снято в октябре 2012 года с верхней улицы. Возможно, она и есть Береговая, но я в этом не уверен. Дом справа, за забором. Почти ничего не изменилось, разве что крыша не дощатая, а шиферная. Окно появилось в сторону огорода, а в нашем детстве там были тёмные сени. Дом родители купили уже готовый, строили его татары – весь нижний конец Калмаша был преимущественно татарский. Обычный пятистенок: одна большая комната (там говорили – изба) и вторая поменьше. Вот эта вторая была не достроена, там даже потолка не было. Так и жили, пока в 1960-м не переехали в новый дом уже в Бурцевке. Зато в этих сенях можно было удовлетворять свои обезьяньи инстинкты, лазая по углам и брёвнам перекрытий. Тем же целям служила крыша сарая, там было несколько гладких досок и мы по ним катались на пятой точке без большого риска получить занозу. Про баню и говорить нечего, но с баней получилось не совсем хорошо – об этом тоже позже. Ну а спутниковая антенна – это уже совсем из другой жизни. Первый спутник полетел в космос в тот год, когда я уже в первый класс пошёл, а до антенн ещё много лет утекло.

Рис. 39. Дом в Калмаше

Грунтовой дороги, идущей вниз, в то время не было – это был узкий переулок, или, на местном диалекте, проулок. В доме, что на снимке слева, сейчас никто не живёт, а тогда жила женщина, казавшаяся нам старухой – Ганеиха. Она была нелюдимой, вряд ли говорила по-русски, а для нас вообще являлась живым олицетворением Бабы-Яги. К тому, впрочем, были основания. В следующем доме за Ганеихой жили Петуховы, у них был сын, имени которого уже не помню. Ганеиха не разрешала всем ходить по проулку, считая его лично своим. Однажды этот парень нарушил запрет и прошёл там с велосипедом. Ганеиха его догнала и избила поленом так, что пришлось лечь в больницу. Шуму было много, но дело как-то замяли, формализм тогда был ещё не в моде.

Пока мы росли, мама не работала, но она много чего умела и однажды подрядилась что-то сшить для Ганеихи. Отдать готовую работу она послала меня. Не могу передать словами тот ужас, с которым я шёл в этот дом. Ганеиха взяла шитьё, открыла старинный сундук, покопалась в нём, достала оттуда пряник и молча дала мне. Я пулей выскочил из дома, а пряник на всякий случай выбросил. У неё была дочь, которая очень хорошо училась. Однажды она заболела клещевым энцефалитом, осталась жива, но школу, кажется, уже не посещала... Клещей там было много, сейчас ещё больше, но на моей памяти было лишь два случая заболевания; второй был уже в Бурцевке, когда заболел Сорокин.

Зимой вся окрестная детвора каталась по этому проулку на санках. Начинали с верхней улицы, а заканчивали на льду реки. Если собиралось больше двух, то катались паровозиком. Санки у всех были деревянные, делались по образцу больших саней с загнутыми впереди полозьями. На санки надо было лечь и зацепиться валенками за эти загибы. Передний был «машинистом» – на нём лежала особая ответственность. Если поезд получался длинный, то задних заносило на поворотах так, что порой они отрывались. Конечно, это было позором.

Дом с улицы показан на рис. 40. Палисадник построили уже новые хозяева, четыре окна по фасаду смотрят на юг и на реку. За этими окнами разворачивался фильм жизни, кадры из которого и сейчас стоят перед глазами. Днём в окна заглядывало солнце, а ночью – луна, и в полнолуние зимой, когда снег отражал свет, можно было читать газету. Мама часто вспоминала этот дом: может, за этот свет, а может потому, что это было первое своё жильё. Либо потому, что тут родились дети или тогда она ещё была здорова – спросить уже некого...

Рис. 40. Дом в Калмаше, вид с улицы

Жили все, как я уже сказал, в одной комнате, часть которой занимала неременная русская печь. Посредине стоял ещё камин. Каминами там называют не открытый очаг, а небольшую печку с плитой. Стоял стол, несколько венских стульев, железные кровати с сеткой. Под потолком висела лампочка, которая включалась и выключалась поворотом в патроне. К балке-матице на пружине была подвешена люлька, которую там называли зыбкой. В ней лежала вначале сестра Ольга, потом младший – Андрей. Когда родителей в доме не было, зыбку надо было качать, но как-то раз мы с Мишкой раскачали её так, что пружина оторвалась и сестра шлёпнулась. Раздался рёв, мы попрятались под кроватями. К счастью, на умственных способностях сестры это не отразилось. А однажды сестра, которой было года два, вообще исчезла. Уйти не могла, всё на виду, а её нет. Ужас. И вдруг на плите камина поднимаются кружки и оттуда высовывается голова, вся в саже. Она по-тихому влезла в холодный камин, а назад не смогла.

Ещё из вещей в доме была раковина в углу, зеркало на стене в кустарной фигурной раме, чёрная тарелка-репродуктор, патефон с пластинками и настольная швейная машина Подольского завода. Ну и всякая кухонно-печная утварь: ухваты, деревянная лопата, сечка, кочерга и мясорубка. Однажды Володька крутил ручку этой мясорубки, а я сунул в неё палец. Кусок пальца с ногтем повис на коже. Мама привязала его тряпкой на место и он, как ни удивительно, прирос, хотя и остался шрам и сломанный ноготь. Временами он отстаёт, но в целом держится. К сожалению, это оказалось не единственным моим увечьем.

Сейчас трудно представить себе дом хотя бы без электрического чайника, но в то время никакой электрической бытовой техники не было. Печь или даже камин в любое время топить никто не станет – функцию «экспресс-кухни» выполнял самовар. В нём можно было не только быстро вскипятить воду для чая, но и также быстро сварить десяток яиц, которые мама заворачивала в марлю и опускала в самовар, прижав край марли крышкой. В крышке был ещё клапан для выпуска пара с крошечной ручкой-шариком. В книге М. М. Пришвина «Кашеева цепь» описывается специальный походный самовар с тремя отделениями, в одном из которых также готовилась вода для чая, а в двух других – суп и каша. У нас такого не было, но и обычный самовар позволял в случае неожиданного прихода гостей быстро поставить на стол что-то горячее.

Чуть не забыл: сепаратор, тоже мамина вещь. Чудесный механизм, состоящий из множества деталей. Играть ими было категорически нельзя. За хорошее поведение могли разрешить его собрать, что было посложнее конструктора, а потом медленно раскручивать рукояткой, слушая, как он жужжит вначале медленно, а потом всё более высоким тоном. Сверху была большая чашка, а по бокам два сливных лоточка. В чашку заливалось молоко коровы Марты, тогда из одного лоточка текли сливки, а из другого – обрат, который называли снятым молоком.

Радио что-то говорило, чаще на башкирском, за что его называли малайкой. Всё устройство состояло из сильного кольцевого магнита и катушки внутри. Катушка соединялась с тарелкой – диффузором. Был всего один винтик, который должен был регулировать громкость, но фактически лишь влиял на уровень шума. Крутили мы его постоянно, и то, что репродуктор при этом не сломался, объясняется лишь предельной простотой этого шедевра дизайна. А вот патефон был штукой сложной и поэтому более привлекательной. Он вообще был красив. К нему были нужны иголки, их было мало, поэтому старые мы затачивали на бруске. Затачивали, естественно, до остроты, потому что «душу машины», по выражению Андрея Платонова, не понимали. В результате пластинки царапались и хрипели. Ассортимент был известный: арии из опер в исполнении Лемешева, народные песни в исполнении Руслановой, какие-то хоры, песни о товарище Сталине и его железных наркомах, военные марши и т. п. Что исполняли – неважно, сам аппарат привлекал сильнее. Судьба его оказалась печальнее, чем репродуктора: Мишка от усердия перекрутил ручку и пружина лопнула.

Сейчас, когда патефон можно увидеть разве что в музее, трудно представить себе его действительную ценность в то время. Нельзя без улыбки читать, например, такую цитату из речи Сталина на совещании передовых колхозников и колхозниц Таджикистана и Туркменистана с руководителями партии и правительства, опубликованную в газете «Правда» 4 декабря 1935 года:

Товарищи! Президиум настоящего совещания поручил мне заявить вам о двух вещах:

Во-первых, о том, что у президиума имеется намерение представить к высшей награде – к ордену – всех участников и участниц данного совещания за отличную работу.

Во-вторых, о том, что у правительства имеется решение дать по грузовику каждому колхозу, представленному здесь, и преподнести каждому из участников совещания по патефону с пластинками и часы мужчинам – карманные, а женщинам – ручные.⁶⁹

Улица грунтовая, ничем не замощена и по сей день. Мощёную дорогу построили по верхней улице, с которой сделан снимок на рис. 39, но в те годы её ещё не было и редкие машины ездили прямо под окнами. В аккурат напротив дома была большая лужа, или, как их называют на Урале, лыва, и в слякоть грузовики там нередко застревали. Вытаскивание их было событием и иногда сопровождалось разборкой забора. Гораздо чаще проезжали на лошадях, им щёбенка не нужна. Иногда проезжали свадьбы, пропустить их было невозможно, потому что они издали издавали себя звоном колокольчиков. Ещё кадр – это проезд цыган, которые в те годы часто ездили по деревням. Завидев цыганскую повозку, надо было отрезать полбуханки хлеба, зимой быстро сунуть ноги в валенки, догнать и отдать им, услышав в ответ «спасибо». Но однажды я пришёл домой с улицы и увидел, что кибитка цыган стоит у ворот. В избе за столом сидела молодая цыганка в последней стадии беременности, а мама угощала её селёдкой.

Там, где машины не наездили колеи, росла трава: вездесущий спорыш, гусиная лапка, паслён, вдоль заборов крапива обычная и низенькая, очень жгучая, а также трава, названия которой я не знаю, похожая на настурцию, но листья у неё опушённые, а плоды похожи на таблетки в бумажке, незрелые их можно было есть. Есть было нельзя белену, которая тоже росла вдоль берега.

Но главным игроком в фильме жизни была, конечно, Юрюзань. Задником сцены служила лесистая гора. Это был такой оптический обман, когда кругом видишь горы, а фактически находишься на дне каньона. Отметки высот есть на картах Генштаба: высота реки по урезу

⁶⁹ Цитируется по полному собранию сочинений И. В. Сталина, т. 14. – Москва, Издательство «Писатель». – 1997.

воды над уровнем моря в этом месте составляет около 180 метров, соответственно «горы» поднимаются над селениями на высоту до 200 метров. Такова уж психология людей, что они всё отсчитывают от своего восприятия. На взгляд местных жителей их окружают горы. Там даже не говорят «в лесу», говорят «на горе», потому что гор без леса там нет, а чтобы попасть в лес, надо подняться в гору. Даже за грибами и ягодами там ходят на гору. Гора давала также такое чудо, как эхо. Можно было встать и громко крикнуть этой горе: «Кто украл хомуты?». И гора спустя пару секунд отвечала – вначале громко, а потом всё тише: ты, ты, ты! Прямо как у Достоевского: «Вы и убили-с». Поскольку эхо отвечало только последний слог, можно было крикнуть и нечто иное, на что эхо отвечало неприличным словом.

Посмотрим на улицу более широким взглядом (рис. 41). Для этого неплохо было бы перебраться на другой берег, но снимки 2012 года делались на бегу. Соседним ниже по реке был совсем небольшой дом. Вначале там жили Иксановы, и Радик Иксанов был моим первым другом, которого помню. Вскорости они перебрались в Киселёвку, дом стоял прямо на берегу ручья. Это было большим потрясением – лишиться друга, но мы продолжали общаться. Как я уже говорил, татар от башкир мы не отличали, как, впрочем, и переписчики 1920 года, обнаружившие в деревне Серебренниковке «мусульман», но Радик упорно утверждал, что он башкир. Отец его возил на лошади почту из Дувана и у него был настоящий наган. Однажды Радик нам его показал. Наган был почему-то не чёрным, как в кино, а серебристым и жутко тяжёлым. Размахивать им и прицеливаться у нас не получалось, решили пощёлкать курком. Патронов, слава богу, не было, и закончилось всё тем, что курок прищемил Мишке палец, а мы с Радиком насили его освободили.

От Радика же я впервые услышал, что изобретены такие специальные приборы, которые позволяют передавать изображения прямо в дом – телевизоры. Их даже можно было купить. Я сразу начал воображать, как было бы здорово купить такой прибор и постоянно наблюдать, что сейчас делает Радик. Детский ум был не в состоянии представить, что показывать спустя много лет будут не друга, а «Дом 2» и «Прямую линию». В нашем детстве телевидение на Юрюзани так и не появилось, а увидел я этот прибор вскорости у дяди Васи в Бердяуше. Любопытство несколько померкло, когда на мой вопрос, что это за штука такая, дядя Вася ответил:

– Ерунда это. Там показывают одних компизоторов (он так и произносил – компизотор). Сегодня один компизотор хвалит другого, а на следующий день уже тот хвалит первого. Тимка, ты не знаешь, для чего нужны компизоторы?

Дядя Вася был неграмотным, хотя гордился тем, что умеет «считать кубатуру», и восприятие жизни у него было самое непосредственное, что позволило ему уловить самую сокровенную суть того, что сейчас называют заморским словом «пиар». При этом воевал дядя Вася в офицерском звании, командовал взводом сапёров-подрывников, комиссован по ранению был в чине старшего лейтенанта. Как такое могло случиться – это отдельная история, достойная более бойкого пера. Отец, работавший в Калмаше и Бурцовке учителем до преклонных лет, школу в детстве тоже не посещал и родные Емаши покинул в 1931 году абсолютно неграмотным. Однако супружница моя всегда удивлялась, что в письмах, написанных в возрасте за девяносто практически слепым, он не делал ни одной ошибки. Обучение его грамоте шло по твёрдой линии, начертанной партией: ликбез – рабфак – учительский институт.

Коли уж зашла речь о дяде Васе, вспомнилась ещё одна рассказанная им история. Вспомнилась не просто так, а в связи с посещением после длительного перерыва бывшей Ленинской, а ныне Российской государственной библиотеки, которую, впрочем, иначе как Ленинкой никто по-прежнему и не называет. Как инвалид войны он имел льготы, в частности, мог покупать мотоциклы с коляской без очереди, что и делал по просьбам родственников и земляков. Для этого он ездил в Москву. Будучи от природы любопытным, что вообще свойственно переселенцам-кунгуриякам, он не довольствовался банальным актом покупки, а пытался пользуясь случаем вникнуть в суть страны, где жил, поглубже. Однажды он задумался над тем, где рожда-

ется вся глупость, спускаемая «сверху». Не без оснований он предположил, что к этому могли быть причастны библиотеки, и заявился в Ленинку – взглянуть. Там долго не могли понять, кто он такой и что, собственно, хочет. В конце концов его мандаты и первобытная непосредственность убедили персонал в безвредности просьбы, после чего его в сопровождении сотрудника провели в Первый зал, куда допускались лишь академики, профессора и прочие «доценты с кандидатами». Куда, собственно, и мне был выписан билет пару недель назад – с былых лет там почти ничего не изменилось, разве что появились компьютеры. Передам впечатления дяди Васи прямой речью:

– Ты понимаешь, Тимка, там огромный зал, как на вокзале! У каждого – отдельный стол с зелёным сукном и своя лампа! Все читают и что-то пишут. Это сколько же глупости можно написать при таком количестве!

Не могу не отметить, что лампы по-прежнему над каждым столом, причём те же самые – зал исторический. А к написанию «глупости» я и сам оказался причастен...

Рис. 41. Улица в Калмаше. Фото 2012 года

Когда Иксановы переехали, в этом доме поселились Валеевы. Валеев был большим начальником – заведовал ОРСом, и ещё у него были две дочери примерно нашего возраста. Имен их не помню, но их присутствие волновало... Отец имел соответственно занимаемому посту солидную фигуру и спустя несколько лет внезапно скончался – как говорили, в бане. Мать с дочерьми уехала в Урмантау (русские его называли Урамантав). Когда мы летом то ли после пятого, то ли после шестого класса ходили туда вдоль Юрюзани в поход, я их там встретил. Это были уже барышни, а я пацан, и говорить нам оказалось не о чём. Кто жил в этом доме позже, уже не помню, потому что мы вскоре перебрались в Бурцовку.

В следующем доме жили Бакеевы. У них было три сына. Старшего, он был старше меня года на 4, звали Гим, среднего – Рим, а младшего, который был даже младше меня, Рашит. Гим научил меня ловить настоящую рыбу. Рима я помню плохо, а вот Рашит запомнился. Он болел рахитом и не мог ходить. Ему сшили штаны, подбитые на заднице кожей, и он научился перемещаться сидя, переваливаясь с боку на бок, с невероятной для такого способа скоростью. Разумеется, ему тут же придумали дразнилку:

– Рашит, жопа тарашит.

Он привык и не обижался, а когда не обижаются, то и дразнить смысла нет.

Последним в улице стоял крошечный домик в одно окошко. В него помещалась, потому что жильём это можно было назвать лишь условно, сухонькая старушка. Настоящего имени её никто не знал, а звали её все Синошей. Она смотрела всегда хитровато, говорила вроде бы по-русски, но понять её было почти невозможно. Как я уже позже понял, там вообще коренное население говорило на своём диалекте. Я-то вырос на русском литературном, а тут и слова были незнакомые, и выговор. Синоша была не прочь выпить и приставала ко всем со словами:

– Дай на жигульчик!

Жигульчиком она называла всё, что содержало алкоголь. До таких высот искусства, как «Слеза комсомолки» или «Сучий потрох», описанных Веничкой Ерофеевым в повести «Москва – Петушки», Синоша, конечно же, не поднималась, её фантазия не простиралась дальше банального тройного одеколona, настойки полыни в аптеке и прочих заурядных напитков, употребляемых местными алкашами.

Сейчас на месте Синошиного дома выстроена дача, которая хотя и выглядит бельмом на глазу этого посёлка, но многим именно этим-то и радует глаз: на фоне всеобщего исчезновения целых деревень хоть кто-то построился, да ещё и по-городскому!

Ближе к центру по улице жили преимущественно русские, но из них уже мало кого помню. Общались, в основном, с ближайшими – с Петуховыми. Их корова телилась всегда раньше нашей и мама посылала меня к ним с литровой банкой за молоком. Фото этого дома, снятое в том же 2012 году, на рис. 42. Сейчас в нём живёт Раиса Максимовна Рогожникова. И о ней тоже будет разговор ниже. Обратите внимание на ворота и калитку, это фирменный знак кунгуряков, татары таких не строили.

Рис. 42. Дом Петуховых – Рогожниковой в Калмаше

Дома стоят у подножия горы. Сейчас она зарастает лесом, а 60 лет назад была почти голый, стояли лишь редкие деревья. Лес весь вырубил в войну, когда было не до охраны природы и рубили там, куда было легче дотянуться. Впрочем, когда в нашей стране заговорили об охране природы, от неё (природы) местами уже мало что осталось. По современным снимкам Калмаша в соцсетях обнаружилось, что гора эта, оказывается, имеет собственное имя: Фроловская. Но в то время это была просто гора, на вершине стояла вышка релейной связи, а возле неё – усадьба радиста Фролова. Вот так и возникают топонимы. Вышка была выше деревьев, подобные стояли кое-где в лесах на возвышенных местах. Назначение их мне точно неизвестно, но думаю, что они служили опорными геодезическими знаками. Одна такая стояла между вершинами лога Юлай и Прибытова лога, недалёко от большой, глубиной не менее сорока метров, карстовой воронки, которые там называют провалинами.

Один из таких провалов на территории Уфимского плато получил известность уже в настоящее время. Он настолько велик, что его хорошо видно даже на космических снимках (координаты 55.430871, 56.827522 или 55°25'51.1"N 56°49'39.1"E). Диаметр воронки около ста метров, глубина – около восьмидесяти (рис. 47). Расположен он в соседнем Нуримановском районе и получил в кругах туристов и краеведов довольно двусмысленное с учётом нашей истории название «Октябрьский провал» – от находившегося в нескольких километрах одноимённого посёлка, ныне также превратившегося в урочище, как и множество иных посёлков на территории плато, построенных ссыльнопоселенцами. Это страницу истории мы также перевернём позже.

Рис. 43. Октябрьский провал. Фото с квадрокоптера, автор – Александр Миков. Публикуется с любезного согласия автора. В оригинале фото цветное

У Фроловых было два сына. Младший, Олег, был примерно нашего возраста, а старший был личностью легендарной, военным лётчиком. В космос тогда ещё не летали. Релейка принадлежала леспромхозу и через неё связывались с Уфой, потому что телефонная связь тоже, конечно, существовала, но больше теоретически.

Склон горы обращён к югу и весной рано прогревается солнцем. Нагретый воздух поднимается вверх и ближе к вершине горы в солнечную погоду всегда теплее, чем возле реки. Во многих местах ещё снег лежит, а там уже зацветают фиалки. Вообще-то самые первые цветы, которые там называют подснежниками, это ветреница дубравная (*Anemone nemorosa*). Нежные белые цветы с медовым ароматом, лепестки которых имеют снизу фиолетовый оттенок, отчего кажутся ещё белее (для того же эффекта при полоскании белья в воду добавляют синьку), они буквально покрывают всю землю в лесу. В Подмоскovie почему-то растут очень похожие, но с жёлтым венчиком – ветреница лютичная или лютиковая (*Anemone ranunculoides*). А вот на северо-западе области и дальше – дубравная. Для меня было большим разочарованием, что цветы, которые мы в детстве называли подснежниками, ботаники такими вовсе не называют, а относят к анемонам. Впрочем, хуже они от этого не стали и встреча с ними в лесу – как встреча с детством. Фото на рис. 44 сделано по дороге на Псков. Чуть позже из земли появляется сон-трава, прострелы, которые там зовут подстрелами. Ещё позже, когда гора уже начинает зеленеть, она вся покрывается жёлтыми первоцветами. Когда я переболел желтухой, меня заставляли их есть, но на вкус они довольно противные и жевал я их лишь для виду.

Желтухой я заболел в пять лет. Зараза сидела, думаю, в речной воде. Вообще-то мы всегда брали воду из Юрюзани и даже пили её сырой, однако весной там много чего подхватить можно было. При этом в центре Калмаша у ручья всегда был родник, он и сейчас есть, да вот как-то не ходили мы туда за водой... Весной я, видимо, заразился, а к лету пожелтел. Как заразного, положили меня в больницу. Лечить гепатит тогда не умели и всё лечение сводилось к тому, что меня пытались кормить сахаром. Приносили блюдце с песком и ставили на тумбочку. Я на него и смотреть-то не мог. А однажды у меня пошла носом кровь. Я перепугался, что испачкаю всю постель, нагнулся и подставил ночной горшок, который стоял под кроватью. Кровь потекла струйкой. По счастью, это увидел кто-то из персонала. Ещё из больничных впечатлений помню пожилого мужика, которого выписали домой, но все почему-то подходили к нему и прощались, как если бы видели в последний раз. Когда он ушёл, мне кто-то объяснил, что у него туберкулёз и его выписали умирать дома. Так я впервые прикоснулся к смерти.

Рис. 44. Ветреница дубравная

Болезнь у меня ничего не болело, желтизна прошла, меня выписали и жизнь пошла своим чередом. Как потом выяснилось, это малозаметное для меня событие оказалось клеймом на всей будущей жизни.

Летом гора над огородами покрывалась зарослями папоротника, душицы, зверобоя и множества других трав. Душицу там называли не французским словом орегано, а чисто по-русски – блошницей. Татары называли её тоже русским словом матрёшка и использовали вместо чая, а мы добавляли в берёзовые веники для бани. Под высокой травой росло много полевой клубники. Редко-редко где-нибудь попадаете мне эта ягода, хотя и в небольшом обычно количестве – ещё один привет из детства. Очень много её росло по берегам Ая, вблизи деревни Старо-Халилово, где устроили пионерлагерь. Местные женщины носили её как воду: два ведра на коромысле. В 1959 году туда отправляли Мишку и Володьку, а я чувствовал себя ущемлённым. В результате поднятого мною бунта меня тоже отправили туда в следующем году. Уехал я из Калмаша, а вернулся уже в Бурцовку, в новый дом. Дом в Калмаше продали, а имущество сплывили на плоту.

Чтобы подняться на гору, надо было обогнуть весь нижний конец посёлка. Но мы обычно ходили через чей-то двор на верхней улице, это было в порядке вещей. Калитка не запиралась, да и замков в то время в ходу не было. Уходя, просто подпирали дверь лопатой, метлой или любой палкой: дома никого нет и делать там нечего.

Двор, через который мы без зазрения совести ходили на гору, был татарский. Русские любят зелень, травку, а у татар двор обычно голый, если есть такая возможность, то даже мощёный. В этом дворе обязательно стояли кувшины с длинным изогнутым носиком – кумганы. В них грелась на солнце вода. Как она использовалась, всем мусульманам хорошо известно, а остальные могут, как сейчас говорят, погуглить.

В то время мусульманские женщины ещё ходили в национальной одежде. Это потом их стали называть апайками, а нарядно одетую пожилую женщину, да ещё с монистами на шее,

назвать апайкой вряд ли у кого язык бы повернулся: апа. Разговаривали они на своём языке, а дети до школы многие русского тоже толком не знали. Меня уже тогда поражала их выносливость: мы зимой ходили в валенках, и всё равно часто болели, а они бегали в резиновых сапогах на босу ногу, фланелевые штаны едва доставали до сапог, и ничего. Мы с ними находились в состоянии холодной войны, но однажды, когда они нас допекли своими дразнилками, Мишка поднял комок земли и запулил в их сторону. По закону подлости снаряд опустился точно на чью-то голову. Носитель этой головы заорал: «Атай!», а мы убежали домой. Вскоре к нам заявился тот самый атай⁷⁰ для выяснения отношений. Наш отец ничего выяснять не стал, а снял ремень и политкорректно передал его атаю. Мишка взобрался на крышу сарая и ему удалось удрать, тогда отец снял висевшие в сених вожжи и порол ими уже меня до тех пор, пока не сказал, что устал и продолжит позже.

2.2. Детство босоное

*Ветвь не в силах постичь, что она лишь часть дерева.
Блез Паскаль*

С какого момента человек себя помнит? Я помню день, когда умер Сталин. Разумеется, для меня он был лишь иконой: во всю длинную стену конторы леспромхоза висели четыре портрета. Самый левый, с широкой бородой – Карл Маркс. За ним, как и положено – Энгельс, им друг без друга никуда. Потом лысый, с прищуром – это Ленин. Ну и самый правый, в фуражке и с усами – Сталин. В детский сад я не ходил, поэтому идеология мне ещё не полагалась. Я запомнил не событие, я запомнил эстетику этого дня: красные флаги с чёрными траурными лентами и что-то новое и непонятное, повисшее в этот мартовский день в воздухе. Где мне было понять, что в этот день закончился эпизод в нашей истории, по историческим меркам – миг, но по значению – эпоха. Для многих она и сейчас ещё не закончилась. Им тоже не дано понять, что счастье их в том, что они её не застали.

Тогда ещё не было не только айфонов, но и доступных фотоаппаратов. Фотография была профессией. В Калмаше был такой человек – Фотограф. Он сразу узнавался по деревянной треноге, на которую ставил камеру – пластиночный фотоаппарат с раздвижным мехом. Процесс съёмки был настоящим волшебством, потому что Фотограф накрывался вместе с камерой чёрным платком и чем-то там колдовал. О том, что он таким образом наводил на резкость, мог знать лишь посвящённый. Потом он снимал платок, вставлял кассету с пластинкой, нажимал на спусковой тросик и из объектива вылетала птичка. Сами фотографии печатались контактным способом, поэтому пластинки имели большой размер: 9х12 см. Мама, если шла с нами, то редко проходила мимо Фотографа, и у меня сохранилось несколько детских фотографий, причём хорошего качества – большой формат пластинок и контактная печать обеспечивали высокую резкость. Одно из таких фото – на рис. 45.

⁷⁰ Атай – отец по-башкирски. Татарское: этей.

Рис. 45. Лето 1953 года. Справа налево: автор, сестра Ольга, брат Михаил

Судя по возрасту персонажей, фото датируется тем самым «холодным летом 53-го». Автор – с палочками. Это обломки дранки, которую пилили на лесопилке возле ручья. Фишка состояла в том, чтобы длинной ударить по короткой и отправить её в недолгий полёт. У Мишки тоже такие есть, но он их за спину спрятал. Мяч в кадре волейбольный, потому что Фотограф ошивался, как и положено деятелю культуры, возле клуба, где в тот момент играли в волейбол. Мяч откатился к сестре, и та не захотела его отдавать, поэтому он сыграл роль аксессуара. Наряды явно парадные: фирменные штаны с проймами на пуговицах придают заливхватский вид, а высокое социальное положение учительских детей подчёркивается новыми магазинными кепками. Рубашки и платье, полагаю, тоже мамой сшиты. Обувь по сезону джентльменам до школы не полагалось. В совсем сырую погоду надевались галоши. Забор в качестве задника придаёт кадру устойчивость и натурализм.

Клуб играл важнейшую роль в моей жизни. Во-первых, там показывали кино. Это «важнейшее из искусств» (В. И. Ленин), а если точнее, то из средств пропаганды, было единственным окном в большую жизнь. Правда, тогда в кино всё больше стреляли и побеждали, поэтому нас интересовал один, но главный вопрос: это наши или немцы (как вариант – красные или белые, которые тоже были не наши). Были ещё фильмы про рабочий класс и трудовое крестьянство, но они не производили сильного впечатления за недостатком жизненного опыта. Правда, и когда этот опыт появился, тоже. Исключения, впрочем, были – о них тоже позже. Зал был маленький, предоставлять сидячие места детям было непозволительной роскошью, поэтому детвора сидела на полу или стояла на коленях прямо перед сценой, за которой висела обычная простыня в качестве экрана. Вначале фильмы были на плёнке 16 мм и весь фильм умещался на двух бобинах, поэтому пауза на перезарядку плёнки была лишь одна, посередине. Потом перешли на 35 мм, частей и пауз между ними стало гораздо больше. Иногда рвалась плёнка или пропадал свет, тогда можно было свистеть киномеханику, но с этим вполне справ-

лялись взрослые. Родители в кино, в общем-то, не ходили. Во всяком случае, семейных походов точно не было. Да и нас могли не пустить за провинность, в этом случае отец требовал извинений. Мишка, как оппортунист, ныл: «Прости, папа!». Я стоял насмерть и получал своё лишь когда Мишка начинал ныть и за меня тоже – не одному же идти.

Во-вторых, в клубе была библиотека, это было гораздо важнее «важнейшего из искусств». Тут я впервые разошёлся с товарищем Лениным, хотя и бессознательно. Один великий писатель хорошо понимал, что крикнуть: «А король-то голый!», может лишь ребёнок.

Отец утверждал, что читать я научился раньше, чем говорить. Во всяком случае, не умеющим читать я себя не помню. Научился чтению я вряд ли тем летом 53-го, скорее всего это случилось следующей зимой. Мишке тогда исполнилось шесть и его учили перед школой. Вместе с ним научился и я. Родители этому не обрадовались и книг мне не давали, но в доме были газеты. Вот это я уже помню, как ползал по расстеленной на полу странице и читал заголовки: «Со-вет-ска-я Баш-ки-ри-я», «Тру-же-ни-ки се-ла». Смысл был неважен, да его в тогдашних газетах и не было, важен был сам процесс.

Так я стал читателем. Читал, как говорят, запоем. Конечно, всю поселковую библиотеку я не осилил, но выбирал книги потолще, тонкие слишком быстро заканчивались. Сейчас уже и не вспомнить всю ту советскую лабуду, какой были заполнены библиотеки, но были книги и достойные. Помню три толстенных тома сказок, каждая из которых была напечатана трижды: на русском, украинском и белорусском языках. Поскольку я тогда и русского-то толком не знал, они для меня были почти равноценны. «Приключения Незнайки» – настоящий шедевр. Возможно, автомобиль Винтика и Шпунтика, работавший на газированной воде, и сделал меня инженером. Большое впечатление произвела повесть Горького «Детство», уж очень похожее на моё. Недостатком раннего чтения было то, что ударения в словах я ставил по своему восприятию, и всю жизнь меня в этом поправляли. Это заметил за собой и писатель В. В. Вересаев. Слова надо узнавать из живой речи.

Как-то ночью, а ночи там между гор особенно тёмные, в окнах появился красный отблеск. Это горел клуб. Утром я увидел там лишь головёшки, среди которых ветер шевелил то, что осталось от библиотеки. Страницы превратились в угольные пластины. На них ещё были видны буквы, но стоило их коснуться, как они рассыпались. Валялись также обгорелые пластины в форме буквы Ш от какого-то трансформатора.

В школе тоже была небольшая библиотека. Придя в первый класс, я тут же в неё записался. Тётенька-библиотекарь спросила, в каком я классе, после чего дала мне две книжонки, в каждой из которых было с десяток слов огромными буквами. Я их взял, отошёл в сторону, честно прочёл и спустя минут пять пошёл сдавать. Тётеньку, как сейчас говорят, заклинило. После этого она уже давала выбирать книги мне самому.

Дома тоже была небольшая библиотека, конечно, не детская. Отец где-то добывал солидные профессиональные издания по садоводству, овощеводству, определители растений и насекомых. Имелась большая книга Сабанеева «Жизнь и ловля пресноводных рыб», в то время редкая. Поскольку рыбу отец ловить так и не научился, то и книгу эту не читал, но отдавать потом тоже не хотел. Некоторым книги заменяют реальность. Были разные словари русского языка: орфографические и толковые. Но среди всех этих книг была одна особенная. Толстая, неожиданно тяжёлая, в крепком порядке потрепанном переплёте. И бумага там была тонкая, как папиросная, но очень при этом прочная – отсюда и тяжесть. И самое главное – издана ещё до «исторического материализма», то есть с ятями, фитами, ерами и прочими буквами алфавита, отменёнными советской властью. Это было полное издание сочинений Гоголя, как я гораздо позже выяснил, подготовленное Сытиным к юбилею писателя. Сейчас это библиографическая редкость. К тому же все произведения были иллюстрированы великолепными гравюрами, которые даже издавались отдельным томом – видел его однажды у букиниста. Книгу эту я всю прочёл, даже пьесы, хотя они мне не очень понравились, потому что пьесы надо

не читать, а играть или смотреть на сцене. Не хватало воображения. Да и слова наполовину были непонятные, так что родители, должно быть, сатанели от моих: «А что такое?» и «Что означает?».

После этой книги я плохо воспринимаю Гоголя в современных изданиях. Содержание, вроде бы, то же самое, но невкусно. Так и хочется подписать ь к фамилиям Чичиков, Ноздрёв и Хлестаков. Да и что должен чувствовать современный читатель, прочтя, например, такое примечание Гоголя: «Фетюк слово обидное для мужчины, происходит от Фиты, буквы, почитаемой неприличною буквою», ежели он, читатель, вместо Фиты (Θ) видит Ферт (Φ)? Впрочем, один из персонажей повести Владимира Ивановича Даля «Бедовик», Стахей Онуфриевич, напротив, считал именно Ферт против Фиты буквою совсем уж неблагопристойною.

Отец не очень-то распространялся о своей прошлой жизни, большую часть семейной истории я узнал от других людей. Но под старость, а он немного не дотянул до ста двух лет, кое-какие подробности биографии рассказал. В том числе и откуда в доме появилась эта явно не деревенская книга. Где-то на фронтовой дороге он увидел брошенный чемодан, набитый старыми книгами, вот и прихватил. Надеюсь, что так и было. Вообще-то из Германии не книги везли, а что-нибудь более полезное, на сей счёт даже нормы существовали в зависимости от звания. Отец тоже по сержантскому чину привёз пару рулонов ткани, которой хватило, чтобы одеть родню. Кроме этой книги у него была ещё бритва «Золинген». Говорил, что ему её сам отдал один из пленных, которых обыскивали другие, по принципу: всё равно отберут, так отдам хотя бы тому, кто в стороне стоял. Этой опасной бритвой он и брился. Ещё была плащ-палатка, которую он берёт до полного износа, и дурацкий ранец с множеством каких-то застёжек и петелек, который так ни к чему в хозяйстве и не приспособили. В оправдание отец говорил, что над этими ранцами целые институты работали.

Вообще-то детям положено играть, играют даже дети животных. Покупных игрушек не было, мы их делали сами. Основным стройматериалом являлись чурки для газгенов. Газгенами называли газогенераторные автомобили и трелёвочные трактора, появившиеся после войны в леспромхозе. Если автомобиль Винтика и Шпунтика работал на газировке, то газгены работали на дровах. Короткие, 5—8 см, чурбаки (бакланы) раскалывали, вот и чурки. Такие инструменты, как ножовка, топор и молоток в нашем распоряжении были всегда. Две соединённых гвоздями чурки превращали их в трактор, если добавить сзади третью, то получался уже грузовик. Детали дополняла фантазия.

Про лук со стрелами и говорить нечего – какой индеец без лука! Стрелы старались делать настоящие, для чего в качестве наконечника конусом наматывали полоску жести от консервной банки. Счастье было в том, что летели такие стрелы недалеко и неточно, а то добром бы это не кончилось. Потом научились делать деревянные пистолеты, стрелявшие горохом, незрелой рябиной и вообще всем, что хоть как-то напоминало пулю. Канал ствола за неимением сверла прожигался куском толстой заострённой проволоки – катанки, которую надо было раскалить на огне докрасна. За два—три приёма получался прямой ровный канал. В него сзади вставлялся боёк, напоминающий шомпол с утолщением на заднем конце. Резинкой (понятного происхождения) боёк притягивался к корпусу. Чтобы зарядить пистолет, боёк надо было оттянуть назад и зацепить за верхнюю часть рукоятки. Пуля укладывалась в канал ствола, спуск производился приподниманием задней части бойка основанием большого пальца. Всё понятно? Если непонятно, отошлите этот текст китайцам, они наладят серийный выпуск.

Летом делали водяные пистолеты. Для этого надо было срезать толстый стебель пикана с одним доньшком – стебель у пикана суставчатый. В доньшке протыкалось отверстие, на палочку наматывался кусок ткани – получался поршень, как в велосипедном насосе. Сейчас подобные во множестве продаются, они сделаны из пластмассы. Но ведь огромная разница: купить готовый или сделать самому. Примерно такая же, как между покупателем и инженером.

Ещё можно было сделать телефон. Один конец толстой нитки привязывался к двум пустым спичечным коробкам – это были наушники. Второй конец петелькой надевался на пустую же катушку от ниток. Передача велась лишь в одну сторону: слушатель прикладывал коробки к ушам, а передающий натягивал нить и вращал катушку. В результате в «наушниках» раздавался громкий шорох – как в настоящем радиоприёмнике, потерявшем волну.

Сложнее было изготовить летающий пропеллер. Катушка от ниток надевалась на ось с рукояткой. Сверху в катушку вбивались друг против друга два кусочка стальной проволоки. Из консервной банки ножницами вырезался пропеллер, в нём гвоздём пробивались два отверстия на таком же расстоянии, как штырьки из проволоки. Осталось намотать на катушку кусок шпагата и надеть пропеллер на штырьки. При этом важно было не ошибиться, в противном случае пропеллер летел бы не вверх, а вниз. Одной рукой стартовую установку надо было поднять над головой, чтобы ненароком не отрубить себе что-нибудь, а другой резко дёрнуть за шпагат. Такой пропеллер летит на десятки метров. Китайцы уже научились делать что-то подобное из пластмассы, но это лишь жалкое подобие настоящего металла, который на заборах оставлял глубокие зарубки.

Коллективно играли в чирика и в городки. В футбол не играли – не было ровной площадки, да и не умели. Учить было некому, а телевидения не существовало. Земляки пишут, что в футбол играли на поле между Кисетовкой и Бурцовкой, на левом берегу реки напротив Красного Камня, где были большие поляны и даже существовал пионерский лагерь, но это было уже после меня, я такого не помню.

Сейчас вряд ли удастся обнаружить фотографии Калмаша тех лет, если они вообще существовали. Мало кто задумывается над тем, что время, в котором он живёт, это тоже история, причём единственно подлинная – Пушкин был тысячу раз прав. Сохранились несколько фотографий 60-х годов, вид Калмаша тогда ещё мало изменился (рис. 46—49). В центре снимка на рис. 46, на левом высоком берегу ручья Сырой Калмаш, где группа деревьев – контора лес-промхоза. Левее, над самым обрывом – сельсовет, ещё левее – почта, и в самом левом краю снимка, частично закрытый опорой – клуб (уже новый). На другом берегу реки – деревня Греховка. Лес на склоне горы напротив Греховки не доходит до воды, там устроена закопь – дорога вдоль реки.

Рис. 46. Посёлок Калмаш середины 60-х годов

Рис. 47. Посёлок Калмаш в середине 60-х, вид с Фроловской горы. Большие здания слева, между которыми видны люди – школа, от них влево уходит Юдин лог

Рис. 48. Посёлок Калмаш, вид на школьную гору. Середина 60-х годов

Рис. 49. Вид на пос. Калмаш в тумане со стороны Кисетовки (пос. Комсомольский). Середина 60-х годов. Закоп (дорога) позже была поднята и расширена

2.3. Река

До реки было в буквальном смысле слова рукой подать, она была естественным продолжением двора и улицы. На неё можно было просто смотреть, можно было найти подходящий камень-плитку на бечеве и пускать по воде круги – плишить. По берегу бегали неперенные трясогузки, которых там тоже называют плишками – возможно, за манеру полёта, напоминающую скачки плитки по воде. В конце весны и в начале лета можно наблюдать подёнок, которые вылетают в таком множестве, что их кружение напоминает метель. Днём на бечеве ино-

гда обнаруживались сидящие летучие мыши – жуткие существа, которые раскрывали зубастую пасть и шипели. Летали они только ночью и в сумерках.

Весна начиналась с того, что на подтаявшем снегу появлялось огромное количество насекомых серого цвета, напоминающих крылатых муравьёв, но раза в два крупнее – их называли распутками, от слова «распутица». Распутица не заставляла себя ждать, по логам начинали течь ручьи и можно было сделать деревянное колесо с лопастями – «мельницу», поставить его на каком-нибудь крошечном водопадике и смотреть, как оно вертится.

Где-то в середине апреля начинал трещать лёд, ночью мог разбудить как бы выстрел из маленькой пушки. Лёд мог двинуться, но тут же встать снова. Однажды днём я смотрел на реку с уже подсохшего бережка и вдруг огромная льдина от берега до берега двинулась вниз, но ниже лёд стоял ещё крепко и льдина ушла под него, закупорив таким образом реку. Вода начала прибывать прямо на глазах, до дороги оставались каких-нибудь полметра. Я испугался, но масса воды пошла по льду, сломав его ниже этой нерукотворной плотины, и лёд сместился ещё ниже. Вода начала спадать.

Часто ледоход начинался ночью, тогда треск сменялся равномерным шумом от трущихся льдин. Как-то утром, выглянув в окно, мы увидели двоих парней, которые прыгали с льдины на льдину, вооружившись шестами. Весна толкала на глупое геройство. Впрочем, мы потом поступали не хуже.

Иногда лёд всё же вставал, но уже ненадолго. Двое суток шёл чистый лёд, на третьи сутки появлялся грязный – это шёл с верховьев «заводской». Часть льдин выталкивало на бечеву и они лежали там до мая. Если по такой подтаявшей льдине ударить, она с хрустальным звоном рассыпалась на шестигранные кристаллы толщиной в карандаш. Река ещё две недели была мутной, а уровень воды поднимался минимум на метр. По воде плыло всё, что за зиму скопилось на берегах и всё, что река смогла отнять у суши: брёвна, мусор. Как-то плыла даже мёртвая корова, а однажды мы багром вытащили ящик, в котором оказались стеклянные баночки с горчицей.

Мужики, у которых были саки, выходили ловить рыбу. Сак – это огромный сачок, хотя правильнее было бы сказать, что сачок – это маленький сак. Но сачок все знают, а сак мало кто видел даже в музеях. Рукоять – шест длиной метров 6—7, а кошель из сети на перекладине вдвое короче. Его забрасывают как можно дальше в воду и подгребают к себе, утапливая до дна. Не бог весть какая добычливая снасть, да и работает только в мутной воде, когда рыба тоже ничего не видит.

По большой воде откуда-то с низов реки приходили два или три катера. Один был винтовой, побольше размером, и носил гордое имя «Сокол». Другие были водомётными и вместо собственного имени носили на борту лишь номер. Катера эти принадлежали сплавконторе.

Напротив дома заканчивался перекал и переходил в плёс, глубина была небольшой даже на середине реки, никто нас не ограничивал в том, чтобы плескаться в этой воде. Что мы и делали, как только вода начинала прогреваться. Купаться начали задолго до того, как научились плавать. Особый кайф был в том, чтобы делать это в дождь. Как только он начинался, мы мчались не от реки, а к ней. Дождь охлаждал, а вода – грела.

Иногда удавалось раздобыть лодку и переправиться на другой берег. Там был свой, особый мир. Можно было окинуть взглядом посёлок. В лесных краях горизонт представляет собой отдельную ценность, там ведь, как говорят, «небо с овчинку». Можно было нюхать цветы шиповника, который рос почему-то именно там, ещё там росла трава свербига, стебли которой хотелось жевать. Вдоль берега местами росла малина, а на бечеве – ежевика.

Как раз в те годы промышленность начала выпускать байдарки, и они появились на реке. Какие-то люди махали вёслами, иногда доносились обрывки разговоров. Они никогда не останавливались и воспринимались лишь как часть пейзажа. Хорошо помню изумление, когда одна из байдарок вдруг изменила курс и повернула к берегу. Иногда туристы сплавлялись даже

на плотках из брёвен, подобно персонажам из фильма «Верные друзья». Надувные плоты появились намного позже.

2.4. Судовождение

*Плывать по морю необходимо. Жить не так уж необходимо.
Древняя греческая поговорка*

Нам тоже хотелось плавать, или, как говорят моряки, ходить по воде. Плавают, по их мнению, лишь известный вторичный продукт, а корабль ходит. Ни плавать, ни ходить было не на чём, если не удавалось раздобыть соседскую лодку-плоскодонку (иных на Юрюзани не строили). Уже не помню, кто подал нам гениальную в своей простоте идею – возможно, это был Володька, или же сами додумались. Безрассудство вообще в нашем детстве зашкаливало, но это было, пожалуй, абсолютным рекордом, достойным книги Гиннеса. В качестве плавсредства решено было использовать корыто. Да-да, самое обычное корыто из оцинкованного железа, которые были в каждой семье и использовались для стирки белья. У берега, где воды было по щиколотку, надо было аккуратно усесться в это корыто, отталкиваясь руками ото дна выровнять ватерлинию и потом так же аккуратно вывести корабль на глубину. Здесь уже надо было грести ладошками, стараясь не нарушить при этом балансировки. Излишне говорить, что высота бортов над ватерлинией не превышала двух-трёх сантиметров и малейшее неловкое движение могло привести, как пишут в учебниках по молевому сплаву, к утопу не только корыта, но и его шкипера, поскольку плавать мы тогда ещё не умели. За время пересечения реки таким способом течение сносило корыто на добрую сотню метров.

Понятно, что стащить из дома корыто мы могли лишь в те дни, когда родителей не было дома. Например, они уходили на покос, что летом происходило едва ли не ежедневно. Младшие – Ольга и Андрей – в наших делах не участвовали, поскольку Ольга была девчонкой и не считалась, а Андрей был намного младше и у него была уже своя жизнь. Соответственно и нагребать они не могли. Таким способом мы несколько раз пересекали реку. Но закончилось это, естественно, не лучшим образом, хотя и явно не худшим. Однажды я переплыл на другой берег, а Мишка направился туда же на соседской лодке – их не приковывали, и взять её на время грехом не считалось. Когда я отправился в обратный путь, Мишка, как сейчас пишут в гаишных протоколах, «не справился с управлением» и потопил корыто. Я успел уцепиться за лодку и влезть в неё. Вода в реке была большая и мутная, корыто унесло водой. Все наши попытки его обнаружить и подцепить багром, который использовался в качестве шеста, успехом не увенчались. Виноватым, естественно, посчитали опять-таки меня.

Корыто проходило по ведомству мамы, поэтому кары со стороны отца не последовало. Мама же нас никогда не наказывала – она лишь огорчалась и в крайних случаях обзывала нас самым страшным словом, какое я от неё слышал: «Иждивенцы» – всегда во множественном числе, а не персонально.

2.5. Рыбачтво

В мире есть не так много занятий, про которые не знаешь, работа это или развлечение. Рыбалка – одно из таких. Но слово «рыбалка» среди коренных жителей (крестьян) на Юрюзани было не в ходу, там говорили «рыбачтво», подчёркивая тем самым серьёзность этого дела. Время было в дефиците, тратить его на сидение с удочкой считалось предосудительным. Рыбу ловили сетями, ставили морды (в других местах их называют вентерями) – можно заниматься другими делами, а рыба сама ловится. Когда под осень вода становилась прозрачной, как стекло, били острогой – лучили. Рыбы было очень много и я помню ещё те времена, когда

рыбаки приплывали на лодке, заполненной рыбой наполовину. Добывали в основном хариуса, которого там называют, как и в Сибири, хайрюзом, или ещё проще – харюзом, голавлей, подустов (подус на местном диалекте), щук.

Конечно, в посёлке были люди, которые ловили рыбу удочкой. Это была местная, как тогда говорили, интеллигенция, и пролетарии, то есть те, кто не вёл хозяйства: некоторые учителя и рабочие, живущие исключительно на зарплату. В условиях практического отсутствия каких-либо рыночных отношений между жителями при большой семье это было, разумеется, невозможно. Ну и дети тоже ловили, пока родители позволяли.

Самым массовым видом рыбы в Юрюзани был вовсе не хариус или голавль. В реке водилось несметное количество мелкой рыбы. Прежде всего это маленькая, не больше мизинца, рыбка-гольянчик, которую все называли мулёк. Именно так: мулёк, это не искажённое слово «малёк», каким называют всякую рыбу, ещё не выросшую до взрослых размеров. Стайки этих мульков кишели на мелководье. Тёмный сверху и светлый снизу мулёк был бесцветным, но среди них встречались с красными пёрышками и брюшком. Стоило зайти в воду, как эти мульки начинали щекотать ноги. Много было также пескарей, которых тоже называли местным словом пискарь или пискозоб. На вид пескарёв довольно неприятен, однако в жареном виде рыбка эта вкусная. Если нажать пескарю на живот, то раздавался звук, напоминающий писк, отсюда и пискарёв. Водились вьюны и совсем уж мерзкого вида бычки размером с мулька, но с огромным ртом, их называли парашами. Над поймавшим на удочку парашу смеялись. По верху воды плавали стайки уклек (шекля на местном диалекте), а, как говорят рыболовы, в полводы – сорочка (сорога), по виду нечто среднее между плотвой и уклейкой.

В войну мульки были спасением от голода. Ловили их небольшими, длиной 3—5 метров, бреднями с мелкой ячейкой или даже тканью, которые называли недотками. Правда, в книге Е. Е. Нечвалоды⁷¹ этот бредешок назван гнетоткой, но это ошибка – недотка упоминается в словаре Даля.

Чешуи у мульков не было, а внутренности просто выдавливались двумя большими пальцами, времени на это уходило немного. Если эту рыбёшку жарить, то от неё бы ничего не осталось, но её заливали яично-молочной смесью, как для приготовления омлета. Получалось вкусно и сытно. Мულками кормили также кур и свиней, у кого были.

Существовал и другой способ ловли мульков, доступный детям. Можно взять любой сосуд, обычно это была литровая стеклянная банка, положить в него корочку хлеба, завязать горлышко тряпкой и проткнуть в ней отверстие диаметром с палец. Прямо пальцем обычно и протыкали. Банку надо было поставить на мелководье горлышком вниз по течению. Буквально на глазах возле неё начинали собираться мульки наподобие пчелиного роя. Некоторые находили отверстие и заплывали в банку. Назад они выбраться уже не могли. По такому же принципу работает и морда. Спустя час-другой банку можно было вынимать. Если слить воду, то рыбёшек могло оставаться до половины банки.

В этом нехитром деле я тоже однажды отличился. Так не терпелось весной начать ловлю, что я не дождался, когда спадёт и посветлеет вода. Взял в доме квашню – большой глиняный горшок, в котором мама заквашивала тесто, завязал его тряпкой и бросил в реку. Вода тут же его унесла. На сей раз мне досталось, потому что глиняную посуду уже не продавали и мама расстроилась не на шутку. Дольше всех из такой посуды держался кувшин, который называли крынкой, но и он со временем разбился.

Самой интригующей была ловля, а точнее, охота с острогой. Занимались этим только взрослые мужики и ночью. Для этого на носу лодки крепилась так называемая «коза» – железная корзина для костра на стойке. Козу она напоминала, по-видимому, своей рогатостью. В неё

⁷¹ Нечвалода, Е. Е. Традиционная материальная культура русского населения северо-восточных районов Башкортостана второй половины XIX – начала XX в. – М.: «Старый сад», 2016. – 299 с.

укладывали смольё – сухие смолистые сосновые поленья. Горел такой костёр долго и ярко. Ловили вдвоём: один, стоя на корме, медленно толкал лодку шестом против течения, второй на носу высматривал на дне рыбу и бил её острогой. Картина плывущей ночью лодки с костром, освещающим лесистые берега, была романтической. Наверное, это считалось браконьерством, как и ловля сетями, да и мордами, а некоторые и перемёты на ночь ставили. Но рыба в реке почему-то не переводилась, а когда исчезла, то от совсем иных причин.

Летом 1959 года вдруг в реке появилось несметное количество мелких окушков. Размером они были не крупнее мулька, да и количеством не уступали. Стайки непрерывным потоком шли вдоль берега против течения реки. Поймать с берега на удочку какую-либо иную рыбу уже было невозможно, окушки бросались на любую наживку, даже на голый крючок. На следующий год они уже подросли до размера пескаря, их можно было ловить. Но кто чистил чешую у окуней, тот знает, каково это удовольствие. Никто не захотел бы менять привычных мульков и пескариков на эту окунёвую мелочь. А мульки в реке начали стремительно исчезать, даже увидеть их не часто удавалось. Куда они делись, было понятно: их пожрали окуни. А вот откуда взялись эти обжоры, никто не знал.

Версии высказывались самые фантастические. Сейчас бы сразу обвинили иностранных агентов, но тогда органы ещё крепко стояли на защите рубежей, а внутри страны было такое единство, о каком нынешняя «Единая Россия» и мечтать не смеет. В итоге возобладала версия, что этих окуней запустили в реку специально с целью уничтожить мульков, которые вдруг заболели и угрожали заразить всех прочих рыб. Всё же народ к тому времени приучили мыслить строго позитивно и верить в мудрость власти. А тем временем в реке стал исчезать и хариус, а за ним и голавль. Это уже было объяснимо: мулёк служил пищей для крупного хариуса и голавля, а появление конкурента нарушило эту пищевую цепочку. Последним исчез сам виновник этой катастрофы – окунь, ему тоже стало не хватать пищи. Точнее, исчез не совсем: в реке стали попадаться крупные окуни – горбачи, но их было так же мало, как и других видов. Щука тоже стала редкостью.

Рыба не попадалась даже в сети. Порой удачливыйловец на лопаточку мог наловить больше, чем рыбака сетью. Хариуса стали ловить на кораблик – водяной змей. Нередко на берегу можно было увидеть сразу несколько рыболовов с корабликами. Появились отдельные, как сейчас говорят, «продвинутые» рыболовы со спиннингами. Но этому способу ловли мешало множество топляков, забивших все ямы в русле реки, где только и имело смысл ловить на блесну. Редкий заброс обходился без зацепа. Крючки-якоря стали отжигать, чтобы они разгибались. Спиннинги были самые примитивные, вплоть до самодельных, что для местного населения, которому важны не понты, а результат, вообще дело обычное. На блесну шли щука, окунь и крупный голавль. Но юрюзанские старожилы этот способ ловли не практиковали по той же причине, что и ловлю удочкой: времени требует много, а добычи мало.

Кого только ни винят в исчезновении рыбы в Юрюзани: и рыбаков, и молевой сплав. Конечно, каждая пойманная рыба уменьшает количество её в реке, но лишь на одну единицу. Выловить те стаи, какие я видел в раннем детстве своими глазами, не под силу никакому рыбаку. Что касается молевого сплава, то оценки его влияния на популяции рыб встречаются прямо противоположные. Но почему-то никто не говорит об очевидном, о том, что произошло на глазах множества людей, в те годы ещё населявших берега Юрюзани: произошла экологическая катастрофа. Правда, тогда и слова-то такого никто не знал, вот и придумывали «рациональные» объяснения. При этом всем было понятно, что рыбу пожрал окунь, вопрос был лишь в том, откуда он взялся в таком количестве.

У меня, конечно не тогда, а спустя много лет, появилась своя версия, и не думаю, что её кто-либо сможет опровергнуть. Впрочем, как и я доказать свою, так что и опровергать не понадобится: можно просто объявить её ересью, как поступают все специалисты, когда посторонний влезает в их огород. Да ладно бы специалисты – хуже, когда судить берутся политики. Так вот,

рыбача совсем в других местах, я обратил внимание на то, что во всех недавно созданных водохранилищах и прудах водится много окуня, и его тем больше, чем больше на дне этих водоёмов осталось необрушенных деревьев. Ну любит окунь такие коряжистые места, что тут поделаешь. А теперь сопоставим простые факты. Юрюзань впадает в реку Уфа. В 1959 году началось, а в 1961 году закончилось заполнение водохранилища Павловской ГЭС, и теперь Юрюзань впадает уже в это водохранилище. Вывод напрашивается сам собой: в водохранилище, затопившем лесистые берега Уфы, расплодился окунь. Водохранилище было бедно в отношении корма, там ещё не установился, как говорят биологи, подходящий для него биотоп, и мальки поперли в притоки, самый крупный из которых – Юрюзань. А, может, какой инстинкт их в верховья вёл, как лосося – я всё же не ихтиолог. Вот и вся загадка. Появление такого количества окуня было, действительно, явлением рукотворным, но явно побочным, а не запланированным.

Прошу простить меня за умные слова, но в реке со временем установился новый биоценоз (биологическое равновесие). Никакое равновесие, даже физическое, сразу не устанавливается. Понадобился не один десяток лет, чтобы рыбалка на Юрюзани стала удовлетворять хотя бы рыболовов-любителей, для которых и пара голавликов уже радость. Хариуса очень мало и поныне, голавль есть, но совсем не в том количестве, есть щука. Зато попадаетесь и крупный окунь. Мулёк и прочая мелочь оказались жертвой – они исчезли, видимо, надолго, если не навсегда, а это ставит крест на возрождении былого рыбного изобилия в Юрюзани.

Удочкой я ловил сорогу, иногда попадались некрупные голавлики. Для этого надо было пройти на полкилометра ниже Калмаша в сторону Кисетовки, где была заводь, и бросать насадку к самой струе. Как я уже сказал, ловить крупную рыбу меня научил Гим Бакеев. У него к этому делу был какой-то особенный талант. Он мог выйти из дома с удочкой и прямо с берега, где полоскали бельё, наловить голавлей. Другие сидели с удочкой часами – и ничего. К тому же отец Бакеевых был сплавщиком, и у него была лодка. Самым распространённым способом в то время была ловля «на лопаточку», по иному – на роспуск. Вся снасть состояла из деревянной лопаточки, на которую наматывалась леска с крючком, все 100 метров. Лодка ставилась на якорь выше предполагаемого участка ловли, насаживалась насадка и леска спускалась по течению. Юрюзань быстрая, леска до дна не опускается. Отмотав несколько метров лески, её несколько раз дёргали. Если клёва не было, отпускали дальше. Клёв чувствовался прямо рукой. Ловить с лодки можно было вдвоём, сидя у кормы по бортам. Так ловили хариуса, которого там называют харюзом, и голавлей. Обычная насадка – кузнечик: на голавль самые большие, саранча или зелёный певчий, что сидит на высокой траве или на кустах, а на хариуса – кобылки. По клёву уже было ясно, кто сидит на крючке. Хариус дёргался и к лодке шёл по поверхности, вертясь на крючке, поэтому часто срывался. Голавль, наоборот, тянул вглубь и вбок, как бычок. Иной раз тянешь – ну, думаешь, огромный. А подтянешь – так себе. Иногда попадались ельцы, но с этого места надо было уходить, приличной рыбы там не будет. Окунь в то время в реке не водился. Река была очень рыбная, и об этом тоже ещё будет речь. Обычно мы ловили хариусов напротив конца Калмаша, иногда сплавлялись на перекат в начале Кисетовки. Как-то раз мы просто плыли через реку, Гим правил (отталкивался шестом ото дна), а я просто смотрел в воду. И вдруг я увидел, что на дно как бы упала тень. Это была огромная стая хариусов, границ которой видно не было, рыбыны шли спина к спине.

Однажды мы рыбачили долго и на куканах висело уже по несколько харюзов – у Гима, конечно, больше. Поставили лодку, поднялись на берег, и тут на Гима набросились родители. Ругали его по-татарски – я, конечно, ничего не понял, но рыбалка, как уже было сказано, в большинстве семей считалась развлечением и отлыниванием от настоящей работы. С пацанов, конечно, спрос иной, но в деревне пацан в 10 лет уже работник, а Гиму тогда уже лет 13—14 было. В итоге он начал огрызаться, а потом в сердцах отдал мне всю свою рыбу. Дома у меня не хватило духу сознаться, что моя только часть улова, и с этого дня в глазах мамы я стал рыбаком. Рыбу она любила, как кто-то однажды выразился, как кошка.

Отец ловить рыбу совсем не умел, он и вырос в степи, да и интереса к ней я за ним не замечал. Правда, как-то раз купил крючков огромного размера, на которых и ловить-то в Юрюзани было некого, ничего не поймал и больше к этому не возвращался. Плавать он тоже не умел, воды жутко боялся. Когда мы переплывали реку на лодке, сидел на дне, вцепившись руками в борта, и кричал на нас, чтобы делали так же. Нам смешно было... Видимо, страх этот сидел в нём с войны. Там ведь не спрашивали, кто не умеет плавать, когда надо было форсировать реку. Даже в морскую пехоту, судя по рассказам, зачисляли по приказу, списком. Не умевшие плавать, если попадали в воду, шли ко дну камнем – оружие бросать тоже было преступлением перед советским государством. Винтовка, тем более пулемёт, имели цену, абстрактный человек цены не имел. Он и сейчас её, по большому счёту, имеет только как субъект пропаганды.

Рыбу ловил тятя. Когда мы уже переехали в Бурцовку (мне тогда было 10 лет), я стал его пусть и не постоянным, но помощником. Ловить сетью одному вообще практически невозможно, к тому же тятя очень плохо видел, поскольку потерял во время войны под Можайском один глаз. Второй от постоянного напряжения (тятя столярничал) тоже видел плохо. В деревне он был одним из немногих, кто ловил рыбу круглый год. Летом – мордами, по принципу кто попадётся, и сетью. Сеть ставилась либо на ночь в какой-либо яме, ранним утром вынималась, либо же ею окружали заводь, а потом били по воде ботом – ботали. Бот представлял из себя жестяной конус, закреплённый на конце шеста. Им надо было резко ударить по воде, загоняя в воду воздух, отчего раздавался глухой громкий звук. Головли имеют обыкновение прятаться где-нибудь под топляками и сидеть там в засаде до последнего, а звук бота выгонял их оттуда и они попадали в сеть. Зимой тятя долбил проруби во льду и опускал на дно морды, в них попадались змееподобные налимы. Вялые и неактивные летом, когда их никто и не ловит, зимой они становились шустрыми и попадалось их довольно много. Варили уху (шарбу по-местному, в словарях в том же значении встречается слово «щербя», но у нас произносили именно как шарба), чаще же запекали целиком, завернув в раскатанное дрожжевое тесто. У такого пирога было две корки: верхняя, подрумяненная, имела практически вкус обычной лепёшки с лёгким запахом рыбы, а нижняя пропитывалась её соком. Иногда уху варили из налимьей печёнки. Объяснять её вкус бесполезно, надо самому пробовать.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.